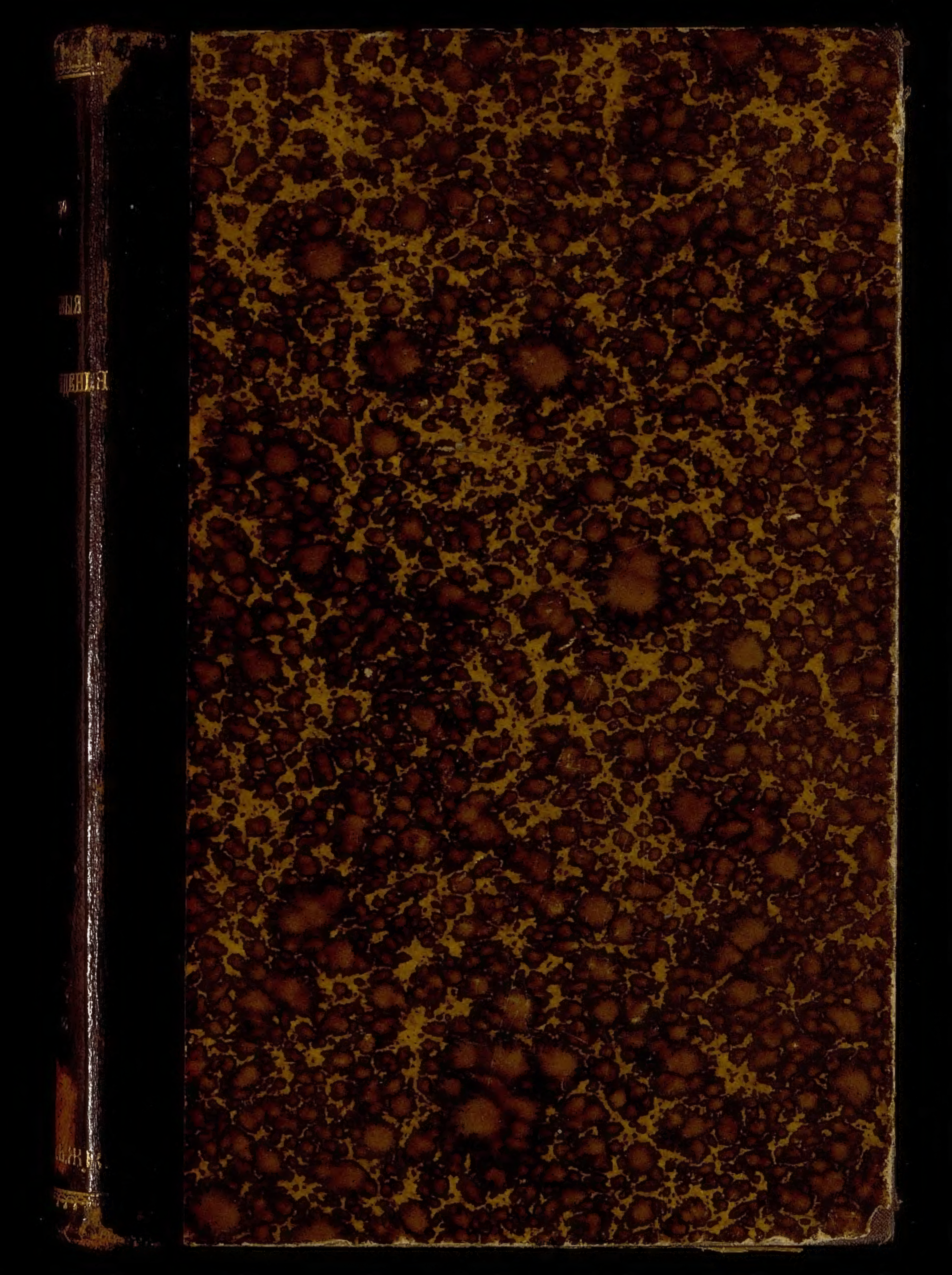

Философская библіотека изд. М. И. Семенова.

Философы-Матеріалисты.

2.

Дэни Дидро.

Избранныя философскія произведенія.

Переводъ съ предисловіемъ Виктора Серёжникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что нашему поколѣнію Дидро извѣстенъ только по имени. Для нашихъ дѣдовъ это имя было цѣлой программой, вызывавшей неугомонные споры и страстную борьбу: одни клеймили носителя его «изувѣромъ» и отворачивались отъ него, другіе просвѣщались сами на его произведеніяхъ и просвѣщали русское общество.

Дидро,—это вся вторая половина XVIII в. Если въ «Энциклопедіи», «гдѣ уже текла полноводная рѣка Революціи», отразилась вся общественно-политическая жизнь этого вѣка, то въ геніи Дидро, какъ въ фокусѣ, сосредоточились вся мысль, вся совѣсть, всѣ чаянія современныхъ ему поколѣній.

Неизсякаемый источникъ знанія, онъ оплодотворялъ умы своего вѣка. Онъ дунулъ однажды,—и сталъ Руссо. И такъ его дуновенію обязаны Кондильякъ, Рейналь, Гриммъ и множество другихъ великихъ и малыхъ людей. Какъ къ безбрежному океану, къ нему стекались рѣки, ручьи и потоки мысли и вдохновенія вѣка просвѣщенія. Сама Великая Революція, ея душа и геній таились въ немъ. Если Робеспьеръ произошелъ отъ Руссо, то Дантонъ былъ отпрыскомъ Дидро (О. Контъ. Мишлэ).

Для насъ Дидро дорогъ и важенъ еще и въ другомъ

отношеніи: *наука* XVIII *в. нашла свое высшее выраженіе въ матеріализмѣ, а Дидро былъ геніальнымъ и всеобъемлющимъ носителемъ послѣдняго.*

Въ предлагаемыхъ вниманію читателя произведеніяхъ запечатлѣлась послѣдовательная цѣпь развитія матеріалистическаго міровоззрѣнія Дидро. Въ «Мысляхъ» надъ его умозрѣніемъ еще тяготѣетъ, какъ ненужный придатокъ, теологическая ветошь; «Разговоръ между Д. и Д'А.» и «Сонъ Д'Аламбера»—выраженіе откровеннаго матеріализма.

Изъ этого сборника читатель получитъ также представленіе о взглядахъ Дидро въ области искусства, морали, общественно-политическихъ наукъ. Въ послѣдней области нашъ авторъ былъ чистѣйшимъ *идеалистомъ*. Матеріалистическій методъ въ исторіи—продуктъ послѣдующаго вѣка. Ни Дидро, ни его современники, несмотря на всю свою прозорливость, не сумѣли подняться до него. Необходимыя для этого предпосылки въ общественныхъ, экономическихъ отношеніяхъ и въ послѣдующемъ поколѣніи были нащупаны только единичными умами. Не поставитъ этого въ упрекъ Дидро тотъ, кто знаетъ, какъ много людей и въ наше время безнадежно путается въ сѣтяхъ отсталаго идеалистическаго міровоззрѣнія.

Само собою разумѣется, что настоящимъ сборникомъ далеко не исчерпывается литературное богатство Дидро. За предѣлами его остается еще много другихъ перловъ литературнаго пера великаго писателя. Въ недалекомъ будущемъ мы надѣемся, до нѣкоторой степени, восполнить этотъ пробѣлъ. Въ подготовляемой нами къ печати работѣ о Дидро (Очеркъ жизни и ученія его) мы дадимъ подробный анализъ ихъ, сопровождаемый многочисленными выписками, кото-

рыя въ достаточной мѣрѣ познакомятъ читателя съ достоинствами и значеніемъ этихъ произведеній.

Изъ опубликовываемыхъ нынѣ сочиненій только «Племянникъ Рамо» былъ однажды переведенъ на русскій языкъ (въ приложеніи въ переведенной съ англійскаго книгѣ Дж. Морлея: «Дидро и энциклопедисты»), остальныя—появляются впервые.

Переводъ сдѣланъ по «Oeuvres completes de Diderot» par I. Assezat, 1875 г. въ 20 т.т. Оттуда же взяты многія примѣчанія и предварительныя замѣчанія.

Въ текущемъ 1913 г. исполняется 200-лѣтіе со дня рожденія Дэни Дидро. Да послужитъ этотъ переводъ данью нашей глубокой признательности великому учителю, философу и энциклопедисту.

Викт. Сережниковъ.

Мысли по поводу объясненія природы. 1754 г.

Предварительныя замѣчанія.

«Мысли по поводу объясненія природы» больше, чѣмъ какое-либо другое произведеніе Дидро, подали поводъ считать его философомъ, полнымъ высокомѣрія и туманности въ философскихъ разсужденіяхъ. Высокомѣріе видѣли въ горделивомъ заявленіи: «Молодой человѣкъ, возьми и читай», по поводу котораго Фридрихъ II замѣтилъ: «Вотъ книга, которой я не буду читать: она написана не для меня, бородача». Въ «Мысляхъ» находили много туманнаго, потому что, дѣйствительно, въ нихъ больше остроумныхъ догадокъ и гипотезъ, чѣмъ наблюденныхъ фактовъ и выводовъ изъ нихъ. Нѣкоторые находили также неумѣстнымъ со стороны человѣка, хваставшагося любовью къ математикѣ и знаніемъ ея, въ моментъ самаго расцвѣта ея, когда въ ней работали Бернуйи, Клеро, Д'Аламберъ, заявленіе, что царство математики кончилось и начинается царство естественныхъ наукъ.

Тѣмъ не менѣе время показало, что не было ничего болѣе справедливаго, чѣмъ это утвержденіе. Математики XVIII в., какъ говоритъ Дидро, поставили «Геркулесовы столбы» въ своей наукѣ, и впослѣдствіи въ ней уже не было ни одного великаго открытія, котораго нельзя было бы предвидѣть. Естественныя же

науки и физико-химическія, наоборотъ, проложили, вмѣстѣ съ *Энциклопедіей*, новый путь, на которомъ онѣ находятся и въ настоящее время, и по которому онѣ съ каждымъ днемъ подвигаются впередъ, и нѣтъ возможности предугадать предѣлъ ихъ славнаго шествія и завоеваній.

Такова великая идея, господствующая въ этой книгѣ. Она дѣлаетъ произведеніе Дидро самымъ важнымъ изъ всѣхъ его произведеній, и Огюстъ Контъ не ошибался, когда отводилъ ему почетное мѣсто въ своей *«Позитивной Библіотекѣ»*.

Если на страницахъ этого произведенія и встрѣчается нѣсколько рискованныхъ догадокъ, то ихъ слѣдуетъ оцѣнивать съ точки зрѣнія, высказанной авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ дѣлѣ просвѣщенія людей чаще рѣчь идетъ не о томъ, чтобы найти истину, а о томъ, чтобы наставить ихъ на размышленіе о той или другой удачной или неудачной попыткѣ».

И попытки такого рода авторъ сѣетъ повсюду щедрой рукой.

Что же касается туманностей, чего мы, съ своей стороны, не замѣтили; то вѣдь нужно имѣть въ виду, что г.г. Шомэ, Фрероны, Палиссо, Моро всегда были насторожѣ, и потому приходилось быть очень осторожнымъ, чтобы не дать имъ въ руки лишняго противъ себя оружія. Дидро зналъ, что они не поймутъ его, если онъ подвергнетъ тяжелому испытанію ихъ познанія и проницательность, и на самомъ дѣлѣ оказалось то, что онъ писалъ для узкаго круга философовъ.

Благодаря такому пріему цѣль была достигнута; со стороны враговъ произведеніе встрѣтило лишь слабыя нападки. Безъ конца и на всѣ лады повторяли:

«Молодой человѣкъ, возьми и читай». «Маленькія письма о великихъ философахъ», «Воспоминанія о Какуа» и ихъ «Катихизисъ», «Dunciade» и всѣ подобныя имъ сатиры, скорѣе глупыя, чѣмъ злыя, издѣвались, называли Дидро Ликофрономъ, но не могли найти матеріала для судебнаго преслѣдованія и заточенія Дидро въ Бастилію.

Изъ отзывовъ современниковъ мы укажемъ только на статью въ «*Перепискѣ*» Гримма, въ которой Гриммъ восторгается и формой, и содержаніемъ «Мыслей», и на отзывъ Клемана, въ общемъ безпристрастнаго, по мѣщански отсталаго судьи, который писалъ: «Вы найдете тамъ то туманную болтовню, столь же легкомысленную, сколь ученую, то цѣлую цѣпь ошибочныхъ, поспѣшныхъ разсужденій. Но если у васъ хватитъ мужества послѣдовать за авторомъ въ его пещеру, то время отъ времени вамъ удастся увидѣть счастливые проблески свѣта... Какъ жаль, что этотъ писатель, которому нельзя отказать въ богатствѣ идей, рѣдкой проницательности и исключительной просвѣщенности, остается еще такимъ заманчиво-восхитительнымъ, такимъ задорнымъ, такимъ отчаяннымъ метафизикомъ!»

Маркизъ де-Польми въ примѣчаніяхъ къ каталогу своей библіотеки (Bibliothèque de l'Arsenal) выражается так. обр.: «Эта смѣлая книга наполнена больше метафизикой, чѣмъ физикой. Въ этомъ произведеніи Дидро нападаетъ на «Систему природы» Мопертюи, которая тогда появилась на латинскомъ языкѣ за подписью профессора изъ Эрлангена. Это нападеніе и нѣкоторыя другія заставили Мопертюи раскрыть свой псевдонимъ и издать по-французски свою [1]) «Vénus physique».

[1]) Ошибка: «Vénus physique» появилась въ 1745 г. и была опровергнута въ 1746 г.; г. Бассэ де Розье въ его «Anti-Vénus physique».

Вольтеръ, кажется, не зналъ «Мыслей». Онъ не былъ бы доволенъ заключительнымъ выводомъ противъ послѣдователей Ньютона и протестовалъ бы во имя деизма, какъ это сдѣлалъ его другъ Фридрихъ. Впрочемъ, вполнѣ возможно, что онъ многаго не понялъ бы въ этой книгѣ, написанной такимъ содержательнымъ, строго величественнымъ стилемъ, и изобилующей такимъ богатствомъ идей.

Дамиронъ находитъ въ этомъ произведеніи лишь очень неопредѣленные слѣды вѣры въ существованіе Бога и человѣческой души. Берсо (Etudes sur le XVIII s.) менѣе снисходителенъ; но онъ излагаетъ всю философію Дидро и дополняетъ «Мысли» «Философскими принципами матеріи и движенія». По нашему мнѣнію, такъ именно и слѣдуетъ поступать. Хотя послѣдняя вещь была написана гораздо позже (въ 1770 г.), но она, очевидно, преслѣдуетъ цѣль дополнить «Объясненіе природы». Начиная съ «Письма о слѣпыхъ» философія Дидро является законченной; въ нее онъ не внесетъ больше измѣненій. Уступки, которыя онъ дѣлалъ иногда, внушались ему осторожностью, но онѣ не имѣютъ большого значенія для его міровоззрѣнія. Мы даемъ «Философскіе принципы матеріи и движенія» въ качествѣ приложенія къ «Мыслямъ». Впрочемъ, такова традиція.

Мысли по поводу объясненія природы.

(1754 г.)

Молодымъ людямъ, имѣющимъ склонность къ изученію природы.

Молодой человѣкъ, возьми и читай это произведеніе. Если ты сможешь дочитать его до конца, ты будешь способенъ понимать лучшее. Такъ какъ я скорѣе склоненъ къ тому, чтобы упражнять твой умъ, чѣмъ обучать тебя, то для меня не важно, воспримешь ты мои идеи или отзергнешь ихъ, лишь бы онѣ всецѣло овладѣли твоимъ вниманіемъ. Кто-нибудь, болѣе способный, научитъ тебя познавать силы природы, для меня будетъ достаточно заставить тебя испытать свои.

P. S. Еще одно слово, и я оставлю тебя. Помни всегда, что природа не Богъ, человѣкъ не машина, гипотеза не фактъ, и будь увѣренъ, что ты не поймешь меня во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ этого произведенія, гдѣ, по твоему мнѣнію, ты замѣтишь что-нибудь противорѣчащее этимъ принципамъ.

1.

Я буду писать о природѣ. Пусть мысли мои выходятъ изъ-подъ пера въ томъ порядкѣ, въ какомъ предметы отражаются въ моемъ воображеніи; такъ лучше обозначится движеніе и ходъ моихъ размышленій. Это будутъ или общепризнанные взгляды на опытъ, или взгляды отдѣльныхъ лицъ на феноменъ, который,

повидимому, занимаетъ и дѣлитъ на двѣ группы всѣхъ нашихъ философовъ. У однихъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, много инструментовъ и мало идей, у другихъ много идей и вовсе нѣтъ инструментовъ. Интересы истины, казалось бы, требуютъ, чтобы тѣ, которые мыслятъ, соблаговолили, наконецъ, объединиться съ тѣми, которые дѣйствуютъ, чтобы спекуляція была предрасположена отдаваться движенію, чтобы въ своемъ безконечномъ движеніи она работала цѣлесообразнѣе, чтобы объединить и одновременно направить противъ непокорной природы всѣ наши силы, и чтобы въ этой, такъ сказать, лигѣ философовъ каждый исполнялъ свою роль.

2.

Область математиковъ—интеллектуальный міръ,—такова истина, съ величайшей смѣлостью и твердостью провозглашенная въ наши дни, истина, которую не упуститъ изъ виду хорошій физикъ и которая,навѣрное, повлечетъ за собой весьма плодотворныя послѣдствія. То, что въ этой области принимается за строгую истину, совершенно теряетъ это свое преимущество, когда спускается къ намъ, на нашу землю. Отсюда сдѣлали выводъ, что дѣло экспериментальной философіи внести поправки въ построенія геометріи, и этотъ выводъ былъ признанъ самими геометрами.

Но для чего съ помощію опыта исправлять геометрическое построеніе? Не проще ли удовлетвориться результатами опыта? Ясно, что математическія науки, особенно высшія, не даютъ безъ опыта точныхъ выводовъ, что онѣ представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ общей метафизики, гдѣ тѣла лишаются своихъ индивидуальныхъ качествъ, и что, пожалуй, оставалось

только написать большой трудъ подъ названіемъ: «*Примѣненіе опыта въ геометріи*» или «*Трактатъ объ аберраціи измѣреній*».

3.

Я не знаю, есть ли что нибудь общее между способностью къ игрѣ и умомъ математика, но есть много общаго между игрой и метаматикой. Оставляя въ сторонѣ неувѣренность въ исходѣ игры, создаваемую удачей или неудачей, или сравнивая ее съ неточностью въ абстрактныхъ вычисленіяхъ въ математикѣ, мы можемъ разсматривать партію игры, какъ неопредѣленный рядъ проблемъ, подлежащихъ, при данныхъ условіяхъ, разрѣшенію. Нѣтъ ни одного вопроса въ математикѣ, къ которому не подошло бы такое опредѣленіе; *вещь* математика существуетъ въ природѣ не больше, чѣмъ *вещь* игрока. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ условнымъ явленіемъ. Геометры, унижая метафизиковъ во мнѣніи людей, были далеки отъ мысли, что вся ихъ наука не что иное, какъ метафизика. Однажды спросили геометра:

«Кого называютъ метафизикомъ?»

Геометръ отвѣтилъ:

«Человѣка, который ничего не знаетъ».

Химики, физики, натуралисты и всѣ тѣ, кто прибѣгаетъ къ опыту въ своихъ изслѣдованіяхъ, оскорбленные не менѣе метафизика въ своихъ чувствахъ, кажется, готовы отомстить за метафизику и отнести то же самое опредѣленіе къ геометру. Они говорятъ:

«Къ чему всѣ эти глубокія теоріи о небесныхъ тѣлахъ, всѣ эти безконечныя вычисленія раціональной

астрономіи, если онѣ не избавляютъ Брэдлея или Лемонье отъ необходимости дѣлать наблюденія надъ небомъ?»

А я говорю:

«Счастливъ геометръ, у котораго серьезное изученіе абстрактныхъ наукъ не ослабило чувства прекраснаго, которому Горацій и Тацитъ такъ же близки, какъ и Ньютонъ, который сумѣетъ открыть свойства кривой и почувствовать красоты поэтическаго произведенія, мысль и открытія котораго останутся на всѣ времена, и который будетъ почтенъ всѣми академіями! Онъ не погрязнетъ во мракѣ неизвѣстноти, не будетъ бояться пережить свое имя».

4.

Мы—въ преддверіи великой революціи въ научной области. По той склонности умовъ къ морали, къ литературѣ, къ исторіи природы, къ опытной физикѣ, которая замѣчается въ настоящее время, я почти съ увѣренностью скажу, что не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ въ Европѣ нельзя будетъ насчитать трехъ великихъ геометровъ. Геометрія остановится на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставятъ Бернуйи, Эйлеръ, Мопертюи, Клеро, Фонтэнъ, Д'Аламберъ и Лагранжъ. Они поставятъ Геркулесовы столбы. Дальше этихъ столбовъ не пойдутъ. Труды ихъ будутъ жить въ грядущихъ вѣкахъ, подобно египетскимъ пирамидамъ, которыя своими испещренными гіероглифами громадами пробуждаютъ въ насъ ужасающую мысль о могуществѣ и богатствахъ людей, воздвигшихъ ихъ.

5.

Когда начинаетъ зарождаться какая-нибудь наука, то, благодаря величайшему уваженію, которымъ поль-

зуются въ обществѣ основоположники ея, благодаря желанію самому познать вещь, о которой много говорятъ, благодаря надеждѣ прославиться какимъ-нибудь открытіемъ, наконецъ, изъ честолюбивыхъ побужденій пріобщиться къ сонму знаменитыхъ людей, всѣ устремляются къ этой наукѣ. На время ею занимается безконечное множество различныхъ личностей. Это или люди свѣта, которыхъ гнететъ безделье, или перебѣжчики изъ другихъ областей знанія, мечтающіе создать себѣ въ модной наукѣ репутацію, которой они тщетно добивались въ другой области; одни дѣлаютъ себѣ изъ нея ремесло, другіе тяготѣютъ къ ней по склонности. Такая масса силъ, сосредоточенныхъ на этой наукѣ, довольно быстро приводитъ ее къ тому предѣлу, до котораго она можетъ дойти. Но по мѣрѣ того, какъ ея границы расширяются, границы уваженія къ ней суживаются. Остается уваженіе только къ тѣмъ, кто отмѣченъ превосходствомъ силъ. Толпа таетъ, уже не отправляются теперь въ невѣдомую страну, гдѣ счастье стало рѣдкимъ. Остаются тамъ только торгаши, которымъ она даетъ кусокъ хлѣба, да нѣсколько геніальныхъ людей, которыхъ она продолжаетъ прославлять еще долго послѣ того, какъ престижъ ея палъ, и открылись глаза на безполезность ихъ труда. На эти работы смотрятъ, какъ на подвигъ, дѣлающій честь человѣчеству. Вотъ краткій историческій очеркъ геометріи и всѣхъ наукъ, которыя перестанутъ учить или нравиться; я не исключаю отсюда и исторію природы.

6.

Сопоставляя безконечное множество феноменовъ природы съ ограниченностью нашего ума и слабо-

стью нашихъ органовъ и принимая во вниманіе медленность нашихъ работъ, долгіе и частые перерывы въ нихъ и рѣдкое появленіе геніевъ-творцовъ, что можемъ мы познать, кромѣ разрозненныхъ, оторванныхъ отъ общей великой цѣпи частей?.. Пусть экспериментальная философія работаетъ цѣлые вѣка, и всетаки матеріалъ, собранный ею, не поддающійся въ концѣ концовъ обработкѣ, благодаря своей подавляющей массѣ, далеко еще не былъ бы исчерпывающимъ. Сколько нужно было бы томовъ только для того, чтобы помѣстить термины, обозначающіе различныя коллекціи феноменовъ, если бы феномены были намъ извѣстны? Когда, наконецъ, философскій языкъ станетъ законченнымъ? А если бы онъ сталъ когда-нибудь законченнымъ, кто же изъ людей могъ бы знать его? Если бы Вѣчный, чтобы явить намъ свое всемогущество болѣе очевиднымъ образомъ, чѣмъ оно проявлено имъ въ чудесахъ природы, соблаговолилъ собственной рукой начертать на страницахъ книги сущность міроваго механизма, кто повѣритъ, что эта грандіозная книга была бы болѣе доступна намъ, чѣмъ сама вселенная? Сколько страницъ ея долженъ былъ бы понять тотъ философъ, который, несмотря на всю мощь своей головы, не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ усвоилъ хотя бы только выводы, съ помощью которыхъ одинъ древній геометръ опредѣлялъ отношеніе шара къ цилиндру? На ея страницахъ мы находили бы довольно хорошую мѣру для силы нашего ума и еще лучшую сатиру на наше тщеславіе. Мы могли бы сказать: Ферма дошелъ до такой-то страницы, Архимедъ подвинулся на нѣсколько страницъ дальше.

Какова же цѣль наша? Выполненіе работы, которая никогда не можетъ быть выполнена, и которая была

бы выше человѣческаго пониманія, если бы она была закончена. Не безумнѣе ли мы первыхъ обитателей равнины Сенааръ? Мы знаемъ, что между землей и небесами безконечное разстояніе, и не перестаемъ возводить башню. Но можно ли предположить, что наступитъ время, когда наша обезкураженная гордость броситъ эту работу? На основаніи чего можно судить, что, живя здѣсь въ тѣснотѣ и среди неудобствъ, она всетаки будетъ упорно трудиться надъ постройкой необитаемаго дворца за предѣлами атмосферы? Если же она будетъ упорствовать, не остановитъ ли ее смѣшеніе языковъ, уже теперь слишкомъ чувствительное и слишкомъ неудобное въ естественной исторіи? Впрочемъ, полезность ставитъ всему границы. Полезность положитъ предѣлы опытной физикѣ въ нѣсколько столѣтій подобно тому, какъ теперь она дѣлаетъ это съ геометріей. Я отпускаю этой наукѣ нѣсколько столѣтій, потому что сфера ея полезности безконечно обширнѣе, чѣмъ у какой либо абстрактной науки, и потому что она безспорно является основой нашихъ истинныхъ знаній.

7.

Поскольку вещи существуютъ только въ нашемъ представленіи, онѣ являются лишь нашими мнѣніями, это—наши понятія, которыя могутъ быть истинными или ложными, спорными или безспорными. Они становятся прочными только въ связи съ внѣшними предметами. Эта связь создается или непрерывной цѣпью опытовъ, или непрерывной цѣпью разсужденій, которая однимъ концомъ упирается въ наблюденіе, а другимъ въ опытъ; или цѣпью то тамъ, то здѣсь среди разсужденій разсѣянныхъ

опытовъ, какъ грузъ на ниткѣ, прикрѣпленной обоими концами,—безъ груза нитка стала бы игрушкой малѣйшихъ колебаній воздуха.

8.

Понятія, не имѣющія никакой опоры въ природѣ, можно сравнить съ тѣми лѣсами Сѣвера, гдѣ деревья безъ корней. Достаточно легкаго порыва вѣтра, чтобы перевернуть цѣлый такой лѣсъ,—достаточно незначительнаго факта, чтобы перевернуть цѣлый лѣсъ идей.

9.

Люди едва чувствуютъ, какъ суровы законы отысканія истины и какъ ограничены наши средства. Все сводится къ тому, чтобы отъ чувствъ переходить къ размышленію, и отъ размышленія—къ чувствамъ; безпрерывно углубляться въ себя и возвращаться къ дѣйствительности, это—работа пчелы. Напрасно убивать пчелу, если не входишь въ улей, наполненный воскомъ. Безцѣльно собирать воскъ, если не умѣешь дѣлать изъ него сотовъ.

10.

Но, къ несчастью, легче и короче освѣдомляться у себя, чѣмъ у природы. Къ тому же разумъ склоненъ пребывать въ самомъ себѣ, а инстинктъ растекаться во внѣ. Инстинктъ безпрестанно разсматриваетъ, пробуетъ, трогаетъ, слушаетъ, и онъ, можетъ быть, больше научился бы опытной физикѣ, изучая животныхъ, чѣмъ слѣдя за курсомъ какого-нибудь профессора. Въ поступкахъ животныхъ нѣтъ шарлатанства. Они идутъ къ своей цѣли, не заботясь о томъ, что окружаетъ ихъ: если они поражаютъ насъ, то это вовсе не входитъ

въ ихъ намѣренія. Удивленіе—первый эффектъ, производимый грандіознымъ феноменомъ; задача философіи—разсѣять его. Курсъ опытной философіи долженъ сдѣлать слушателей болѣе образованными, а не болѣе изумленными. Гордиться феноменами природы, приписывая себѣ авторство ихъ, значитъ подражать глупости издателя [1]) «*Опытовъ*», который не могъ слышать имени Монтэня безъ краски стыда. Признаніе недостаточности своихъ знаній—великій урокъ; у людей часто бываетъ поводъ давать такой урокъ. Не лучше ли пріобрѣсти довѣріе другихъ искреннимъ заявленіемъ: *я ничего не знаю*, чѣмъ бормотать какія-то слова и становиться жалкимъ въ своихъ потугахъ найти всему объясненіе? Кто откровенно сознается въ незнаніи того, чего онъ не знаетъ, располагаетъ меня къ себѣ и побуждаетъ вѣрить тому, что онъ начинаетъ мнѣ объяснять.

11.

Удивленіе часто возникаетъ оттого, что мы предполагаемъ существованіе многихъ чудесъ тамъ, гдѣ есть только одно чудо; оттого, что мы воображаемъ наличность въ природѣ столькихъ отдѣльныхъ актовъ, сколько насчитывается феноменовъ, между тѣмъ какъ природа никогда, можетъ быть, не производила болѣе одного акта. Если бы даже она была поставлена въ необходимость производить много актовъ, то разнообразные результаты ихъ, повидимому, проявлялись бы изолированно; появились бы группы независимыхъ другъ отъ друга феноменовъ, и вся эта цѣпь, непрерывность которой предполагается въ философіи,

---

[1]) Костъ (?), который дѣйствительно вложилъ много своего въ примѣчанія къ своему изданію Монтэня (Лондонъ, 1724).

распалась бы во многихъ мѣстахъ. Абсолютная независимость хотя бы одного факта несовмѣстима съ идеей о цѣломъ, а безъ идеи о цѣломъ нѣтъ философіи.

12.

Повидимому, природѣ нравится безконечно и разнообразно варіировать *) одинъ и тотъ же механизмъ. Она оставляетъ какой-нибудь родъ своихъ произведеній только послѣ того, какъ умножитъ во всевозможныхъ видахъ индивидовъ его. Разсматривая животное царство и замѣчая, что среди четвероногихъ нѣтъ ни одного животнаго, функціи и части котораго, особенно внутреннія, цѣликомъ не походили бы на таковыя же другого четвероногаго, развѣ не повѣришь охотно, что нѣкогда было одно первое животное, прототипъ всѣхъ животныхъ, природа котораго сдѣлала только то, что удлинила, укоротила, трансформировала, умножила, срастила извѣстные органы? Вообразите соединенными вмѣстѣ пальцы руки и ноготную матерію въ такомъ изобиліи, что, расширяясь и вздуваясь, она заволакиваетъ и покрываетъ все,— вмѣсто руки человѣка вы будете имѣть ногу лошади **). Видя, какъ послѣдовательныя метаморфозы пласта прототипа, каковъ бы онъ ни былъ, незамѣтными переходами сближаютъ одно царство съ другимъ, и какъ онѣ заселяютъ *межи* двухъ царствъ (если мнѣ

*) См. въ «Естественной Исторіи» Бюффона Исторію осла и небольшую работу на латинск. яз. подъ заглавіемъ: «Dissertatio inauguralis metaphysica, de universals naturae systemate, pro gradu docteris habita», отпечатанную въ Эрлангенѣ въ 1751 г. и привезенную во Францію г. де-М... (Мопертюи) въ 1753 г. (Дидро). Гете, какъ и Жофруа Сентъ-Илеръ, развилъ въ своихъ работахъ по естественной исторіи ту же точку зрѣнія.

**) См. въ L'Histoire naturelle générale à particulière par M. Daubentont. Описаніе лошади. (Дидро)

будетъ позволено употребить терминъ *межи* для обозначенія границъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого дѣленія), и какъ онѣ заселяютъ, говорю я, межи двухъ царствъ существами сомнительными, неопредѣленными, по большей части, лишенными формъ, свойствъ и функцій одного царства и снабженными формами, свойствами и функціями другого,—видя все это, кто не почувствовалъ бы въ себѣ склонность повѣрить тому, что нѣкогда было только одно первое существо—прототипъ всѣхъ живыхъ существъ?

Но признаете ли вы вмѣстѣ съ докторомъ Бауманомъ *) истинной эту философскую догадку или отвергнете ее, какъ ложную, вмѣстѣ съ Бюффономъ, вы всетаки не будете отрицать, что слѣдуетъ принять ее, какъ гипотезу, важную для прогресса опытной физики, раціональной философіи, для открытія и объясненія явленій, связанныхъ съ организаціей живыхъ существъ. Ибо очевидно, что природа не могла сохранить столько сходства въ частяхъ и установить столько разнообразія въ формахъ безъ того, чтобы не выявить въ одномъ организованномъ существѣ то, что она отняла у другого. Природа подобна женщинѣ, которая любитъ наряжаться и которая, по-

*) Бауманъ — псевдонимъ Мопертюи на цитированномъ въ предыдущемъ примѣчаніи сочиненіи. Это сочиненіе появилось на франц. яз. немного позже «Объясненія *природы*» подъ заглавіемъ: Essai sur la fonction des corps organises съ предувѣдомленіемъ отъ издателя (аббата Трюблэ). Его выдавали за переводное произведеніе, но это былъ, какъ замѣчаетъ Гриммъ, «подлинный оригиналъ», къ несчастью, «испорченный весьма плоскимъ предисловіемъ», гдѣ Фреронъ и Дидро поставлены на одну доску. Въ полномъ собраніи сочиненій Мопертюи (Ліонъ, 1768 или 1766) эта диссертація носитъ заглавіе: «Система Природы», какъ книга Гольбаха, съ которой не слѣдуетъ смѣшивать ее.

казывая изъ подъ своихъ нарядовъ то одну часть тѣла, то другую, подаетъ своимъ настойчивымъ поклонникамъ нѣкоторую надежду узнать ее когда-нибудь всю.

13.

Открыли, что у одного пола такая же сѣмянная жидкость, какъ у другого. Части, содержащія эту жидкость, не составляютъ больше тайны. Замѣтили, что въ извѣстныхъ органахъ самки происходятъ особенныя измѣненія, когда природа понуждаетъ ее искать самца *). Сравнивая въ процессѣ схожденія половъ симптомы ихъ наслажденія и убѣждаясь, что страсть выливается у нихъ обоихъ въ формѣ одинаково характерныхъ для нихъ порывовъ, нельзя не придти къ выводу, что у нихъ происходитъ одинаковое истеченіе сѣмянной жидкости. Но гдѣ и какъ происходитъ это истеченіе у женщины? Что дѣлается съ жидкостью? Какимъ путемъ слѣдуетъ она? Это люди узнаютъ тогда, когда природа, не во всемъ и не вездѣ одинаково таинственная, разоблачитъ себя въ какомъ-нибудь другомъ видѣ, что̀, очевидно, случится однимъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ: или формы у органовъ станутъ болѣе явственными, или истеченіе жидкости, благодаря ея чрезвычайному изобилію, сдѣлается чувствительнымъ въ самомъ началѣ его и на всемъ его пути. То, что отчетливо было видно у одного существа, не замедлитъ обнаружиться у другого, подобнаго ему. Въ опытной физикѣ научаются познавать незначительныя явленія по большимъ, какъ въ раціональной великія явленія познаются по малымъ.

---

*) См. въ L'Histoire naturelle générale et particulière. Рѣчь о зарожденіи. (Дидро). Вся система Бюффона по вопросу о зарожденіи ложна, ложны и выводы Дидро, основанные на ней.

14.

Я представляю себѣ необъятную область наукъ широкимъ полемъ, усѣяннымъ темными и свѣтлыми пятнами. Цѣль нашихъ работъ должна заключаться или въ томъ, чтобы расширить границы свѣтлыхъ пятенъ, или въ томъ, чтобы умножить на полѣ источники свѣта. Первое—дѣло генія—созидателя, второе—дѣло совершенствующейся прозорливости.

15.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются три главныхъ способа изученія: наблюденіе природы, размышленіе и опытъ. Наблюденіе собираетъ факты, размышленіе комбинируетъ ихъ, опытъ провѣряетъ результаты комбинацій. Необходимо прилежаніе для наблюденія природы, глубина для размышленія и точность для опытовъ. Рѣдко встрѣчаются всѣ эти три способа вмѣстѣ. И геніи-творцы появляются не часто.

16.

Въ поискахъ за истиной философъ часто бываетъ похожъ на неумѣлаго политика, который не видитъ выгодныхъ сторонъ представившагося случая въ то время, какъ какой-нибудь крохоборъ въ политикѣ случайно нащупываетъ ихъ. Нужно, однако, сознаться, что среди такихъ крохоборовъ въ области опыта есть много неудачниковъ: иной изъ нихъ всю свою жизнь затратитъ на наблюденія за насѣкомыми и ничего новаго не увидитъ, а другой мимоходомъ броситъ

на нихъ взглядъ и замѣтитъ полипа *) или травяную вошь-гермафродита **).

17.

Развѣ міру не доставало геніальныхъ людей? Нисколько. Развѣ они недостаточно размышляли и изучали? Еще того меньше. Исторія наукъ изобилуетъ славными именами, поверхность земли усѣяна памятниками нашихъ трудовъ. Почему же такъ мало истинныхъ знаній въ нашемъ распоряженіи? Какой рокъ виситъ надъ науками, которыя такъ медленно подвигаются впередъ? Развѣ намъ суждено остаться дѣтьми навсегда? Я ужъ отвѣтилъ на эти вопросы. Абстрактныя науки слишкомъ долго и слишкомъ безплодно занимали лучшіе умы; люди или не изучали того, что важно знать, или изучали безсистемно, не имѣя ни опредѣленной точки зрѣнія, ни плана; нагромождали безъ конца слова, а знаніе вещей оставалось въ загонѣ.

18.

Истинный пріемъ философствованія заключался и, вѣроятно, будетъ заключаться въ томъ, чтобы приходить на помощь разумомъ разуму, разумомъ и опытомъ—чувствамъ, приспособлять чувства къ природѣ, пользоваться природой для изобрѣтенія инстру-

---

*) Открытъ и изученъ Трамблеемъ.

**) Боннэ первый замѣтилъ въ 1740 г. этотъ фактъ страннаго воспроизведенія вши, извѣстнаго теперь подъ названіемъ партеногенезиса, такъ какъ въ дѣйствительности потомство ея происходитъ отъ раньше бывшаго оплодотворенія, а не отъ гермафродитизма, какъ думали въ моментъ этого открытія. См. также *Физіологію* Галлера.

ментовъ, инструментами—для изслѣдованій и усовершенствованія ремеслъ, которыя предоставятъ народу, чтобы научить его уважать философію.

19.

Есть только одно средство сдѣлать философію цѣнной въ глазахъ простонародья: показать ея полезность. Простой народъ всегда спрашиваетъ: *какая польза отъ этого?* и никогда не слѣдуетъ отвѣчать ему: *никакой*; онъ не знаетъ, что то, что просвѣщаетъ философа, и то, что приноситъ пользу простонародью, вещи совершенно различныя, такъ какъ разумъ философа часто просвѣщается тѣмъ, что вредно, и затемняется тѣмъ, что полезно.

20.

Факты, каковы бы они ни были по своей природѣ, составляютъ истинное богатство философа. Но одинъ изъ предразсудковъ раціональной философіи заключается въ томъ, что человѣкъ, который не сумѣетъ сосчитать свои экю, будетъ не богаче другого, у котораго только одинъ экю. Къ несчастью, раціональная философія гораздо больше занята сопоставленіемъ и связываніемъ имѣющихся въ ея распоряженіи фактовъ, чѣмъ собираніемъ новыхъ.

21.

Собирать и связывать факты, это два очень трудныхъ занятія; философы раздѣлили ихъ между собою. Одни, полезные и трудолюбивые копуны, всю жизнь проводятъ въ накопленіи матеріаловъ; другіе, гордые строители, спѣшатъ приложить ихъ къ дѣлу.

До сихъ поръ время разрушало почти всѣ сооруженія раціональной философіи. Рано или поздно

запыленный кропатель выноситъ изъ подземелья, гдѣ онъ роетъ въ-слѣпую, кусокъ, гибельный для всей этой архитектуры-созданія головы; она рушится и остаются лишь груды обломковъ до прихода другого смѣлаго генія, который примется создавать изъ нихъ новыя комбинаціи. Счастливъ философъ—систематикъ, котораго, какъ нѣкогда Эпикура, Лукреція, Аристотеля, Платона, природа одаритъ могучимъ воображеніемъ, великимъ краснорѣчіемъ, искусствомъ представлять свои идеи въ яркихъ и возвышенныхъ образахъ! Сооруженіе, воздвигнутое имъ, можетъ быть, падетъ когда-нибудь, но среди развалинъ уцѣлѣетъ его статуя, и скала, сорвавшаяся съ горы, не разобьетъ ее, такъ какъ она не на глиняныхъ ногахъ.

22.

У разума есть свои предразсудки, у чувства—своя неувѣренность, у памяти—свои границы, у воображенія—свой обманчивый свѣтъ, у инструментовъ—свои несовершенства. Явленія—безчисленны, причины—скрыты, формы, можетъ быть, преходящи. Противъ столькихъ преградъ, находящихся въ насъ и полагаемыхъ природой внѣ насъ, у насъ имѣется только медлительный опытъ и ограниченное разумѣніе. Вотъ рычаги, которыми философія задалась перевернуть весь міръ.

23.

Мы различали два рода философіи: опытную и раціональную. У одной на глазахъ повязка; ходитъ она всегда ощупью, хватаетъ все, что попадаетъ ей подъ руки, и находитъ въ концѣ концовъ драгоцѣнныя вещи. Другая собираетъ эти драгоцѣнности и

старается сдѣлать себѣ изъ нихъ свѣточъ, но до настоящаго времени этотъ мнимый свѣточъ хуже обслуживалъ ее, чѣмъ ощупь ея соперницы; такъ и должно было случиться. Опытъ безконечно расширяетъ свой размахъ, онъ безпрестанно дѣйствуетъ, постоянно въ поискахъ за явленіями въ то время, какъ разумъ ищетъ аналогій. Опытная философія не знаетъ ни того, что выйдетъ, ни того, чего не выйдетъ изъ ея труда, но она работаетъ безъ перерыва. Раціональная же философія, напротивъ, взвѣшиваетъ возможности, произноситъ приговоръ и умолкаетъ. Она смѣло произноситъ: *свѣтъ нельзя разложить*. Опытная философія слушаетъ ее и молчитъ предъ ней въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій; затѣмъ вдругъ она показываетъ призму*) и говоритъ: *свѣтъ разлагается*.

24.

Эскизъ опытной физики.

Опытная физика изучаетъ вообще *существованіе, свойства и пользованіе*.

Существованіе обнимаетъ *исторію, описаніе, происхожденіе, сохраненіе и разрушеніе*.

Исторія изучаетъ мѣстности, ввозъ, вывозъ, цѣны, предразсудки и пр.

Описаніе внутреннее и внѣшнее по всѣмъ выдающимся признакамъ.

Происхожденіе съ самаго начала до состоянія совершенства.

Сохраненіе всѣми средствами въ данномъ состояніи.

Разрушеніе, начиная съ состоянія совершенства до послѣдней извѣстной степени *разстройства* или *гибели, растворенія* или *разложенія*.

---

*) Ньютонъ, какъ извѣстно, авторъ этого открытія.

Свойства суть общія или особенныя.

Я называю *общими* тѣ свойства, которыя присущи всѣмъ существамъ и которыя варіируются у нихъ лишь количественно.

Я называю *особенными* тѣ свойства, которыя составляютъ данное существо; онѣ состоятъ или изъ субстанціи *цѣльной* или же изъ субстанціи *раздѣленной* или *разложенной*.

Пользованіе простирается на *сравненіе*, на *примѣненіе* и на *комбинацію*.

Сравненіе производится или при посредствѣ *сходныхъ* или при посредствѣ *различныхъ* предметовъ.

Примѣненіе должно быть возможно болѣе распространеннымъ и разнообразнымъ.

Комбинація бываетъ аналогичной или своеобразной.

25.

Я говорю: *аналогичной* или *своеобразной*, ибо все сводится къ природѣ, какъ самый нелѣпый, такъ и самый разумный опытъ. Опытная философія, которая ничѣмъ не задается, всегда довольна тѣмъ, что у нея выходитъ, раціональная же выглядитъ всегда ученой, даже и тогда, когда у нея не удается то, чѣмъ она задалась.

26.

Опытная философія—наука несложная, почти не требующая никакой подготовки. Нельзя того же сказать о другихъ частяхъ философіи. Большинство ихъ питаютъ въ насъ бѣшеную жажду къ предположительнымъ построеніямъ. Опытная философія со временемъ искореняетъ ее. Рано или поздно надоѣдаетъ строить неудачныя догадки.

27.

Склонностью къ наблюденіямъ могутъ быть одарены всѣ люди; склонностью къ опытамъ, повидимому, должны быть одарены только богатые люди.

Для наблюденій требуется лишь обычное пользованіе чувствами; для опытовъ необходимы постоянные расходы. Желательно было бы, чтобы великіе міра сего прибавили этотъ способъ мотовства къ столь многимъ другимъ, изобрѣтеннымъ ими, но менѣе почетнымъ. По всѣмъ соображеніямъ, предпочтительнѣе для нихъ обѣднѣть отъ химика, чѣмъ быть обобраннымъ разными дѣльцами, пристраститься къ опытной физикѣ, которая время отъ времени забавляла бы ихъ, чѣмъ волноваться предъ тѣнью наслажденій, за которой они безпрестанно гоняются, но которая постоянно ускользаетъ отъ нихъ. Философамъ съ ограниченными средствами, но чувствующимъ склонность къ опытной физикѣ, я охотно далъ бы совѣтъ, какой я далъ бы моему другу, если бы онъ былъ томимъ страстью обладать прекрасной куртизанкой:

Laidem habeto, dummodo te Lais non habeat.

Такой же совѣтъ я далъ бы тѣмъ, кто одаренъ достаточно обширнымъ умомъ, чтобы строить системы, и кто достаточно богатъ, чтобы провѣрять ихъ на опытѣ. Имѣйте систему, я согласенъ съ этимъ, но не позволяйте ей господствовать надъ вами. Laidem habeto.

28.

По своимъ хорошимъ результатамъ физика можетъ быть сравнена съ совѣтомъ, который далъ своимъ дѣтямъ умирающій отецъ: на его полѣ зарытъ кладъ,

но въ какомъ мѣстѣ, онъ не знаетъ. Дѣти принялись копать поле; они не нашли клада, но зато собрали обильный урожай, какого не ожидали.

29.

На слѣдующій годъ одинъ изъ нихъ сказалъ своимъ братьямъ:

Я тщательно осмотрѣлъ оставленную отцомъ землю и думаю, что нашелъ мѣсто клада. Послушайте: вотъ какъ я разсуждалъ. Если кладъ зарытъ въ полѣ, то вокругъ него должны быть какіе-нибудь признаки, обозначающіе мѣсто его нахожденія, и я замѣтилъ странные слѣды въ восточномъ углу поля; почва тамъ была, повидимому, взрыта. Прошлый годъ мы изъ опыта убѣдились, что клада нѣтъ въ верхнемъ слоѣ почвы, стало быть, онъ скрытъ въ глубинѣ ея. Примемся за лопаты и будемъ рыть, пока не достанемъ клада корыстолюбца.

Увлеченные не столько силой доводовъ, сколько жаждой обогащенія, всѣ братья принялись за работу. Они уже вырыли глубокую яму, но ничего не нашли; надежда начала покидать ихъ и ропотъ сталъ раздаваться среди братьевъ, когда одному изъ нихъ вообразилось, что онъ напалъ на руду. Это, дѣйствительно, была свинцовая руда, которую они раньше эксплоатировали и которая доставила имъ много свинца. Таковы бываютъ иногда результаты опытовъ, внушенныхъ наблюденіями и систематическими идеями раціональной философіи. Такимъ образомъ химики и геометры, упорно трудясь надъ рѣшеніемъ проблемъ, можетъ быть, невозможныхъ, приходили къ открытіямъ болѣе важнымъ, чѣмъ само это рѣшеніе.

30

Благодаря огромному навыку въ производствѣ опытовъ, у самыхъ грубыхъ манипуляторовъ вырабатывается чутье, граничащее съ вдохновеніемъ. При наличности такого чутья почти исключительно отъ нихъ зависитъ ошибиться или нѣтъ; какъ и Сократъ, они вправѣ назвать его *геніемъ-хранителемъ*. У Сократа былъ такой удивительный навыкъ познавать людей и взвѣшивать всѣ факты, что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ у него незамѣтно складывалась быстрая и точная оцѣнка, сопровождаемая такимъ прогнозомъ, который почти безошибочно угадывалъ наступающія событія. Онъ судилъ о людяхъ, какъ лица съ художественнымъ чутьемъ судятъ объ ученыхъ произведеніяхъ—чувствомъ. То же нужно сказать въ опытной физикѣ объ инстинктѣ нашихъ великихъ манипуляторовъ. Имъ такъ часто и такъ близко приходилось въ ихъ опытахъ наблюдать природу, что они съ достаточной точностью догадываются о направленіи, которое она можетъ взять въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ вздумается провоцировать ее своими своеобразнѣйшими опытами. Такимъ образомъ, самая важная услуга, которую они могутъ оказать лицамъ, посвящаемымъ ими въ опытную физику, заключается не въ томъ, чтобы научить ихъ знать процессъ и его результаты, а въ томъ, чтобы внушить имъ этотъ духъ предвидѣнія, съ помощью котораго можно, такъ сказать, *учуять* неизвѣстные процессы, новые опыты, непредвидѣнные результаты.

31.

Какъ сообщается этотъ духъ? Тому, кто обладаетъ имъ, слѣдуетъ углубиться въ самого себя, чтобы отчетливо познать, что онъ изъ себя представляетъ, замѣстить генія-хранителя ясными и доступными пониманію понятіями и развить ихъ другимъ. Если бы онъ, напр., нашелъ, что *нетрудно предполагать или замѣчать противорѣчія или аналогіи благодаря практическому знанію физическихъ свойствъ существъ, разсматриваемыхъ въ одиночку, или ихъ взаимодѣйствія, когда ихъ разсматриваютъ совокупно*, развилъ бы эту мысль, подкрѣпилъ бы ее множествомъ фактовъ, всплывшихъ въ его памяти, то получилась бы точная исторія всѣхъ очевидныхъ нелѣпостей, зарождавшихся въ его головѣ. Я говорю: нелѣпостей, ибо какое иное названіе дать этой цѣпи догадокъ, основанныхъ на противорѣчіяхъ или подобіяхъ столь отдаленныхъ, столь неуловимыхъ, что бредъ больного, по сравненію съ ними, не покажется ни болѣе страннымъ, ни болѣе безсвязнымъ? Иной разъ не бываетъ ни одного предложенія, которое нельзя было бы оспорить, или само по себѣ, или въ связи съ предшествующимъ или съ послѣдующимъ. А цѣлое столь ненадежно и въ своихъ посылкахъ и въ своихъ выводахъ, что часто пренебрегали дѣлать наблюденія или опыты, вытекавшія изъ него.

ПРИМѢРЫ.

32.

Первая группа догадокъ.

1. Есть тѣло, которое называютъ *маточнымъ клубкомъ*. Это странное тѣло зарождается въ женскомъ организмѣ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, безъ содѣйствія мужчины. Какимъ бы образомъ ни совершалось зарожденіе, очевидно, въ немъ участвуютъ два пола. Не есть ли маточный клубокъ совокупность или всѣхъ элементовъ, истекающихъ изъ женскаго организма во время зачатія человѣка, или всѣхъ элементовъ, которые истекаютъ изъ мужского организма во время схожденія съ женщиной? Эти элементы, находящіеся въ спокойномъ состояніи у мужчины, не могутъ ли они разгораться, возбуждаться и приходить въ движеніе у нѣкоторыхъ женщинъ съ пламеннымъ темпераментомъ и сильнымъ воображеніемъ? Эти элементы, находясь въ спокойномъ состояніи у женщины, не могутъ ли они придти у ней въ дѣйствіе, благодаря ли бездѣятельному и безплодному присутствію и неоплодотворяющихъ, но страстныхъ движеній мужчины, или благодаря бурному проявленію неудовлетворенныхъ желаній женщины, выходить изъ своихъ сосудовъ, проникать въ матку, задерживаться тамъ и соединяться другъ съ другомъ? Не есть ли маточный клубокъ результатъ этого уединеннаго соединенія элементовъ, исходящихъ изъ женскаго организма, или элементовъ, доставленныхъ мужчиной? Но если маточный клубокъ есть результатъ такого соединенія, какой предполагается мною, это соединеніе будетъ имѣть свои такіе

же непреложные законы, какъ законы зарожденія. Маточный клубокъ будетъ имѣть, слѣд., постоянную организацію. Возьмемъ скальпель, откроемъ маточные клубки и посмотримъ; можетъ быть, мы откроемъ маточные клубки, разнящіеся другъ отъ друга нѣкоторыми чертами въ зависимости отъ различія половъ. Вотъ что можно назвать искусствомъ послѣдовательно заключать отъ того, что совершенно неизвѣстно, къ тому, что еще менѣе извѣстно. Такимъ навыкомъ безразсудства обладаютъ въ высокой степени тѣ, кто пріобрѣлъ или получилъ отъ природы способность къ опытной физикѣ; такого рода бреднямъ люди обязаны многими открытіями. Вотъ именно такой родъ предвидѣнія нужно внушать ученикамъ, если только его можно внушить.

2. Но если со временемъ откроютъ, что маточный клубокъ никогда не зарождается у женщины безъ содѣйствія мужчины, тогда можно будетъ высказать нѣсколько новыхъ догадокъ на счетъ этого необыкновеннаго тѣла, гораздо болѣе вѣроятныхъ по сравненію съ предыдущими. Эта плева, состоящая изъ кровеносныхъ сосудовъ, которую называютъ placenta, представляетъ изъ себя, какъ извѣстно, сферическій колпачекъ, нѣчто въ родѣ гриба, прикрѣпленнаго своей выпуклой частью къ маткѣ во все время беременности; пуповина служитъ ему какъ бы стволомъ; при родахъ, отрываясь отъ матки, онъ причиняетъ страданія; поверхность его ровная, если женщина здорова, и роды проходятъ благополучно.

Такъ какъ существа ни при своемъ зарожденіи, ни во время своего формированія, ни во время существованія не представляютъ ничего другого, какъ то, чѣмъ имъ предназначено быть силой сопротивленія,

закономъ движенія и міровымъ строемъ, то если бы случилось, что этотъ сферическій колпачекъ, который, повидимому, только приложенъ къ маткѣ, понемногу отрывался бы своими краями съ момента беременности такъ, чтобы стадіи отдѣленія его точно слѣдовали бы за стадіями роста его въ объемѣ, то, мнѣ кажется, эти края, свободные отъ прикосновенія къ маткѣ, безпрестанно сближались бы и образовывали бы сферическую форму; что пуповина, влекомая двумя противоположными силами: одной—со стороны отдѣленныхъ и выпуклыхъ краевъ колпачка, которая стремилась бы укоротить ее, и другой—со стороны зародыша, который своей тяжестью стремился бы удлинить ее,— была бы гораздо болѣе короткой, чѣмъ обычно она бываетъ; что наступилъ бы моментъ, когда эти края сошлись бы, соединились бы окончательно и образовали бы нѣчто въ родѣ яйца, въ центрѣ котораго находился бы зародышъ, странный по своей организаціи, каковымъ онъ былъ и при зачатіи, сросшійся, сжатый, сомкнутый, и что это яйцо питалось бы до тѣхъ поръ, пока, благодаря его тяжести, окончателно не оторвалась бы и та незначительная часть его поверхности, которая оставалась еще прикрѣпленной къ маткѣ; что оно упало бы въ матку и было бы извергнуто оттуда, какъ яйцо, снесенное курицей, съ которымъ оно имѣетъ нѣкоторое сходство, по крайней мѣрѣ, по формѣ *). Если бы эти догадки были провѣрены

---

*) Теперь, дѣйствительно, такимъ образомъ объясняется образованіе маточныхъ клубковъ, которые представляютъ изъ себя остатки оболочекъ зачатка ненормально развившихся послѣ смерти. Что же касается маточныхъ клубковъ, созданныхъ безъ предварительнаго оплодотворенія, то это не что иное, какъ куски запекшейся крови или полипы: *мнимые маточные клубки*.

хотя бы на одномъ маточномъ клубкѣ и если бы все-таки было доказано, что этотъ клубокъ зарождается у женщины безъ сношенія съ мужчиной, то, очевидно, отсюда слѣдовало бы, что зародышъ вполнѣ формируется у женщины и что участіе мужчины способствуетъ только его развитію.

33.

Вторая группа догадокъ.

Предполагая, что земля — плотное ядро изъ стекла*), какъ утверждаетъ одинъ изъ нашихъ величайшихъ философовъ, и что это ядро покрыто пылью, можно утверждать, что вслѣдствіе законовъ центробѣжной силы, стремящейся притянуть свободныя тѣла къ экватору и придать землѣ форму сплюснутаго сфероида, пласты этой пыли должны быть менѣе плотными у полюсовъ, чѣмъ подъ любой параллелью, что, можетъ быть, у оконечностей оси ядро голое и что этой особенности слѣдуетъ приписать направленіе магнитной стрѣлки и сѣверное сіяніе, которое, вѣроятно, не больше, какъ токъ электрической матеріи **).

Весьма вѣроятно, что магнетизмъ и электричество зависятъ отъ тѣхъ же причинъ. Почему бы результатамъ движенія отъ вращенія земного шара и энергіи матерій, изъ коихъ онъ составленъ, не комбинироваться съ дѣйствіемъ луны? Приливы и отливы, теченія, вѣтра, свѣтъ, движеніе свободныхъ частицъ

---

*) Т. е. изъ литой матеріи, отчасти консолидированной или превращенной въ стекло, по тогдашнему выраженію. Это теорія Бюффона.

**) Для послѣдней части, по кр. мѣрѣ, этой догадки объясненіе Д доо не правдоподобно, но возможно.

земного шара, можетъ быть, даже движеніе всей его коры и т. д. производятъ разнообразнѣйшими способами безпрерывное треніе; постоянное и осязательное дѣйствіе причинъ на протяженіи вѣковъ образуетъ значительный результатъ; ядро земного шара— стеклянная масса; его поверхность покрыта обломками стекла, песками, слюдой; изъ всѣхъ субстанцій стекло при треніи даетъ больше всего электричества: почему бы всей массѣ земного электричества не быть результатомъ всѣхъ треній, происходящихъ или на поверхности земли или на поверхности ядра? Но можно предположить, что изъ этой общей причины выведутъ частную, которая установитъ между двумя великими феноменами, я хочу сказать, между явленіемъ сѣвернаго сіянія и направленіемъ магнитной стрѣлки, связь подобную той, наличность которой констатировали между магнетизмомъ и электричествомъ, намагничивая стрѣлку безъ магнита, посредствомъ одного электричества. Можно признавать или оспаривать эти положенія, потому что они существуютъ лишь въ моемъ разумѣ. Задача опытовъ придать имъ бо̀льшую основательность и физику надлежитъ создать опыты, которые установятъ разницу между феноменами или окончательно ихъ идентифицируютъ.

34.

Третья группа догадокъ.

Электрическая матерія издаетъ чувствительный сѣрнистый запахъ тамъ, гдѣ производятъ ее; и развѣ химики не въ правѣ были бы обратить вниманіе на это свойство? Почему они не произвели всѣми имѣющими-

ся въ ихъ распоряженіи средствами опытовъ надъ жидкостями, заряженными возможно большимъ количествомъ электрической матеріи? Еще неизвѣстно, быстрѣе ли распускается сахаръ въ наэлектризованной водѣ. Огонь въ печахъ значительно увеличиваетъ тяжесть нѣкоторыхъ матеріаловъ, напр., кальцинированнаго свинца; если электрическій огонь, постоянно примѣняемый для прожиганія этого металла, придавалъ бы ему еще бо̀льшую тяжесть, не слѣдовало ли бы тогда провести новую аналогію между электрическимъ и обыкновеннымъ огнемъ? Дѣлали попытки узнать, не придаетъ ли этотъ необыкновенный огонь нѣкоторыхъ цѣлебныхъ свойствъ лекарствамъ, не дѣлаетъ ли онъ субстанцію болѣе сильной, то̀пику болѣе дѣятельной; но не слишкомъ ли рано оставили эти попытки? Почему бы электричеству не видоизмѣнять образованія кристалловъ и ихъ свойствъ? Какое широкое поле для догадокъ и сколько изъ нихъ опытъ можетъ подтвердить или разрушить *)? (*См. слѣдующую статью*).

35.

Четвертая группа догадокъ.

Отъ какой другой причины, какъ не отъ электричества, происходитъ большая часть метеоровъ, блуждающихъ огней, падающихъ звѣздъ, естественный и искусственный фосфоръ, тлѣющіе и свѣтящіеся лѣса?

Почему бы не произвести опытовъ надъ этими фосфорическими явленіями, чтобы узнать природу

*) Большая часть такихъ опытовъ была сдѣлана и дала результаты, значеніе которыхъ Дидро едва могъ предвидѣть.

ихъ? Почему не пытаются узнать, не является ли воздухъ, самъ по себѣ, подобно стеклу, тѣломъ электрическимъ, т. е. тѣломъ, которое достаточно потереть, чтобы наэлектризовать? Кто знаетъ, не станетъ ли воздухъ, содержащій сѣрную матерію, насыщенъ электричествомъ больше или меньше, чѣмъ чистый воздухъ? Если привести въ быстрое вращательное движеніе металлическій прутъ въ воздухѣ, то можно открыть, есть ли въ воздухѣ электричество и зарядитъ ли оно прутъ. Если во время опыта жечь сѣру и другія вещества, можно узнать, какія изъ нихъ увеличиваютъ или уменьшаютъ электрическую энергію воздуха? Можетъ быть, холодный воздухъ полюсовъ болѣе воспріимчивъ къ электричеству, чѣмъ жаркій у экватора, и такъ какъ во льду есть электричество, а въ водѣ нѣтъ, то кто знаетъ, не слѣдуетъ ли приписать безмѣрнымъ громадамъ вѣчныхъ льдовъ, нагроможденныхъ у полюсовъ и, можетъ быть, движущихся по стеклянному ядру, болѣе открытому у полюсовъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, явленія направленія магнитной стрѣлки и появленія сѣвернаго сіянія, которыя, повидимому, тоже нужно приписать электричеству, какъ мы уже указывали въ нашей *второй группѣ догадокъ*? Наблюденіе натолкнулось на одно изъ самыхъ общихъ и могущественныхъ силъ природы; дѣло опыта открыть дѣйствія ихъ.

36.

Пятая группа догадокъ.

1. Если струна музыкальнаго инструмента натянута и какая нибудь незначительная препона дѣлитъ ее на двѣ неравныя части такъ, что не прерывается сообщеніе вибрацій между обѣими частями, то, какъ

извѣстно, эта препона вызываетъ дѣленіе большей части струны на вибрирующія доли, такія, что обѣ части струны составляютъ унисонъ, и что каждая изъ вибрирующихъ долей большей части заключается между двумя неподвижными точками.

Такъ какъ не резонансъ тѣла является причиной дѣленія бо̀льшей части струны, а только унисонъ обѣихъ частей есть результатъ этого дѣленія, то мнѣ думается, что если бы струну замѣнить металлическимъ прутомъ и съ силой ударить по немъ, то на всей его длинѣ образовались бы колеблющіяся поверхности и узлы; *) что то же самое было бы со всякимъ упругимъ тѣломъ, звучащимъ или незвучащимъ; что это явленіе, свойственное, какъ думаютъ, вибрирующимъ струнамъ, имѣетъ мѣсто въ большей или меньшей степени при всякомъ ударѣ; что оно подчиняется общимъ законамъ, по которымъ сообщается движеніе отъ одного тѣла другому; что въ тѣлахъ, подвергшихся сотрясенію, есть безконечно малыя колеблющіяся части и узлы или неподвижныя точки, безконечно близкія другъ къ другу; что эти колеблющіяся части и эти узлы бываютъ причиной содроганія, которое мы испытываемъ, благодаря чувству осязанія, въ тѣлѣ послѣ удара, несмотря на то, есть ли еще локальная передача колебаній между точками или она уже прекратилась; что это предположеніе соотвѣтствуетъ природѣ содроганія, которое идетъ не отъ всей тронутой поверхности ко всей чувствующей поверхности, которая трогаетъ, а отъ безконечнаго количества точекъ, разсѣянныхъ по поверхности тронутаго тѣла, безпорядочно вибрирующихъ между безконечнымъ количествомъ неподвижныхъ точекъ; что, очевидно, въ сплошныхъ упругихъ

*) Все это, какъ и то, что дальше слѣдуетъ, вѣрно.

тѣлахъ сила инерціи, однообразно распредѣляемая по всей массѣ, выполняетъ въ данной точкѣ функцію маленькой препоны по отношенію къ другой; что, предполагая безконечно малой ударенную часть вибрирующей струны и, слѣдовательно, безконечно малыми колеблющіяся поверхности и узлы безконечно близкими, мы имѣемъ, въ одномъ направленіи и, такъ сказать, на одной линіи, изображеніе того, что происходитъ во всѣхъ направленіяхъ въ твердомъ тѣлѣ, ударившемся о другое; что, поскольку дана длина перехваченной части вибрирующей струны, нѣтъ никакой причины, которая могла бы умножить на другой части число неподвижныхъ точекъ; что, поскольку это число остается одинаковымъ независимо отъ силы удара, и что поскольку лишь быстрота колебаній варьируется при столкновеніи тѣлъ, постольку содраганіе будетъ болѣе или менѣе сильнымъ, но что количественное отношеніе вибрирующихъ точекъ къ неподвижнымъ точкамъ будетъ одно и то же, и что количество матеріи въ этихъ тѣлахъ, находящейся въ состояніи покоя, будетъ постояннымъ независимо отъ силы удара, плотности тѣла, сцѣпленія частей. Слѣд., геометру ничего больше не остается, какъ перейти отъ вибрирующей струны къ призмѣ, къ шару, къ цилиндру, чтобы, сдѣлавъ здѣсь вычисленія, найти общій законъ распредѣленія движенія въ ударенномъ тѣлѣ, законъ, отъ изслѣдованія котораго были очень далеки до сего времени, потому что не думали даже о существованіи самого явленія, а, наоборотъ, предполагали распредѣленіе движенія однообразнымъ во всей массѣ, хотя при ударѣ содроганіе обнаружило, путемъ дѣйствія на осязаніе, существованіе вибрирующихъ точекъ, разсѣянныхъ между

неподвижными точками; я говорю: *при ударѣ*, ибо, вѣроятно, что въ случаяхъ передачи движенія, когда ударъ не имѣетъ мѣста, тѣло фигурируетъ въ качествѣ мельчайшей молекулы, и движеніе сразу распространяется по всей массѣ. Содроганіе не играетъ роли во всѣхъ этихъ случаяхъ, чѣмъ они и отличаются отъ случая съ ударомъ.

2. На основаніи принципа разложенія силъ всегда можно свести къ одной силѣ всѣ силы, дѣйствующія на тѣло. Если количество и направленіе дѣйствующей на тѣло силы даны и если нужно опредѣлить вызываемое ею движеніе, то оказывается, что тѣло движется впередъ, точно сила прошла чрезъ центръ тяжести, и что, сверхъ того, оно вращается вокругъ центра тяжести, словно бы этотъ центръ былъ неподвижнымъ и сила дѣйствовала вокругъ этого центра, какъ вокругъ точки опоры. Слѣдовательно, если двѣ молекулы взаимно притягиваются, онѣ располагаются одна по отношенію къ другой сообразно законамъ ихъ притяженій, сообразно ихъ фигурамъ etc. Если эта система двухъ молекулъ притягиваетъ третью молекулу, которой онѣ въ свою очередь притягиваются, то эти три молекулы взаимно располагаются одна по отношенію къ другой сообразно законамъ ихъ притяженій, ихъ фигурамъ etc. и т. д. относительно др. системъ и др. молекулъ. Всѣ онѣ образуютъ систему А, въ которой онѣ, касаясь другъ друга или не касаясь, двигаясь или оставаясь въ покоѣ, будутъ сопротивляться силѣ, которая будетъ стремиться нарушить ихъ координацію, и будутъ всегда стремиться либо возстановить себя въ первоначальномъ порядкѣ, если разрушительная сила прекратитъ свое дѣйствіе, либо координироваться съ законами ихъ притяженій, фи-

гуръ etc. и съ дѣйствіемъ разрушительной силы, если она продолжаетъ дѣйствовать. Эта система А есть то, что я называю упругимъ тѣломъ. Въ этомъ общемъ и абстрактномъ смыслѣ планетная система, вселенная есть не что иное, какъ упругое тѣло; хаоса не существуетъ, ибо и примитивнымъ свойствамъ матеріи присущъ порядокъ.

3. Если представить себѣ систему А въ пустомъ пространствѣ, то она будетъ неразрушима, непоколебима, вѣчна; если предположить, что части ея, разсѣянныя въ необъятномъ пространствѣ, подобно свойствамъ, такимъ, напр., какъ притяженіе, безконечно распространяются, ничѣмъ нестѣсняемыя въ сферѣ своего *) дѣйствія, то эти части, не варьируя своихъ

*) Я сказалъ тебѣ, молодой человѣкъ, что *свойства, такія, какъ притяженіе, распространяются безконечно, ничѣмъ не стѣсняемыя въ сферѣ своего дѣйствія*. Тебѣ возразятъ, «что я даже могъ бы сказать, *что они распространяются однообразно*. Можетъ быть, прибавятъ, что непостижимо, какъ свойство безъ всякаго посредника дѣйствуетъ *на разстояніи*, но что въ этомъ нѣтъ и никогда не было ничего абсурднаго, или что абсурдъ утверждать то, что оно дѣйствуетъ въ пустотѣ разнообразно, на разныхъ разстояніяхъ; что тогда ничего не замѣчаешь ни внутри, ни внѣ какой-нибудь части матеріи, что было бы способно варіировать ея дѣйствіе; что Декартъ, Ньютонъ, всѣ древніе и современные философы предполагали, что тѣло, одухотворенное въ пустомъ пространствѣ малѣйшимъ количествомъ движенія, идетъ въ безконечность, однообразно, по прямой линіи; что разстояніе само по себѣ не является, слѣд., ни препятствіемъ, ни проводникомъ; что всякое свойство, дѣйствіе котораго варіируется въ прямомъ или обратномъ отношеніи къ разстоянію, необходимо приводитъ къ предположенію, что существуетъ заполненное пространство, и къ атомистической философіи; и что допущеніе пустоты и допущеніе перемѣнчивости дѣйствія причины суть два противорѣчивыхъ допущенія». Если тебѣ поставятъ такіе трудные вопросы, я посовѣтую тебѣ обратиться за отвѣтомъ къ какому-нибудь послѣдователю Ньютона, ибо я, признаюсь, не знаю, какъ они разрѣшаютъ эти трудности. (Прим. Дидро)

фигуръ и одухотворяясь тѣми же силами, будутъ заново координироваться такъ, какъ онѣ были координированы, и образуютъ, въ какой-нибудь точкѣ пространства и въ какой-нибудь моментъ времени, упругое тѣло.

4. Представится иная картина, если предположить систему А находящейся во вселенной; эффекты здѣсь не менѣе необходимы, но такое дѣйствіе причинъ, какое наблюдается въ предыдущемъ случаѣ, здѣсь иногда бываетъ невозможно, и число комбинирующихся причинъ въ общей системѣ или упругомъ мировомъ тѣлѣ бываетъ всегда столь велико, что не знаешь, чѣмъ были первоначально системы или отдѣльныя упругія тѣла и чѣмъ онѣ станутъ. Не утверждая, слѣд., что притяженіе конституируетъ въ пространствѣ твердость и упругость, какими мы видимъ ихъ, не очевидно ли, что одного этого свойства матеріи достаточно, чтобы конституировать ихъ въ пустотѣ и дать мѣсто разряженію, конденсаціи и всѣмъ зависящимъ отъ нихъ явленіямъ? Почему же не быть первопричинѣ этихъ явленій въ нашей общей системѣ, гдѣ безконечное множество причинъ, модифицируя ее, до безконечности варіировали бы количество этихъ феноменовъ въ системахъ или отдѣльныхъ упругихъ тѣлахъ? Такимъ образомъ, упругое тѣло, будучи согнутымъ, сломается лишь тогда, когда причина, сближающая части тѣла въ одномъ направленіи, заставитъ ихъ столь сильно уклониться въ противоположное, что между ними утратится дѣйствіе взаимнаго притяженія; упругое тѣло, получивъ ударъ, лопнетъ лишь тогда, когда большинство его вибрирующихъ молекулъ будетъ унесено въ своемъ первомъ колебаніи отъ неподвижныхъ молекулъ, между которыми, онѣ

разсѣяны, на такое разстояніе, что дѣйствіе ихъ взаимнаго притяженія утратится. Если бы сила удара была настолько велика, что всѣ вибрирующія молекулы были бы вынесены за предѣлы ихъ взаимнаго притяженія, то тѣло распалось бы на свои элементы. Но между этой коллизіей, самой сильной, какую только можетъ испытать тѣло, и другой, которая причинила бы лишь самое слабое содроганіе, есть еще одна, дѣйствительная или мнимая, благодаря которой всѣ элементы тѣла, отдѣлившись, перестали бы касаться другъ друга, не доводя, однако, системы ихъ до разрушенія и не прекращая дѣйствія координаціи ихъ.

Предоставимъ читателю примѣнить тѣ же самые принципы къ конденсаціи, разряженію etc. Сами же отмѣтимъ еще лишь разницу между передачей движенія посредствомъ толчка и передачей движенія безъ толчка. Такъ какъ перемѣщеніе тѣла безъ толчка происходитъ равномѣрно всѣми частями заразъ, каково бы ни было количество сообщаемаго такимъ путемъ движенія, будь оно даже безконечнымъ, то тѣло не будетъ уничтожено; оно останется цѣлымъ, пока толчекъ, заставивъ колебаться нѣкоторыя изъ его частей, находящіяся между другими неподвижными, не сообщитъ волнѣ первыхъ колебаній такой амплитуды, что колеблющіяся части не смогутъ ни вернуться на свое мѣсто, ни войти въ систематическую координацію.

5. Все предыдущее относится собственно лишь къ простымъ упругимъ тѣламъ или къ системамъ частицъ одной и той же матеріи, одной и той же фигуры, одухотворенныхъ однимъ и тѣмъ же количествомъ силы и двигающихся сообразно одному и тому же закону

притяженія. Но при наличности разнообразій во всѣхъ этихъ свойствахъ получится безконечное количество упругихъ смѣшанныхъ тѣлъ.

Подъ упругимъ смѣшаннымъ тѣломъ я подразумѣваю систему, составленную изъ двухъ или нѣсколькихъ системъ различныхъ матерій, различныхъ фигуръ, оживленныхъ различными количествами силы, можетъ быть, движущихся по различнымъ законамъ притяженія, частицы которыхъ координированы по общему имъ всѣмъ закону, который можно разсматривать, какъ продуктъ ихъ взаимныхъ дѣйствій. Если, благодаря нѣкоторымъ операціямъ, удастся сдѣлать сложную систему простой, устранивъ изъ нея всѣ частицы, по природѣ своей относящіяся къ координированной матеріи, или сдѣлать еще болѣе сложной, введя въ нее новую матерію, частицы которой координируются съ частицами данной системы и измѣняютъ общій имъ всѣмъ законъ, то твердость, эластичность, сжимаемость, разжимаемость и другія свойства, зависящія въ сложной системѣ отъ различной координаціи частицъ, увеличатся или уменьшатся etc. Свинецъ, которые не отличается ни твердостью, ни упругостью, станетъ еще менѣе твердымъ и еще болѣе эластичнымъ, если расплавить его, т. е. если координировать систему, составленную изъ молекулъ свинца, съ другой системой, составленной изъ молекулъ воздуха, огня etc., которыя даютъ расплавленный свинецъ.

6. Было бы очень легко примѣнить эти идеи къ безконечному количеству другихъ подобныхъ феноменовъ и составить изъ нихъ очень обширный трактатъ. Главная трудность заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ части одной системы, координируясь съ частями другой, упрощаютъ иногда

ее, исключая изъ нея систему другихъ координированныхъ частей, какъ это случается въ извѣстныхъ химическихъ операціяхъ. Притяженій, дѣйствующихъ сообразно различнымъ законамъ, кажется, недостаточно для этого феномена; трудно допустить наличность свойствъ отталкиванія.

Вотъ какимъ образомъ можно было бы, кажется, выйти изъ этого затрудненія. Пусть будетъ дана система А, составленная изъ системъ В и С, молекулы которыхъ координированы между собою по какому-нибудь общему имъ всѣмъ закону. Если ввести въ сложную систему А другую систему Д, то произойдетъ одно изъ двухъ: или частицы системы D координируются съ частями системы А, не сопровождаясь толчкомъ, и въ такомъ случаѣ система А будетъ составлена изъ системъ В, С, D; или координація частицъ системы D съ частицами системы А будетъ сопровождаться толчкомъ. Если толчокъ будетъ такимъ, что тронутыя частицы въ своемъ первомъ колебаніи не будутъ вынесены за предѣлы безконечно малой сферы ихъ притяженія, то въ первый моментъ произойдетъ смятеніе среди безконечнаго множества маленькихъ колебаній. Но это смятеніе тотчасъ прекратится, частицы координируются и изъ ихъ координаціи произойдетъ система А, составленная изъ системъ В, С, D. Если части системы В или системы С или тѣ и другія вмѣстѣ получатъ толчокъ въ первый моментъ координаціи и будутъ вынесены за предѣлы сферы ихъ притяженія частями системы D, онѣ будутъ отдѣлены отъ общей координаціи навсегда, и система А станетъ системой, сложенной изъ системъ В и D или изъ системъ С и D, или это будетъ простая система изъ одпихъ координированныхъ частицъ системы D. Всѣ эти явленія будутъ

протекать при такихъ обстоятельствахъ, которыя еще больше подтвердятъ эти идеи или, можетъ быть, *окончательно подорвутъ ихъ*. Впрочемъ, я пришелъ къ этому выводу, отправляясь отъ факта *содроганія упругаго тѣла, получившаго толчекъ*. Тамъ, гдѣ на лицо *координація*, никогда не будетъ спонтанейнаго отдѣленія; оно можетъ быть тамъ, гдѣ есть лишь *композиція*. *Координація* есть принципъ *единообразія*, даже въ гетерогенномъ *цѣломъ*.

37.

Шестая группа догадокъ.

Поскольку люди не ставятъ себѣ задачу строжайшимъ образомъ подражать природѣ, продукты ихъ искусства будутъ плохи, несовершенны, слабы. Природа медленно и упорно производитъ свои операціи. Идетъ ли дѣло о томъ, чтобы удалить, приблизить, соединить, раздѣлить, смягчить, сжать, сдѣлать твердымъ, растопить, распустить, ассимилировать,— она подвигается къ своей цѣли едва замѣтными шагами. Искусство, наоборотъ, торопится, устаетъ и ослабѣваетъ. Природѣ нужны столѣтія, чтобы приготовить металлы въ грубомъ видѣ; искусство берется отдѣлать ихъ въ одинъ день. Природѣ нужны столѣтія, чтобы образовать драгоцѣнные камни, искусство берется поддѣлать ихъ въ одинъ моментъ. Если бы даже люди владѣли настоящимъ средствомъ изготовленія продуктовъ природы, этого было бы недостаточно: нужно было бы еще умѣть примѣнять его. Люди ошибаются, если думаютъ, что результатъ останется тотъ же, если произведеніе интенсивности дѣйствія на время примѣненія остается однимъ и тѣмъ же. Только лишь

примѣненіе постепенное, медленное и безпрерывное оказываетъ трансформирующее дѣйствіе. Всякое другое примѣненіе дѣйствуетъ разрушительно. Чего бы только ни извлекли мы изъ смѣси извѣстныхъ субстанцій, изъ которыхъ мы получаемъ лишь очень несовершенныя соединенія, если бы мы поступали такъ, какъ природа. Мы всегда торопимся овладѣть результатомъ, хотимъ видѣть конецъ начатаго. Отсюда столько безплодныхъ попытокъ, столько расходовъ и потерянныхъ трудовъ, столько работъ, на которыя наводитъ природа и за которыя искусство никогда не возьмется, потому что успѣхъ ему кажется отдаленнымъ. Видя, съ какой быстротой сталактиты въ пещерахъ Дарси *) образуются и возобновляются, кто не убѣдится, что эти пещеры когда нибудь заполнятся и образуютъ одну огромную сплошную массу? Гдѣ тотъ натуралистъ, который, размышляя надъ этимъ явленіемъ, не догадался бы, что, заставляя воды понемногу просачиваться сквозь землю и скалы и стекаться въ обширные водоемы, можно современемъ образовать искусственныя алебастровыя, мраморныя и изъ другихъ камней каменоломни, качества которыхъ варіировались бы въ зависимости отъ природы почвы, воды и скалъ? Но къ чему всѣ эти соображенія, когда у насъ не хватаетъ ни мужества, ни терпѣнія, ни труда, ни затратъ, ни времени, ни, въ особенности, того античнаго вкуса къ грандіознымъ предпріятіямъ, о которомъ свидѣтельствуютъ еще столько памятниковъ, стяжавшихъ отъ насъ дань холоднаго и безплоднаго изумленія?

---

*) Пещеры Дарси—на—Кюрѣ (Іоннъ) остались знаменитыми. Здѣсь нашли многочисленные скелеты допотопныхъ животныхъ. Въ то время, когда говорилъ о нихъ Дидро, только что появилось «Новое описаніе пещеръ Дарси въ Бургони» г. Морана (1752 г.).

38.

Седьмая группа догадокъ.

Сколько разъ дѣлали безуспѣшныя попытки превратить наше желѣзо въ сталь, которая сравнялась бы со сталью англійской и нѣмецкой и которую можно было бы употреблять для изготовленія изящныхъ вещей. Я не знаю, къ какимъ пріемамъ при этомъ прибѣгали, но мнѣ казалось, что до этого важнаго открытія дошли путемъ подражанія и усовершенствованія одного очень употребительнаго въ желѣзодѣлательныхъ мастерскихъ пріема. Его называютъ: *закалка пачкой*. Чтобы закалять пачкой, нужно взять самую нечистую сажу, истолочь ее, растворить мочой, прибавить растертаго чесноку, изрѣзанной туфли и поваренной соли; берется желѣзный ящикъ, дно его покрывается слоемъ этой смѣси; на этотъ слой кладутъ слой различныхъ желѣзныхъ обрѣзковъ; на этотъ послѣдній опять слой смѣси и т. д. до тѣхъ поръ, пока ящикъ станетъ полнымъ; закрываютъ его крышкой и въ средину смѣси вводятъ жирную хорошо уколоченную глину, шерсть и лошадиный калъ; обкладываютъ ящикъ углемъ; уголь зажигаютъ, раздуваютъ огонь, поддерживаютъ его; наготовѣ имѣется сосудъ съ холодной водою; три-четыре часа спустя послѣ того, какъ ящикъ поставили на огонь, вынимаютъ его, открываютъ, вываливаютъ находящіеся въ немъ куски желѣза въ холодную воду, которую въ это время болтаютъ. Это и есть куски, закаленные пачкой, и если сломать такой кусокъ, то поверхность его на небольшой глубинѣ окажется изъ очень твердой стали.

У этой поверхности болѣе блестящій глянецъ и

она лучше сохраняетъ формы, приданныя ей напилкомъ. Нельзя ли отсюда заключить, что если бы, stratum super stratum, дѣйствію огня и матеріаловъ, употребляемыхъ при закалкѣ пачкой, подвергали отборное, хорошо выработанное и разрѣзанное на тонкіе листы желѣзо, напр., листовое желѣзо, или разрѣзанное очень тонкими прутьями, и, по выходѣ изъ печи, бросали его въ бассейнъ съ приготовленной для такой операціи водой, оно превратилось бы въ сталь? Особенно, если бы выполненіе первыхъ такихъ опытовъ поручили бы людямъ, издавна привыкшимъ имѣть дѣло съ желѣзомъ, знающимъ его качества и его недостатки, которые не преминули бы упростить методы и найти матеріалы, болѣе пригодные для данной операціи.

39.

Достаточно ли того, что сообщается въ публичныхъ лекціяхъ по опытной физикѣ, чтобы способствовать развитію этого рода философскаго влеченія? Я думаю, что недостаточно. Наши кропатели курсовъ по физикѣ походятъ немного на человѣка, который вообразилъ, что онъ задалъ грандіозный пиръ, потому что у него за столомъ было много людей. Слѣдовало бы стремиться, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы возбудить аппетитъ: тогда многіе, увлеченные желаніемъ удовлетворить его, перешли бы изъ положенія учениковъ въ положеніе любителей, чтобы затѣмъ отдаться профессіи философовъ. На пути общественнаго дѣятеля нѣтъ такихъ, столь неблагопріятныхъ прогрессу знанія условій! Въ физикѣ приходится открывать и вещь и средство. Какъ велики, по моему мнѣнію, люди, впервые открывшіе новое исчисленіе! и

какъ они мизерны, дѣлая тайну изъ своего открытія? Если бы Ньютонъ не замедлилъ заговорить о своемъ открытіи, какъ требовалъ того интересъ его имени и истины, Лейбницъ не раздѣлялъ бы съ нимъ славы этого открытія *). Нѣмецъ изобрѣлъ инструментъ, между тѣмъ какъ англичанинъ доставлялъ себѣ удовольствіе изумлять ученыхъ неожиданнымъ примѣненіемъ, которое онъ дѣлалъ изъ него. Въ математикѣ, въ физикѣ необходимо прежде всего показать, что имѣешь въ своемъ распоряженіи средство, которое можетъ привести къ успѣху, и засвидѣтельствовать предъ обществомъ свои права на него.

40.

Впрочемъ, недостаточно показать, нужно еще показывать ясно и все безъ утайки. Есть нѣкоторая туманность въ произведеніяхъ ученыхъ, которую я назвалъ бы *аффектаціей великихъ мастеровъ*.

Они любятъ застилать природу отъ глазъ народа покровомъ. Если бы я не питалъ должнаго уваженія къ славнымъ именамъ, я сказалъ бы, что такого рода туманность преобладаетъ въ нѣкоторыхъ трудахъ Сталя и въ «Математическихъ принципахъ» Ньютона. Достаточно прослушать эти книги, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству; стоило бы только ихъ авторамъ одного мѣсяца труда, чтобы сдѣлать ихъ понятными; этотъ мѣсяцъ сберегъ бы три года труда и усилій у тысячи умовъ. Вотъ вамъ почти три тысячи лѣтъ потерянныхъ напрасно.

Поспѣшимъ сдѣлать философію популярной. Если мы хотимъ, чтобы философы прогрессировали, дове-

*) Намекъ на споръ о пріоритетѣ на открытіе дифференціальнаго исчисленія.

демъ народъ до уровня философовъ. Могутъ ли они сказать, что есть произведенія, которыя никогда не будутъ доступны простымъ умамъ? Сказавъ это, они лишь покажутъ, что они не знаютъ того, что можетъ сдѣлать хорошій методъ и продолжительный навыкъ.

Если кому и позволительно оставаться туманными, то только—осмѣлюсь сказать—метафизикамъ въ собственномъ смыслѣ слова. Въ глубокихъ абстракціяхъ мерцаютъ лишь слабые проблески свѣта. Процессъ обобщенія стремится совлечь съ концепцій все то, что есть въ нихъ осязательнаго. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, тѣлесные призраки разсѣиваются, понятія понемногу удаляются изъ области воображенія въ область разума, и идеи становятся чисто интеллектуальными. Тогда спекулятиный философъ походитъ на человѣка, глядящаго съ вершины горъ, теряющейся въ облакахъ: равнина со всѣмъ своимъ міромъ исчезла предъ нимъ, и ему остается лишь созерцаніе своихъ мыслей и сознаніе высоты, на которую онъ взобрался, и куда, можетъ быть, не всякому дано за нимъ послѣдовать.

41.

Не достаточно ли у природы своихъ покрововъ, чтобы умножать ихъ еще покровомъ туманности, не достаточно ли трудностей искусства? Откройте книгу Франклина *), перелистайте книги химиковъ, и вы увидите, сколько вниманія, воображенія, проницательности и рессурсовъ требуетъ опытъ; прочтите ихъ внимательно, потому что изъ нихъ вы узнаете—если только это возможно узнать—на сколько ладовъ мож-

*) Дидро говоритъ здѣсь о книгѣ Франклина подъ заглавіемъ *»Опыты и наблюденія надъ электричествомъ»*.

но продѣлать каждый опытъ. Если, за недостаткомъ таланта, вы нуждаетесь въ указаніяхъ по части техническихъ пріемовъ, держите предъ глазами таблицу познанныхъ до настоящаго времени въ матеріи свойствъ; приглядите среди нихъ тѣ, которыя могутъ подойти къ субстанціи, подвергаемой вами изслѣдованію; убѣдитесь въ наличности ихъ; затѣмъ старайтесь узнать количество ихъ; это количество почти всегда будетъ измѣряться инструментомъ тамъ, гдѣ однообразное примѣненіе одной какой-нибудь части аналогичной субстанціи можетъ происходить, безъ перерыва и безъ остатка, до полнаго истощенія свойства. Что же касается до существованія, то оно будетъ констатироваться лишь съ помощью пріемовъ, которыхъ нельзя не предугадать.

Если даже люди и не научаются, какъ нужно производить изслѣдованія, то все таки знаніе того, что они ищутъ, составляетъ уже кое-что. Впрочемъ, тѣ люди, которые будутъ принуждены признаться самимъ себѣ въ безплодности своихъ усилій, или вслѣдствіе хорошо испытанной невозможности открыть что-нибудь, или вслѣдствіе тайной зависти къ открытіямъ другихъ, непроизвольной грусти, которую они отъ этого испытаютъ,—то они хорошо сдѣлаютъ, если оставятъ науку, которою они занимались безъ пользы для нея и для себя безъ славы.

42.

Когда въ головѣ создалась одна изъ такихъ системъ которая требуетъ провѣрки на опытѣ, не слѣдуетъ ни упорно настаивать на ней ни легкомысленно оставлять ее. Иногда считаютъ свои догадки ложными, не принявъ никакихъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ тому,

чтобы сдѣлать ихъ истинными. Упорство въ данномъ случаѣ влечетъ за собой даже меньше неудобства, чѣмъ противоположная крайность. Можетъ случиться, что, усиленно прибѣгая къ опытамъ, найдешь что-нибудь лучшее, если не найдешь того, что ищешь. Никогда не будетъ потеряннымъ время, употребленное на изслѣдованіе природы.

Для мыслей абсолютно нелѣпыхъ достаточно только одного перваго опыта. Слѣдуетъ нѣсколько больше обращать вниманія на тѣ, которыя болѣе правдоподобны и манятъ важнымъ открытіемъ, и отказываться отъ нихъ лишь тогда, когда истощены всѣ средства. Кажется, нѣтъ необходимости дѣлать наставленія на этотъ счетъ. Естественно, что изслѣдованіямъ предаются въ мѣру интереса къ нимъ.

43.

Такъ какъ системы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, опираются лишь на неопредѣленныя идеи, отдаленныя догадки, обманчивыя аналогіи и даже—это то же нужно сказать—на химеры, которыя разгоряченный умъ легко принимаетъ за обоснованное положеніе, то не слѣдуетъ ни одну изъ нихъ оставлять безъ предварительнаго разсмотрѣнія *отъ противнаго*. Въ чисто раціональной философіи истина бываетъ довольно часто на противоположномъ отъ заблужденія концѣ; точно также и въ опытной философіи иногда придется прибѣгать не къ опыту, а къ его противнику, чтобы получить тотъ или иной ожидаемый феноменъ.

Нужно разсматривать вещи главнымъ образомъ съ двухъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, во второй группѣ нашихъ фантастиче-

скихъ догадокъ, покрывъ экваторъ наэлектризованнаго земного шара и открывъ полюсы, нужно будетъ потомъ покрыть полюсы и оставить экваторъ открытымъ, а такъ какъ важно установить возможно бо̀льшее сходство между экспериментальнымъ земнымъ шаромъ и естественнымъ, то выборъ матеріи, которой будутъ покрыты полюсы, будетъ не безразличнымъ. Можетъ быть, пришлось бы взять массу какой-нибудь жидкости, что̀ вполнѣ допустимо на практикѣ и что на опытѣ можетъ дать какой-нибудь новый необыкновенный феноменъ, отличный отъ того, который предполагалось получить.

44.

Опыты должны повторяться для изслѣдованія деталей явленія и для познанія границъ опыта. Нужно подвергать опытамъ различные предметы, усложнять ихъ, комбинировать всевозможными способами. Поскольку опыты остаются раздробленными, изолированными, безъ связи, невозстановляемыми, постольку слѣдуетъ считать доказаннымъ, благодаря этой самой невозстановляемости, что остается еще кое-что сдѣлать. Такимъ образомъ, нужно отдаться исключительно предмету опыта и, такъ сказать, тормошить его до тѣхъ поръ, пока не получится такое сцѣпленіе явленій, что, вслѣдъ за однимъ изъ нихъ, появляются такія же и другія; поработаемъ сначала надъ разложеніемъ явленій, а потомъ будемъ думать надъ разложеніемъ причинъ. Но только умноженіе явленій приводитъ къ ихъ разложенію. Главное искусство въ пользованіи пріемами, къ которымъ прибѣгаютъ для того, чтобы извлечь изъ причины все, что она можетъ дать, заключается въ томъ, чтобы отличать тѣ изъ нихъ, отъ кото-

рыхъ мы въ правѣ ожидать появленіе новаго феномена, отъ тѣхъ, которые создадутъ лишь мнимый феноменъ. Заниматься безъ конца этими метаморфозами, значитъ—сильно утомляться и нисколько не подвигаться впередъ. Всякій опытъ, не распространяющій закона на какой-нибудь новый случай, или не ограничивающій его какимъ-нибудь исключеніемъ, не имѣетъ никакого значенія. Кратчайшій способъ узнать цѣнность своего опыта, это—сдѣлать его предыдущимъ членомъ энтимемы и разсмотрѣть вторую посылку. Если получается точно такой же результатъ, какой уже былъ однажды извлеченъ изъ другого опыта, это значитъ ничего новаго не открыто,—подтвердилось лишь открытое раньше. Не много большихъ книгъ по опытной физикѣ, которыя это простое правило не свело бы, по ихъ значенію, къ нѣсколькимъ страницамъ, а огромное число маленькихъ оно свело бы къ нулю.

45.

Какъ въ математикѣ, при разсмотрѣніи свойствъ кривой, убѣждаешься, что они являются въ сущности однимъ и тѣмъ же свойствомъ, представленнымъ въ различныхъ видахъ, такъ и въ природѣ, когда опытная физика сдѣлаетъ бо̀льшій прогрессъ, придется признать, что всѣ явленія: тяжесть, упругость, притяженіе, магнетизмъ, электричество не что иное, какъ различныя проявленія одного и того же свойства. Но между извѣстными феноменами, относящимися къ одной изъ этихъ причинъ, сколько еще предстоитъ найти промежуточныхъ феноменовъ, чтобы образовать звенья, заполнить пустоту между ними и показать ихъ идентичность? Этого теперь еще нельзя опредѣлить. Можетъ быть, существуетъ центральный феноменъ, ко-

торый бросаетъ свѣтъ не только на имѣющіеся въ наличности, но и на всѣ тѣ, которые будутъ со временемъ открыты, который, можетъ быть, соединитъ ихъ всѣ и образуетъ цѣлую систему. Но пока, за недостаткомъ такого центра всеобщаго соотношенія, они пребудутъ изолированными; всѣ открытія опытной физики будутъ лишь способствовать ихъ сближенію, становясь между ними посредниками, но никогда не соединяя ихъ, а когда этимъ открытіямъ удастся соединить ихъ, тогда образуется безпрерывный замкнутый кругъ феноменовъ, въ которомъ нельзя будетъ распознать, гдѣ находится первый феноменъ и гдѣ— послѣдній.

Такой особенный случай, когда опытная физика, благодаря своимъ работамъ, образовала бы лабиринтъ, въ которомъ раціональная физика крутилась бы безустанно, сбитая съ толку и потерянная, не невозможенъ въ природѣ; но онъ не возможенъ въ математикѣ. Въ математикѣ, съ помощью синтеза или анализа, всегда возможно найти промежуточныя предложенія, которыя отдѣляютъ основное свойство кривой отъ ея самаго отдаленнаго свойства.

46.

Есть обманчивые феномены, которые, съ перваго взгляда, кажутся опровергающими систему, но которые, какъ оказывается потомъ, когда ихъ лучше узнаешь, подтверждаютъ ее. Эти феномены становятся истиннымъ испытаніемъ для философа, въ особенности, когда онъ предчувствуетъ, что природа ему навязываетъ ихъ, а сама ускользаетъ отъ его взоровъ какимъ-то необыкновеннымъ и сокровеннымъ образомъ. Такой затруднительный случай имѣетъ мѣсто всякій разъ,

когда феноменъ является результатомъ многихъ содѣйствующихъ или противодѣйствующихъ причинъ. Если онѣ содѣйствуютъ, количественная сторона феномена оказывается слишкомъ великой для конструируемой гипотезы; если онѣ противодѣйствуютъ, эта количественная сторона является слишкомъ малой, а иногда она и совсѣмъ сводится къ нулю, и феноменъ исчезаетъ, такъ что не знаешь, чему приписать это капризное молчаніе природы. Приходится ли отнести это на счетъ разума? Но въ этой области работаетъ наиболѣе развитой разумъ.

Нужно работать надъ разъединеніемъ причинъ, нужно отдѣлить результатъ отъ дѣйствій и очень сложный феноменъ свести къ простому, или, по крайней мѣрѣ, обнаружить съ помощью какого-нибудь новаго опыта сложность причинъ, ихъ содѣйствіе или противодѣйствіе,—операція часто трудная, иногда невозможная. Тогда система колеблется, философы дѣлятся на группы: одни остаются приверженцами ея, другіе введены въ соблазнъ опытомъ, который, повидимому, противорѣчитъ ей, и возникаютъ споры, которые длятся до тѣхъ поръ, пока проницательность или случай, который никогда не остается въ покоѣ и болѣе плодовитъ, чѣмъ проницательность, не уничтожитъ противорѣчія и не укрѣпитъ признанія за идеями, которыя уже были почти отброшены.

47.

Нужно предоставить опыту свободу; показывать опытъ со стороны, которая доказываетъ, и заволакивать другія его стороны, которыя противорѣчатъ данному положенію, это значитъ держать его въ плѣну. Когда справляешься съ опытомъ, неудобство

заключается не въ томъ, чтобы имѣть идеи, а въ томъ, чтобы не ослѣпляться ими. Бываешь строгимъ въ изслѣдованіи лишь тогда, когда результатъ противорѣчитъ системѣ. Тогда ничто не упускается изъ виду, что можетъ способствовать феномену измѣнить свой видъ или природѣ—свой языкъ. Въ противномъ случаѣ наблюдатель снисходителенъ: онъ скользитъ по поверхности фактовъ и почти не думаетъ дѣлать возраженій природѣ; онъ вѣритъ ей съ перваго слова, не подозрѣваетъ никакихъ экивоковъ съ ея стороны. По адресу такого изслѣдователя можно сдѣлать слѣд. замѣчаніе:

«Твоя профессія допрашивать природу, а ты заставляешь ее лгать или боишься заставить ее объясниться».

48.

Чѣмъ быстрѣе идешь по невѣрному пути, тѣмъ больше блуждаешь. Какъ вернуться обратно, когда прошелъ большое разстояніе? Слабость силъ не позволяетъ этого; тщеславіе противится этому незамѣтно для тебя самого; упорная привязанность къ принципамъ обволакиваетъ все окружающее обаяніемъ, искажающимъ предметы. Ужъ ты не видишь ихъ такими, какіе они въ дѣйствительности. Вмѣсто того, чтобы измѣнить свои представленія о существахъ, принимаешься, повидимому, видоизмѣнять существа сообразно своимъ представленіямъ.

Среди философовъ—методистовъ эта страсть господствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ. Какъ только методистъ въ своей системѣ поставилъ человѣка во главѣ четвероногихъ, онъ смотритъ на него въ природѣ только какъ на животное съ четырьмя ногами. Напрасно верховный разумъ, которымъ онъ одаренъ,

вопитъ противъ наименованія его *животнымъ* и организація его противится наименованію его *четвероногимъ*; напрасно природа повернула его взоры къ небу предубѣжденіе системы клонитъ его тѣло къ землѣ. Разумъ, согласно его системѣ, не что иное, какъ болѣе совершенный инстинктъ; система серьезно вѣритъ, что только по недостатку навыка человѣкъ теряетъ способность пользоваться ногами, когда онъ намѣревается превратить свои руки въ двѣ ноги.

49.

Діалектика нѣкоторыхъ методистовъ слишкомъ странная вещь, чтобы не привести образчика ея.

Человѣкъ, говоритъ Линней, не камень, не растеніе, слѣд., онъ животное. У него не одна нога, слѣд. это не червь. Это не насѣкомое, такъ какъ у него нѣтъ усиковъ. У него нѣтъ плавниковъ, слѣд., онъ не рыба. Не птица, потому что у него нѣтъ перьевъ. Что же такое человѣкъ? У него ротъ четвероногаго, четыре ноги: двѣ переднія служатъ ему для того, что прикасаться, двѣ заднія для ходьбы. Слѣд. это—четвероногое животное.

«Правда», продолжаетъ методистъ: «благодаря своимъ естественно—историческимъ принципамъ, я никогда не умѣлъ отличить человѣка отъ обезьяны, ибо есть обезьяны, у которыхъ меньше шерсти, чѣмъ у нѣкоторыхъ людей; эти обезьяны ходятъ на двухъ ногахъ, пользуются своими руками и ногами, какъ люди. Рѣчь же для меня не имѣетъ рѣшающаго значенія; согласно со своимъ методомъ я допускаю только признаки, проистекающіе отъ числа, отъ фигуры, отъ пропорціи и положенія».

«Слѣд., у васъ плохой методъ», говоритъ логика.

«Слѣд., человѣкъ—животное о четырехъ ногахъ», говоритъ натуралистъ.

50.

Иногда бываетъ достаточно сдѣлать самые крайніе выводы изъ гипотезы, чтобы поколебать ее. Мы сдѣлаемъ такую попытку съ гипотезой д-ра изъ Эрлангена, произведеніе котораго, полное необыкновенныхъ и новыхъ идей, доставитъ много мукъ нашимъ философамъ. Предметъ произведенія—грандіознѣйшій, какимъ только можетъ задаться человѣческій умъ,—универсальная система природы.

Авторъ начинаетъ краткимъ изложеніемъ мнѣній своихъ предшественниковъ и указываетъ на недостаточность ихъ принциповъ для общаго развитія феноменовъ. Одни искали лишь *пространство* и *движеніе*. Другіе думали, что къ пространству нужно прибавить *непроницаемость*, *подвижность* и *инерцію*. Наблюденіе надъ небесными тѣлами, или общѣе, физика большихъ тѣлъ указываетъ на необходимость существованія силы, благодаря которой всѣ части, согласно извѣстному закону, стремятся или тяготѣютъ другъ къ другу, и допускаетъ *притяженіе*, прямо пропорціональное массѣ и обратно пропорціональное квадрату разстоянія. Простѣйшія химическія операціи или элементарная физика малыхъ тѣлъ заставили прибѣгнуть къ *притяженію*, которое слѣдуетъ другимъ законамъ, а невозможность объяснить образованіе растенія или животнаго съ помощью притяженія, инерціи, подвижности, непроницаемости, движенія, матеріи или пространства привели философа Баумана къ допущенію еще другихъ свойствъ въ природѣ.

Недовольный «*natures plastiques*», которымъ поруча-

лось совершать всѣ чудеса природы безъ матеріи и безъ разума; *низшими разумными субстанціями*, которыя дѣйствують непонятнымъ образомъ на матерію; *одновременностью творенія и формаціи субстанцій*, которыя, содержась одна въ другой, развиваются во времени въ силу непрерывности перваго чуда, и *непреднамѣренностью ихъ зарожденія*, которое есть не что иное, какъ цѣпь чудесъ, повторяющихся въ каждый моментъ времени, онъ думаетъ, что всѣ эти системы, философски мало обоснованныя, не имѣли бы мѣста, если бы насъ не останавливалъ неосновательный страхъ приписывать очень извѣстныя модификаціи существу, сущность котораго, правда намъ неизвѣстная, именно, м. б., вслѣдствіе этого и вопреки нашему, предразсудку, весьма совмѣстима съ этими модификаціями.

Но что это за существо? что это за модификаціи? Отвѣчу ли я? Несомнѣнно, говоритъ д-ръ Бауманъ.

Существо это тѣлесное. Модификаціи суть *желаніе, отвращеніе, память и разумъ*, словомъ, всѣ свойства, которыя мы признаемъ у животныхъ и которыя древніе подразумѣвали подъ именемъ *чувствующей души*, и присутствіе которыхъ, въ соотвѣтствующихъ формахъ и величинѣ, д-ръ Бауманъ допускаетъ какъ въ мельчайшей частицѣ матеріи, такъ и въ величайшемъ животномъ.

Если бы было опасно, говоритъ онъ, признать нѣкоторую степень разумности у молекулъ матеріи, то эта опасность была бы одинаково велика, какъ въ томъ случаѣ, когда мы предполагаемъ одаренной разумомъ песчинку, такъ и въ томъ случаѣ, когда мы надѣляемъ имъ слона и обезьяну. Тутъ философъ-академикъ изъ Эрлангена напрягаетъ послѣднія усилія,

чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ атеизмѣ, и, очевидно, поддерживаетъ съ такимъ рвеніемъ свою гипотезу только потому, что она, какъ ему кажется, удовлетворительно объясняетъ труднѣйшіе феномены, хотя выводомъ изъ нея является матеріализмъ. Нужно читать его произведеніе, чтобы научиться примирять самыя смѣлыя философскія идеи съ глубочайшимъ уваженіемъ къ религіи.

Богъ создалъ міръ, говоритъ д-ръ Бауманъ, и намъ надлежитъ, если это возможно, найти законы, съ помощью которыхъ онъ хотѣлъ сохранить его, и средства, назначенныя имъ для воспроизведенія индивидовъ. Предъ нами свободное поле въ этомъ отношеніи; мы можемъ предложить свои идеи, и вотъ главныя основныя идеи доктора.

Сѣмянной элементъ, экстрактъ части, подобной той, которую онъ долженъ образовать въ животномъ,— элементъ чувствующій и мыслящій, имѣетъ нѣкоторое воспоминаніе о своемъ первоначальномъ положеніи, — отсюда — сохраненіе видовъ и сходство съ родителями.

Можетъ случиться, что сѣмянная жидкость изобилуетъ нѣкоторыми элементами или лишена ихъ, что эти элементы не могутъ соединиться по забывчивости, или совершаются своеобразныя соединенія сверхкомплектныхъ элементовъ,—отсюда—или невозможность зарожденія или всевозможныя уродливыя зарожденія.

Нѣкоторые элементы по необходимости усвояютъ себѣ способность постоянно соединяться съ удивительной легкостью однимъ и тѣмъ же образомъ,—отсюда—при условіи, если они различные—варіирующееся до безконечности образованіе микроскопиче-

скихъ животныхъ; отсюда—если они похожи другъ на друга—полипы, которыхъ можно сравнить съ гроздью безконечно малыхъ пчелъ, которыя, имѣя живое воспоминаніе лишь объ одномъ положеніи, сцѣпились и остались сцѣпившимися въ одномъ этомъ положеніи, съ которымъ онѣ лучше всего освоились.

Когда впечатлѣніе отъ настоящаго положенія поколеблетъ или погаситъ воспоминаніе о прошломъ положеніи, такъ что явится безучастное отношеніе ко всякому положенію, тогда имѣетъ мѣсто безплодіе,—отсюда безплодіе муловъ.

Кто помѣшаетъ элементарнымъ, разумнымъ и одареннымъ чувствительностью частямъ безконечно уклоняться отъ порядка, конституирующаго видъ? отсюда безконечное множество видовъ животныхъ, исходящихъ отъ перваго животнаго; безконечное количество существъ, отпрысковъ перваго существа; отсюда—наличность одного акта въ природѣ.

Но, накопляясь и комбинируясь, потеряетъ ли каждый элементъ свою ничтожную степень чувства и перцепціи?

Нисколько, говоритъ докторъ Бауманъ. Эти свойства составляютъ ихъ сущность.

Что же отсюда произойдетъ? Вотъ что.

Изъ этихъ перцепцій собранныхъ и скомбинированныхъ элементовъ возникнетъ единая перцепція, пропорціональная массѣ и диспозиціи, и эта система перцепцій, гдѣ каждый элементъ потеряетъ память о своемъ *я* и будетъ содѣйствовать образованію сознанія *цѣлаго*, станетъ душой животнаго. «Omnes elementorum perceptiones conspirare, et in unam fortiorem et magis perfectam perceptionem coalescere videntur.

Haec forte ad unam quamque ex aliis perceptionibus se habet in eademratione qua corpus organisatum ad elementum. Elementum quodvis, post suam cum aliis copulationem, cum suam perceptionem illarum perceptionibus confudit, et *sui conscientiam* perdidit, primi elementorum status memoria nulla superest, et nostra nobis origo omnino abdita manet».

Вотъ здѣсь-то мы и поражены тѣмъ, что авторъ или не замѣтилъ поразительныхъ выводовъ изъ своей гипотезы или, замѣтивъ ихъ, не разстался съ нею. Теперь слѣдуетъ примѣнить намъ свой методъ къ разсмотрѣнію его принциповъ.

Итакъ, я спрошу его: образуетъ ли вселенная, или совокупность всѣхъ чувствующихъ и мыслящихъ молекулъ, нѣчто цѣлое, или нѣтъ.

Если онъ отвѣтитъ, что она не образуетъ цѣлаго, онъ однимъ словомъ поколеблетъ существованіе Бога, внося въ природу безпорядокъ, и, разрывая цѣпь, связующую всѣ существа, уничтожитъ основу философіи. Если онъ согласится, что вселенная—цѣлое, гдѣ среди элементовъ господствуетъ не меньшій порядокъ, чѣмъ среди частицъ ихъ, реально различимыхъ или только воспринимаемыхъ умомъ, или среди элементовъ въ животномъ, тогда придется признать, что, вслѣдствіе такого всемірнаго сцѣпленія, у міра, подобнаго громадному животному, имѣется душа, что разъ міръ можетъ быть безконечнымъ, душа міра — я не говорю: является, но можетъ быть безконечной системой перцепцій, и что міръ можетъ быть Богомъ.

Пусть онъ, сколько угодно, протестуетъ противъ этихъ выводовъ, они не перестанутъ быть отъ того вѣрными, и какой бы свѣтъ ни бросили въ глубины при-

роды эти возвышенныя идеи, онѣ не станутъ отъ этого менѣе ужасными. Стоило только обобщить ихъ, чтобы замѣтить это.

Актъ обобщенія имѣетъ такое же значеніе для гипотезъ метафизики, какое повторныя наблюденія и опыты для догадокъ физики. Если догадки правдоподобны, то чѣмъ больше дѣлается опытовъ, тѣмъ больше подтверждаются догадки. Если гипотезы вѣрны, то чѣмъ шире дѣлаются выводы, тѣмъ больше истинъ обнимаютъ гипотезы, тѣмъ большую силу и вѣроятность онѣ пріобрѣтаютъ. Наоборотъ, если догадки и гипотезы шатки и плохо обоснованы, то можетъ открыться какой-нибудь фактъ или отыскаться какая-нибудь истина, противъ которыхъ онѣ не устоятъ.

Гипотеза доктора Баумана развернетъ, если угодно, самую непостижимую тайну природы, образованіе животныхъ или, общѣе, образованіе всѣхъ организованныхъ тѣлъ; всемірная совокупность феноменовъ и существованіе Бога будутъ для нея камнемъ преткновенія. Но хотя мы отвергли идеи доктора изъ Эрлангена, мы очень плохо поняли бы степень недоступности феноменовъ, разъясненіемъ которыхъ онъ задался, плодотворность его гипотезы, неожиданные выводы, которые можно изъ нея сдѣлать, заслугу созданія новыхъ догадокъ о предметѣ, которымъ занимались первые люди во всѣ вѣка, и трудность съ успѣхомъ оспаривать свои, если бы мы не смотрѣли на нихъ, какъ на продуктъ глубокаго размышленія, какъ на отважное предпріятіе въ области универсальной системы природы и на попытку великаго философа.

51.

Объ импульсѣ ощущенія.

Если бы докторъ Бауманъ поставилъ свою систему въ тѣсныя границы и примѣнилъ бы идеи ея лишь къ образованію животныхъ, не распространяя ихъ на природу души, откуда,—какъ мнѣ, думаю я, удалось показать,—можно ихъ перенести на существованіе Бога, онъ не бросился бы въ соблазнительныя объятія одного изъ самыхъ соблазнительныхъ видовъ матеріализма, приписывая органическимъ молекуламъ желаніе, отвращеніе, чувство и мысль. Надо было бы удовольствоваться допущеніемъ у нихъ чувствительности въ тысячу разъ меньшей той, которою Всемогущій надѣлилъ самыхъ близкихъ къ мертвой природѣ животныхъ.

Благодаря такой скрытой чувствительности и разницѣ въ конфигураціяхъ, для всякой органической молекулы существовало бы лишь одно, самое удобное изъ всѣхъ, положеніе, къ которому она безпрестанно стремилась бы съ автоматическимъ безпокойствомъ, подобно животнымъ, ворочающимся во снѣ, когда пріостанавливается дѣятельность почти всѣхъ ихъ способностей, ворочающимся до тѣхъ поръ, пока они не найдутъ положенія, наиболѣе удобнаго для покоя. Этого одного принципа достаточно было бы для объясненія, самымъ простымъ способомъ и безъ всякихъ опасныхъ выводовъ, феноменовъ, объясненіемъ которыхъ онъ задался, и тѣхъ безчисленныхъ чудесъ, которыя такъ изумляютъ всѣхъ нашихъ наблюдателей надъ насѣкомыми, и онъ опредѣлилъ бы животное вообще, *какъ систему различныхъ органическихъ молекулъ, которыя, подъ вліяніемъ импульса ощущенія,*

подобнаго тупому и неотчетливому осязанію, и даннаго имъ тѣмъ, кто создалъ всю вообще матерію, комбинируются до тѣхъ поръ, пока каждая изъ нихъ не встрѣтитъ самое подходящее для ея фигуры и для ея покоя мѣсто.

52.

Инструменты и мѣры.

Мы наблюдали въ другомъ мѣстѣ, что, поскольку чувства являются источникомъ всѣхъ нашихъ познаній, постольку очень важно знать, до какой степени мы можемъ разсчитывать на ихъ свидѣтельство. Прибавимъ здѣсь, что разсмотрѣніе дополненія нашихъ чувствъ, или инструментовъ, не менѣе необходимо. Съ каждымъ новымъ примѣненіемъ опыта возникаетъ новый источникъ долгихъ, тяжелыхъ и трудныхъ наблюденій. Имѣется, кажется, одно средство сократить трудъ: это—закрыть доступъ, такъ сказать, щепетильности раціональной философіи (ибо у нея имѣется таковая) доступъ до нашего слуха и отчетливо познать, до какой степени необходима точность мѣръ при измѣреніи количествъ.

Сколько на измѣреніе потеряно ловкости, труда и времени, которые были бы употреблены на открытія!

53.

Въ изобрѣтеніи или въ усовершенствованіи инструментовъ нужно настоятельно рекомендовать физику нѣкоторую осмотрительность: избѣгать аналогій, никогда не заключать ни отъ большаго къ меньшему, ни отъ меньшаго къ большему, подвергать разсмотрѣнію всѣ физическія свойства данныхъ субстанцій.

Физикъ никогда не будетъ имѣть успѣха, если будетъ пренебрегать этимъ, а когда онъ приметъ всѣ мѣры, сколько еще разъ ему случится натолкнуться на какое-нибудь маленькое препятствіе, котораго онъ не предвидѣлъ или которымъ онъ пренебрегъ, по которое заградитъ отъ него природу и понудитъ его бросить работу, которую онъ считалъ законченной?

54.

О выборѣ предметовъ.

Такъ какъ разумъ не можетъ всего понять, воображеніе не можетъ все предвидѣть, чувство не въ состояніи все подмѣтить, а память—все удержать; такъ какъ великіе люди родятся чрезъ длинные промежутки времени, а прогрессъ научныхъ знаній такъ часто задерживается революціями, что цѣлые вѣка научной дѣятельности тратятся на то, чтобы снова пріобрѣсти знанія протекшихъ столѣтій,—то дѣлать наблюденія безъ всякаго разбора надъ всѣмъ, что представляетъ природа, значитъ не исполнять своей обязанности предъ человѣческимъ родомъ. Люди, выдѣляющіеся своими талантами, должны тратить свое время такъ, какъ этого требуетъ уваженіе къ самимъ себѣ и къ потомству. Что подумало бы о насъ потомство, если бы мы ничего не оставили ему, кромѣ полной инсектологіи да обширной исторіи микроскопическихъ животныхъ? Для великихъ умовъ—великіе предметы, для мелкихъ—мелкіе. Послѣднимъ лучше чѣмъ-нибудь заниматься, чѣмъ ничего не дѣлать.

55.

О препятствіяхъ.

Такъ какъ недостаточно желать какой-нибудь вещи, но надо также мириться со всѣмъ, что почти нераздѣльно связано съ желаемой вещью, то человѣку, который рѣшитъ отдаться изученію философіи, придется столкнуться не только съ физическими препятствіями, свойственными природѣ его предмета, но и со множествомъ препятствій моральнаго свойства, которыя должны представиться ему, какъ до него они представлялись всѣмъ философамъ. Когда же ему случится встрѣтиться съ препятствіемъ или быть плохо понятымъ, оклеветаннымъ, скомпрометированнымъ, поносимымъ, пусть онъ скажетъ самому себѣ:

«Развѣ только въ мое время и только мнѣ приходится встрѣчать людей невѣжественныхъ и злобныхъ, души, снѣдаемыя завистью, существа, омраченныя суевѣріями?»

Если онъ вздумаетъ иногда жаловаться на своихъ согражданъ, пусть онъ скажетъ такъ:

«Я жалуюсь на своихъ согражданъ, но если бы было возможно спросить ихъ всѣхъ и задать каждому изъ нихъ вопросъ: кѣмъ хотѣлъ бы онъ быть, авторомъ ли «Nouvelles Ecclésiastiques *)» или Монтескье, авторомъ ли «Lettrés Americaines **)» или Бюффономъ,—

*) Появлялись съ 1728 по 1803 г., были основаны аббатомъ Ф. Бушэ. Были у нихъ и другіе редакторы, такъ же забытые, какъ и основатель ихъ.

**) Les Lettres à un Ameriquain (sic) sur l' Histoire naturelle de M. de Buffon et sur les Observations microscopiques de M. Needham принадлежатъ аббату Линьякъ. Они появились въ 1751 г. въ Гамбургѣ въ 5 т. Аббатъ находитъ, что ученые, которыхъ онъ критикуетъ, злоупотребляютъ «возмутительными парадоксами», и, довольный своей ролью, онъ заканчиваесъ такъ: «Пожалѣемъ этихъ господъ и не будемъ завидовать ихъ столь плодовитому воображенію».

то найдется ли хоть одинъ изъ нихъ, мало-мальски разсудительный человѣкъ, который будетъ колебаться въ выборѣ? Я же увѣренъ, что наступитъ время, когда я получу одобреніе, которое я сталъ бы высоко цѣнить, если бы я былъ достаточно счастливъ заслужить его».

А вы, присваивающіе себѣ имя философовъ или прекрасныхъ умовъ и не стыдящіеся походить на тѣхъ назойливыхъ насѣкомыхъ, которыя проводятъ мгновенія своего эфемернаго существованія въ томъ, чтобы безпокоить человѣка во время работы и отдыха, — какая у васъ цѣль? чего ждете вы отъ своего остервенѣнія? когда вы обезкуражите славныхъ авторовъ и прекрасные таланты, которые еще остаются у націи, что вы дадите ей взамѣнъ ихъ? какими удивительными произведеніями возмѣстите вы роду человѣческому утрату тѣхъ, которыя у него были бы?.. Наперекоръ вамъ имена Дюкло, Д'Аламберовъ и Руссо, Вольтеровъ, Мопертюи и Монтескье, Бюффоновъ и Добантоновъ будутъ въ почетѣ у насъ и у нашихъ внуковъ, а если кто-нибудь вспомнитъ когда-нибудь ваши имена, то онъ скажетъ:

«Они были преслѣдователями великихъ людей своего времени, и если мы имѣемъ предисловіе къ «*Энциклопедіи*», «*Исторію вѣка Людовика* XIV», «*Духъ Законовъ*» и «*Исторію природы*», то, къ счастью, не во власти этихъ людей было лишить насъ этого».

56.

О причинахъ.

1. Если положиться только на тщетныя догадки философіи и на слабый свѣтъ нашего разума, то можно подумать, что у цѣпи причинъ не было начала

и у цѣпи слѣдствій не будетъ конца. Предположите, что какая-нибудь молекула перемѣщена; она перемѣстилась не сама-по себѣ; имѣется какая-нибудь причина ея перемѣщенія, у этой причины—другая и т. д., такъ что нельзя найти *естественныхъ* границъ для причинъ въ каждый предшествующій моментъ времени. Возьмите перемѣщенную молекулу; перемѣщеніе молекулы вызоветъ опредѣленное слѣдствіе, за этимъ послѣднимъ наступитъ другое и т. д., такъ что нельзя найти въ каждый послѣдующій моментъ времени *естественныхъ* границъ для слѣдствій.

Умъ, ошеломленный безконечнымъ рядомъ самыхъ слабыхъ причинъ и самыхъ незначительныхъ слѣдствій, откажется отъ этого предположенія и отъ нѣкоторыхъ другихъ того же рода, только благодаря предразсудку, согласно которому нѣтъ ничего за предѣлами нашихъ чувствъ и все прекращается тамъ, гдѣ мы больше ничего не видимъ; но одно изъ главныхъ отличій наблюдателя природы и ея истолкователя заключается въ томъ, что послѣдній отправляется отъ той точки, гдѣ чувства и инструменты покидаютъ перваго; на основаніе того, что есть, онъ строитъ догадку о томъ, что еще должно быть; изъ порядка вещей онъ выводитъ общія и абстрактныя заключенія, которыя имѣютъ въ его глазахъ очевидность осязаемыхъ и важныхъ истинъ; онъ поднимается даже до сущности порядка; онъ видитъ, что для него недостаточно *чистаго и простого* сосуществованія чувствующаго и мыслящаго существа съ какой-нибудь цѣпью причинъ и слѣдствій, чтобы вынести о нихъ абсолютный приговоръ; онъ останавливается здѣсь; сдѣлай еще одинъ шагъ, и онъ вышелъ бы за предѣлы природы.

О конечныхъ причинахъ.

Кто мы, чтобы быть въ состояніи объяснить судьбы природы? Развѣ мы не замѣчаемъ, что почти всегда мы прославляемъ ея мудрость за счетъ ея могущества?

Такой способъ объясненія природы неудовлетворителенъ даже въ естественной теологіи. Придерживаться его значитъ на мѣсто творенія Бога ставить догадку человѣка, важнѣйшую изъ теологическихъ истинъ связывать съ судьбой гипотезы. Но достаточно самаго простого феномена, чтобы показать, насколько изслѣдованіе этихъ причинъ противорѣчитъ истинному знанію.

Я представляю себѣ физика, котораго спрашиваютъ о природѣ молока, и онъ отвѣчаетъ, что молоко пищевой продуктъ, начинающій образовываться у самки, когда она зачала, и что природа предназначаетъ его въ пищу будущему животному. Что даетъ мнѣ такое опредѣленіе? Что я могу думать о предполагаемомъ назначеніи этой жидкости и другихъ физіологическихъ идеяхъ, возникающихъ въ связи съ нимъ, когда я знаю, что бывали мужчины, у которыхъ изъ грудей появлялось молоко; что анастомозъ надбрюшныхъ и грудныхъ артерій доказываетъ, что молоко производитъ вздутіе горла, которое появляется иногда даже у дѣвушекъ при приближеніи мѣсячныхъ очищеній; что нѣтъ почти ни одной дѣвушки, которая не сдѣлалась бы кормилицей, если бы она позволила сосать себѣ грудь, и что у меня имѣется на виду одна такая маленькая самка, для которой не нашлось подходящаго самца, которая не была

покрыта, не была беременной, и у которой всетаки груди были такъ наполнены молокомъ, что приходилось прибѣгать къ обычнымъ средствамъ для облегченія ихъ?

Не смѣшно ли слышать анатомистовъ, серьезно приписывающихъ стыдливости природы прикрытіе, которое она набрасываетъ на нѣкоторыя части нашего тѣла, гдѣ нѣтъ ничего неприличнаго, что нужно было бы закрывать? Цѣль, которую приписываютъ этому прикрытію другіе анатомисты, дѣлаетъ немного меньше чести стыдливости природы, но она не дѣлаетъ больше чести проницательности анатомистовъ.

Физикъ, профессія котораго заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать, а не въ томъ, чтобы созидать, откажется отъ вопроса: *почему*, и займется лишь вопросомъ: *какъ*. *Какъ* исходитъ изъ наблюденій надъ существами, *почему*—изъ нашего разума; *почему* относится къ области нашихъ системъ и зависитъ отъ нашихъ знаній. Сколько нелѣпыхъ идей, ложныхъ предположеній, химерическихъ понятій въ тѣхъ гимнахъ, которые смѣло сочинялись въ честь Создателя нѣкоторыми безразсудными поборниками конечныхъ причинъ? Вмѣсто того, чтобы раздѣлять восторженное удивленіе пророка и восклицать при видѣ безчисленныхъ звѣздъ, освѣщающихъ ночью небеса, «Caeli enarrant gloriam Dei» (Пс. Дав., XVIII), они увлеклись суевѣріемъ своихъ догадокъ. Вмѣстѣ того, чтобы боготворить Всемогущаго въ самыхъ твореніяхъ природы, они стали падать ницъ предъ призраками своего воображенія. Если кто-нибудь, повинуясь голосу предразсудка, усомнится въ основательности моего упрека, я предложу ему сравнить трактатъ

Галіена о пользованіи различными частями человѣческаго тѣла съ физіологіей Бёргаава, а физіологію Бёргаава съ физіологіей Галлера; я приглашаю потомство сравнить заключающіеся въ произведеніи Галлера систематическіе и преходящіе взгляды съ тѣмъ, чѣмъ физіологія сдѣлается въ грядущіе вѣка. Человѣкъ ради своихъ узкихъ цѣлей превозноситъ Превѣчнаго, а Превѣчный, слушая его съ высоты своего трона и преслѣдуя свою цѣль, принимаетъ его нелѣпыя похвалы и смѣется надъ его тщеславіемъ.

О нѣкоторыхъ предразсудкахъ.

Ни въ явленіяхъ природы, ни въ условіяхъ нашей жизни нѣтъ ничего такого, что, какъ преднамѣренно разставленная сѣть, препятствовало бы нашимъ стремленіямъ. Я имѣю при этомъ въ виду бо̀льшую часть тѣхъ общепринятыхъ аксіомъ, возникновеніе которыхъ обыкновенно приписывается здравому смыслу народа. Напр., говорятъ: *ничто не ново подъ луной*, и это вѣрно для того, кто ограничивается поверхностными наблюденіями. Но какое значеніе имѣетъ эта сентенція для философа, ежедневно занятаго размышленіемъ надъ тончайшими различіями? Что долженъ былъ подумать объ этомъ тотъ, кто утверждалъ, что на цѣломъ деревѣ не найдется, м. б., двухъ листьевъ, *осязательно* окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же зеленый цвѣтъ? Что подумалъ бы объ этомъ тотъ, кто размышляя надъ множествомъ извѣстныхъ причинъ, которыя должны способствовать появленію точно опредѣленнаго оттѣнка цвѣта, утверждалъ, —не думая преувеличивать мнѣнія Лейбница,—что слѣдуетъ считать доказаннымъ, вслѣдствіе различія въ расположеніи

точекъ пространства, гдѣ находятся тѣла, въ связи съ чудовищнымъ числомъ другихъ причинъ, что никогда, м.б., не существовало и никогда, м.б., не будетъ существовать двухъ травинокъ, окрашенныхъ *абсолютно* въ одинъ и тотъ же зеленый цвѣтъ? Если существа постепенно проходятъ чрезъ неуловимыя стадіи измѣненій, то время, которое не останавливается, должно въ концѣ концовъ установить громадную разницу между формами, существовавшими въ давнопрошедшія эпохи, нынѣ существующими и тѣми, которыя будутъ существовать въ грядущіе вѣка. Так. обр., nil sub sole novum—предразсудокъ, основанный на слабости нашихъ органовъ, на несовершенствѣ нашихъ инструментовъ и непродолжительности нашей жизни. Въ морали говорятъ: quot capita, tot sensus, но вѣрно противоположное: головъ много, а умъ—явленіе рѣдкое. Въ литературѣ говорятъ: *не слѣдуетъ спорить о вкусахъ*. Если понимать подъ этимъ, что не слѣдуетъ спорить, что у извѣстнаго человѣка такой-то вкусъ, то это—глупость. Если же понимать подъ этимъ, что во вкусахъ не существуетъ ни хорошей ни дурной стороны, то это—невѣрно. Философъ не оставитъ безъ строгаго разсмотрѣнія всѣхъ этихъ аксіомъ народной мудрости.

Вопросы.

Есть только одинъ возможный способъ быть гомогеннымъ. Есть безконечное множество всевозможныхъ способовъ быть гетерогеннымъ. Мнѣ точно также кажется невозможнымъ, чтобы всѣ творенія природы были произведены изъ совершенно гомогенной матеріи; мнѣ кажется, что было бы невозможно пред-

ставить ихъ всѣ одного и того же цвѣта. Все же мнѣ думается, что разнообразіе феноменовъ не можетъ быть результатомъ какой-нибудь гетерогенности. Поэтому я называю *элементами* различныя гетерогенныя матеріи, необходимыя для созданія всѣхъ феноменовъ природы, и *природой* общій актуальный результатъ или общіе послѣдовательные результаты комбинаціи элементовъ. Въ элементахъ должно быть существенное различіе; безъ этого условія все могло бы родиться отъ гемогенности; потому что все могло бы вернуться къ ней. Существуетъ, существовала или будетъ существовать естественная или искусственная комбинація, въ которой элементъ доводится, былъ или будетъ доведенъ до самой крайней степени дѣленія. Молекула элемента, находящагося въ такомъ состояніи крайней степени дѣленія, недѣлима, абсолютно недѣлима, такъ какъ дальнѣйшее дѣленіе ся, выходя за предѣлы законовъ природы и силъ искусства, можетъ быть представлено лишь умомъ.

Такъ какъ состояніе крайней степени дѣленія въ природѣ или на опытѣ, по всей видимости, бываетъ различное для по существу гетерогенныхъ матерій, то отсюда слѣдуетъ, что существуютъ молекулы существенно различныя въ массѣ и обсолютно недѣлимыя индивидуально

Сколько матерій абсолютно гетерогенныхъ или элементарныхъ? Мы не знаемъ этого.

Какія существенныя различія въ матеріяхъ, которыя мы разсматриваемъ абсолютно гетерогенными или элементарными? Мы не знаемъ этого?

До какой степени дѣленія можетъ быть доведена элементарная матерія въ опытахъ или въ дѣятельности природы? Мы не знаемъ, etc, etc, etc...

Къ комбинаціямъ искусственнымъ я присоединяю комбинаціи природы, потому что среди безконечнаго множества фактовъ, неизвѣстныхъ намъ, и которые мы никогда не будемъ знать, есть еще одинъ скрытый отъ насъ, а именно: не доводится ли, не было ли или не будетъ ли доведено дѣленіе элементарной матеріи въ искусственныхъ операціяхъ дальше, чѣмъ оно доводится, было или будетъ доведено въ природѣ, предоставленной самой себѣ. И изъ перваго слѣдующаго ниже вопроса будетъ видно, почему я ввелъ въ нѣкоторыя мои проблемы понятія прошлаго, настоящаго и будущаго и почему я включилъ идею послѣдовательности въ данное мною опредѣленіе природы.

1. Если не существуетъ взаимной связи между феноменами, то нѣтъ мѣста для философіи. Съ др. стороны, можно допустить, что состояніе каждаго изъ этихъ феноменовъ можетъ быть преходящимъ и при наличности связи между ними.

Но если состояніе существъ подвержено безпрерывному колебанію, если природа находится еще за работой, то, вопреки цѣпи, связующей феномены, нѣтъ мѣста для философіи. И все наше знаніе природы становится тогда столь же преходящимъ, какъ слова; то, что мы принимаемъ за исторію природы, является не больше, какъ очень неполной исторіей одного момента. Поэтому я спрашиваю, всегда ли были и будутъ металлы такими, какіе они теперь; всегда ли были и будутъ растенія такими, какія они теперь; всегда ли были и будутъ животныя такими, какія они теперь *) etc?..

*) «Каждое поднятіе цѣпи этихъ горъ, относительную древность которыхъ мы можемъ опредѣлить, обозначалось разрушеніемъ прежнихъ видовъ и появленіемъ новыхъ организацій». *Гумбольдтъ «Космосъ».*

Послѣ глубокаго размышленія надъ извѣстными феноменами появляется у васъ сомнѣніе, которое вамъ, о скептики, можетъ быть, простится,—сомнѣніе, что міръ не былъ созданъ, но что онъ остается такимъ, какимъ былъ и будетъ.

2. Не то же ли самое происходитъ съ цѣлыми видами, что въ царствѣ животномъ и растительномъ съ отдѣльнымъ индивидомъ, который сначала, такъ сказать, увеличивается, растетъ, крѣпнетъ, потомъ разрушается и гибнетъ?

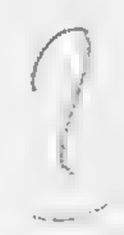
Если бы вѣра не научила насъ тому, что животныя вышли изъ рукъ Творца такими, какими мы видимъ ихъ; если бы было позволено имѣть малѣйшее сомнѣніе на счетъ ихъ начала и конца, то не можетъ ли философъ, предоставленный собственнымъ догадкамъ, предположить, что все живое имѣетъ отъ вѣчности особенные, разсѣянные и смѣшанные въ массѣ матеріи элементы; что эти элементы случайно соединились, потому что было возможно такое соединеніе; что сформировавшійся изъ этихъ элементовъ эмбріонъ прошелъ чрезъ безконечныя стадіи развитія и организаціи; что онъ послѣдовательно прошелъ стадіи движенія, ощущенія, идей, мысли, размышленія, сознанія, чувствъ, страстей, знаковъ, жестовъ, звуковъ, членораздѣльныхъ звуковъ, языка, законовъ, наукъ и искусствъ; что протекли милліоны лѣтъ между каждой изъ этихъ стадій развитія; что ему, можетъ быть, предстоитъ пройти еще другія стадіи развитія и организаціи, намъ неизвѣстныя; что онъ былъ или будетъ въ состояніи стаціонарномъ; что онъ удаляется или удалится отъ этого состоянія, благодаря вѣчному разрушенію, во время котораго его способности покинутъ его; что онъ навсегда исчез-

нетъ изъ природы или скорѣе будетъ существовать въ ней подъ иной формой и съ другими способностями, отличными отъ тѣхъ, которыя наблюдаются въ немъ въ данный моментъ времени?

Религія избавляетъ насъ отъ большого труда и отъ многихъ заблужденій. Если бы она не просвѣтила насъ на счетъ начала міра и универсальной системы существъ, сколько различныхъ гипотезъ намъ пришлось бы принять за секретъ природы?

Эти гипотезы, всѣ одинаково ложныя, намъ казались бы почти всѣ одинаково правдоподобными. Вопросъ: *почему что-либо существуетъ?*—самый затруднительный, какой только можетъ представить себѣ философія; только откровеніе отвѣчаетъ на него.

3. Если бросить взглядъ на животныхъ и на грубую землю, которую они топчатъ ногами; на органическихъ молекулъ и на жидкость, въ которой онѣ двигаются; на микроскопическихъ насѣкомыхъ и на матерію, которая производитъ и окружаетъ ихъ, то станетъ очевиднымъ, что матерія вообще дѣлится на мертвую и живую. Но какъ можетъ быть, что существуетъ не одна матерія: или живая или мертвая? Живая матерія всегда ли остается живой? И мертвая матерія всегда ли и дѣйствительно ли остается мертвой? Развѣ живая матерія не умираетъ? Развѣ мертвая матерія никогда не начинаетъ жить?

4. Есть ли какая-нибудь другая замѣтная разница между мертвой и живой матеріей, кромѣ организаціи и реальной или кажущейся самопроизвольности движенія?

5. То, что называютъ живой матеріей, не есть ли только сама собой движущаяся матерія? И то, что

называютъ мертвой матеріей, не есть матерія, движимая другой матеріей?

6. Если живая матерія есть движущаяся сама по себѣ матерія, то какъ можетъ она перестать двигаться, не умирая?

7. Если существуетъ живая и мертвая матерія сама по себѣ, то достаточно ли этихъ двухъ принциповъ для созданія всѣхъ формъ и всѣхъ феноменовъ?

8. Въ геометріи положительная величина, прибавленная къ мнимой, даетъ цѣлое мнимое; а въ природѣ будетъ ли цѣлое живымъ или мертвымъ, если молекула живой матеріи соединится съ молекулой мертвой матеріи?

9. Если аггрегатъ можетъ быть или живымъ или мертвымъ, то когда и почему онъ будетъ живымъ? когда и почему онъ будетъ мертвымъ?

10. Живой или мертвый, онъ существуетъ въ какой-нибудь формѣ. Въ какой бы формѣ онъ ни существовалъ, каковъ принципъ ея?

11. Прообразы являются ли принципами формъ? Что такое прообразъ? Реальное ли это и предсуществующее твореніе? или это только постижимые разумомъ предѣлы энергіи одной живой молекулы, соединненой съ мертвой или живой матеріей, предѣлы, опредѣленные отношеніемъ всяческой энергіи ко всевозможнымъ сопротивленіямъ? Если это существо реальное и существующее предвѣчно, то какъ оно образуется?

12. Варьируется энергія живой матеріи сама по себѣ, или она варьируется лишь сообразно количеству, качеству, формамъ мертвой или живой матеріи, съ которой она соединяется?

13. Есть ли живыя матеріи, имѣющія специфическое отличіе отъ живыхъ матерій? или всякая живая

матерія по своей сущности едина во всемъ? Тотъ же вопросъ относится къ мертвымъ матеріямъ.

14. Комбинируется ли живая матерія съ живой матеріей? Какъ происходитъ эта комбинація? Каковъ результатъ ея? То же относится къ мертвой матеріи.

15. Если бы можно было предположить, что вся матерія живая или вся она мертвая, то было ли когда-нибудь что-либо другое, кромѣ мертвой или живой матеріи? или могли ли бы живыя молекулы вернуться къ жизни, потерявъ ее, чтобы потомъ опять разстаться съ ней, и т. д. до безконечности?

Когда я обращаю свои взоры на творческую дѣятельность людей и повсюду вижу основанные ими города, элементы природы, претворенные ими въ дѣло, сложившіеся языки, пріобщившіеся къ культурѣ народы, построенные порты, моря, избороженныя судами, измѣренныя землю и небеса,—міръ мнѣ кажется очень старымъ. Но когда я встрѣчаю людей, незнакомыхъ съ началами медицины и агрикультуры, съ самыми простыми свойствами субстанцій, съ болѣзнями, заражающими ихъ, съ формой плуга, неумѣющихъ подрѣзывать деревья,—земля мнѣ кажется населенной со вчерашняго дня. И если бы люди были мудры, они отдались бы, наконецъ, изслѣдованіямъ, полезнымъ для ихъ благополучія и отвѣтили бы на мои праздные вопросы не меньше, какъ черезъ тысячу лѣтъ, или даже, можетъ быть, они никогда не соблаговолили бы отвѣтить на нихъ, изъ соображенія о мизерности занимаемаго ими въ пространствѣ и во времени мѣста.

Философскiе принципы матерiи и движенiя (1770 г.).

Предварительныя замѣчанiя.

Помѣщая этотъ отрывокъ въ своей статьѣ о Дидро въ «Древней и современной философiи» Нэжонъ такъ отзывается о немъ;

«Это произведенiе никогда не было напечатано. Одна опубликованная анонимомъ въ 1770 г. диссертацiя подала поводъ къ написанiю его. Одинъ другъ автора, бывшiй также другомъ Дидро, попросилъ его просмотрѣть эту диссертацiю и откровенно высказать о ней свое мнѣнiе. Этотъ просмотръ навелъ Дидро на размышленiя, которыя читатель найдетъ ниже. Изъ нихъ видно, какъ полезно было для Дидро изученiе химiи, которой онъ занимался въ продолженiе многихъ лѣтъ, обнаруживая въ этихъ занятiяхъ такую же способность, какую онъ проявлялъ въ области всѣхъ наукъ. Умѣнье примѣнять эти столь необходимыя для него познанiя, безъ которыхъ онъ не могъ быть ни хорошимъ естественникомъ, ни хорошимъ философомъ, заставляетъ насъ сожалѣть о томъ, чо ему не пришлось слушать лекцiй у Руэлля. Только въ лабораторiи этого великаго химика онъ нашелъ бы отвѣтъ на большинство изъ тѣхъ вопросовъ, кото-

рыми онъ заканчиваетъ свои «Мысли по поводу объясненія природы», или, лучше сказать, онъ никогда не поставилъ бы ихъ, ибо многія изъ этихъ его недоумѣній не находятъ разъясненія въ метафизикѣ, даже самой смѣлой, и легко разрѣшаются въ химіи.

Этотъ драгоцѣнный отрывокъ философіи Дидро я опубликовывалъ по по собственноручному подлинику его».

Философскіе принципы матеріи и движенія (1770 г.).

Я не знаю, какой смыслъ придавать предположеніямъ философовъ о томъ, что матерія индифферентна къ движенію и покою. Несомнѣнно, что всѣ тѣла тяготѣютъ другъ къ другу, что всѣ частицы тѣлъ тяготѣютъ другъ къ другу, что все въ этой вселенной находится или въ состояніи перемѣщенія или in nisu, или одновременно и въ томъ и въ другомъ состояніи.

Это предположеніе философовъ походитъ, можетъ быть, на предположеніе геометровъ, которые допускаютъ существованіе точекъ безъ измѣренія, линій безъ ширины и глубины, поверхностей безъ плотности; или, можетъ быть, они говорятъ объ относительномъ покоѣ, о покоѣ одной массы по отношенію къ другой. Все находится въ относительномъ покоѣ на суднѣ, терзаемомъ бурей. Нѣтъ ничего тамъ въ абсолютномъ покоѣ, даже составныя молекулы судна и заключающихся въ немъ тѣлъ не находятся въ абсолютномъ покоѣ.

Если они полагаютъ, что во всякомъ тѣлѣ одинакова тенденція какъ къ покою, такъ и къ движенію, то они, очевидно, разсматриваютъ матерію гомогенной, абстрагируютъ отъ нея всѣ присущія ей свойства, смотрятъ на нее, какъ на неизмѣняемую въ почти недѣлимый моментъ ихъ спекуляціи, разсуждаютъ объ

относительномъ покоѣ, о покоѣ одного аггрегата по отношенію къ другому; забываютъ, что въ то время, какъ они разсуждаютъ объ индифферентности тѣла къ движенію или къ покою, кусокъ мрамора тяготѣетъ къ разрушенію; уничтожаютъ мысленно и всеобщее движеніе, одушевляющее всѣ тѣла, и ихъ взаимное другъ на друга дѣйствіе, которое ихъ всѣхъ разрушаетъ; и эта индифферентность, хотя и мнимая сама по себѣ, но мимолетная, не сдѣлаетъ законовъ движенія неправильными.

Тѣло, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, не одарено само по себѣ ни дѣйствіемъ, ни силой.

Это ужасное заблужденіе, стоящее въ прямомъ противорѣчіи со всякой физикой, со всякой химіей. Само по себѣ, по природѣ присущихъ ему свойствъ, тѣло полно дѣйствія и силы, будете ли вы разсматривать его въ молекулахъ или въ массѣ.

Чтобы представить себѣ движеніе, прибавляютъ они, *внѣ существующей матеріи, слѣдуетъ вообразить силу, дѣйствующую на нее.*

Это не такъ.

Молекула, одаренная присущимъ ея природѣ свойствомъ, сама по себѣ есть сила активная. Она воздѣйствуетъ на другую молекулу, которая, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на первую. Въ основѣ всѣхъ этихъ паралогизмовъ лежитъ ложное предположеніе о гомогенной матеріи.

Представляя себѣ такъ прекрасно матерію спокойной, можете ли вы вообразить себѣ огонь въ состояніи покоя? Во всемъ въ природѣ имѣется разнообразное дѣйствіе, какъ и въ этой совокупности молекулъ, которую вы называете огнемъ. Каждая молекула

этой совокупности, называемой огнемъ, имѣетъ свою природу, свое дѣйствіе.

Вотъ истинная разница между покоемъ и движеніемъ: абсолютный покой—абстрактная концепція, не существующая въ природѣ, движеніе же есть свойство такое же реальное, какъ длина, ширина, глубина.

Какое мнѣ дѣло до того, что происходитъ въ вашей головѣ? Какое мнѣ дѣло до того, что вы разсматривали матерію, какъ гомогенную или гетерогенную? Какое мнѣ дѣло до того, что, абстрагируясь отъ ея свойствъ и принимая во вниманіе лишь ея существованіе, вы видѣли ее въ покоѣ? Какое мнѣ дѣло до того, что вслѣдствіе этого вы искали причину, приводящую ее въ движеніе? Вы можете дѣлать изъ геометріи и метафизики все, что угодно; но я, физикъ и химикъ, который беретъ тѣла такими, какими они бываютъ въ природѣ, а не въ моей головѣ,—я вижу ихъ жизнедѣятельными, во всемъ ихъ разнообразіи, одаренными свойствами и способностью къ дѣйствіямъ, и подвижными какъ во вселенной, такъ и въ лабораторіи, гдѣ искра въ соединеніи съ тремя комбинированными молекулами селитры, угля и сѣры необходимо вызываетъ взрывъ.

Тяжесть не есть *тенденція къ покою*, это—тенденція къ локальному движенію.

Чтобы матерію привести въ движеніе, говорятъ еще, *нужно дѣйствіе, сила*.

Да, или сила внѣшняя по отношенію къ молекулѣ, или внутренняя, присущая, интимная молекулѣ и конституирующая ея природу, какъ молекулы огня, воды, селитры, азотной, щелочной; какова бы ни была ея природа, изъ нея исходитъ сила, дѣйствующая внѣ ея, и изъ другихъ молекулъ тоже исходятъ силы, дѣйствующія на нее.

Сила, дѣйствующая на молекулу, изсякаетъ; сила, интимная молекулѣ, не изсякаетъ; она неизмѣнна, вѣчна. Эти двѣ силы могутъ производить два рода nisus: первый—прекращающійся, второй—никогда не прекращающійся. Слѣд., абсурдъ говорить, что у матеріи имѣется реальная оппозиція движенію.

Количество силы постоянно въ природѣ, но сумма nisus и сумма трансляцій перемѣнныя. Чѣмъ больше сумма nisus, тѣмъ меньше сумма трансляцій, и обратно, чѣмъ больше сумма трансляцій, тѣмъ меньше сумма nisus. Пожаръ, охватившій городъ, увеличиваетъ сумму трансляцій внезапно на чудовищную величину.

Атомъ двигаетъ міръ; нѣтъ ничего вѣрнѣе этого положенія; это такъ же вѣрно, какъ и то, что атомъ движимъ міромъ; поскольку у атома есть собственная сила, она не можетъ оставаться безъ дѣйствія.

Физику никогда не слѣдуетъ говорить: *тѣло, какъ тѣло*, ибо тогда нечего дѣлать физикѣ; это дѣло абстракціи, которая ни къ чему не приводитъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать дѣйствіе съ массой. Можетъ быть большая масса и маленькое дѣйствіе. Можетъ быть небольшая масса и большое дѣйствіе. Молекула воздуха взрываетъ стальную глыбу. Четыре грана пороха достаточно, чтобы разсѣчь скалу.

Да, конечно, когда сравниваютъ гомогенный аггрегатъ съ другимъ аггрегатомъ изъ той же гомогенной матеріи, когда говорятъ объ акціи и реакціи этихъ двухъ аггрегатовъ, тогда энергіи прямо пропорціональны массамъ. Но когда идетъ рѣчь о гетерогенныхъ аггрегатахъ, о гетерогенныхъ молекулахъ, тогда дѣйствуютъ другіе законы. Существуетъ столько разнообразныхъ законовъ, сколько разнообразія въ силѣ,

свойственной и присущей каждой элементарной и конститутивной молекулѣ тѣлъ.

Тѣло сопротивляется горизонтальному движенію.

Что это значитъ?

Хорошо извѣстно, что есть главная и общая всѣмъ молекуламъ обитаемаго нами шара сила, которая оказываетъ давленіе въ извѣстномъ направленіи, перпендикулярномъ или почти перпендикулярномъ поверхности шара, но эта главная и всеобщая сила встрѣчаетъ противодѣйствіе отъ сотни тысячъ другихъ. Нагрѣтая стеклянная трубочка заставляетъ развѣваться листочки золота. Ураганъ наполняетъ воздухъ пылью; жаръ заставляетъ воду испаряться, испаряющаяся вода уноситъ съ собой молекулы соли. Между тѣмъ какъ мѣдная масса давитъ на землю, воздухъ дѣйствуетъ на мѣдь и окисляетъ ея поверхность, вслѣдствіе чего начинается разрушеніе этого тѣла; сказанное мною о массахъ относится и къ молекуламъ.

Всякую молекулу нужно разсматривать, какъ одушевленную тремя родами дѣйствій: дѣйствіемъ тяжести или тяготѣнія, дѣйствіемъ ея силы интимной и свойственной ея природѣ, какъ молекулы воды, огня, воздуха, сѣры, и дѣйствіемъ всѣхъ другихъ молекулъ на нее. Можетъ случиться, что эти три дѣйствія будутъ сходящіяся или расходящіяся. Если они сходящіяся, то молекула будетъ одарена самымъ сильнымъ дѣйствіемъ, какое только можетъ быть у нея. Чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ величайшемъ дѣйствіи, нужно было бы вообразить, такъ сказать, цѣлую тучу абсурдныхъ предположеній, поставить молекулу въ совершенно метафизическое положеніе.

Въ какомъ смыслѣ можно сказать, что тѣло тѣмъ больше сопротивляется движенію, чѣмъ больше его

массы? Не въ томъ, что чѣмъ больше его масса, тѣмъ слабѣе его давленіе на препятствіе. Нѣтъ носильщика, который не зналъ бы противнаго. Но это такъ только относительно направленія, обратнаго его давленію. Въ этомъ направленіи, конечно, оно тѣмъ больше сопротивляется движенію, чѣмъ больше его масса. Въ направленіи, въ которомъ давитъ тяжесть, тоже несомнѣнно, что его давленіе или сила, или тенденція къ движенію увеличивается пропорціонально его массѣ. Что же все это значитъ? Ничего.

Я не удивляюсь, видя, какъ падаетъ тѣло; какъ пламя поднимается вверхъ; какъ вода давитъ во всѣ стороны и давитъ, въ зависимости отъ высоты и основанія, съ такой силой, что небольшимъ количествомъ жидкости я могу разбить очень крѣпкія вазы; какъ расширяющійся паръ распускаетъ самыя крѣпкія тѣла въ Паппиновомъ котлѣ и поднимаетъ самыя тяжелыя въ паровыхъ машинахъ.

Но я останавливаю свои взоры на общей массѣ тѣлъ и вижу все въ состояніи акціи и реакціи: все гибнетъ въ одной формѣ и возстановляется въ другой, повсюду всевозможныя сублимаціи, диссолюціи, комбинаціи, феномены, несовмѣстимые съ гомогенностью матеріи.

Отсюда я дѣлаю выводъ, что матерія гетерогенна; что существуетъ въ природѣ безконечное количество разнообразныхъ элементовъ; что у каждаго изъ этихъ элементовъ, благодаря его разнообразію, имѣется своя особая, внутренняя, непреложная, вѣчная, неразрушимая сила, и что эти интимныя тѣлу силы имѣютъ свои акціи внѣ тѣла; отсюда рождается движеніе или, лучше сказать, всеобщая ферментація во вселенной

Что дѣлаютъ философы, ошибки и паралогизмы которыхъ я опровергаю здѣсь?

Они хватаются за одну единственную силу, можетъ быть, общую всѣмъ молекуламъ матеріи. Я говорю: *можетъ быть*, ибо я не былъ бы удивленъ, еслибы въ природѣ была такая молекула, которая, соединившись съ другой, дѣлала бы результирующую смѣсь болѣе легкой. Каждый день въ лабораторіи испаряютъ одно инертное тѣло съ помощью другого инертнаго, и когда тѣ, которые, видя во вселенной только одно дѣйствіе тяготѣнія, заключаютъ отсюда объ индифферентности матеріи къ покою или движенію, или, лучше сказать, о тенденціи матеріи къ покою, думаютъ, что они рѣшили вопросъ, они его даже не затронули.

Когда разсматриваютъ тѣло, какъ болѣе или менѣе сопротивляющееся, а не какъ тяжелое или стремящееся къ центру тяготѣнія, въ немъ уже признаютъ присутствіе силы, свойственной и интимной ему акціи, но есть много другихъ силъ и акцій, изъ которыхъ однѣ оказываютъ всестороннее воздѣйствіе, а другія имѣютъ особыя направленія.

Предположеніе о какомъ-нибудь существѣ, стоящемъ внѣ матеріальной вселенной, невозможно. Никогда не слѣдуетъ дѣлать подобныхъ предположеній, потому что изъ нихъ никогда нельзя сдѣлать никакого вывода.

Все, что говорятъ о невозможности ускоренія движенія или быстроты, бьетъ прямо противъ гипотезы о гомогенной матеріи. Но что отъ этого тѣмъ, которые выводятъ движеніе въ матеріи изъ ея гетерогенности? Предположеніе о гомогенной матеріи чревато многими другими несообразностями.

Когда люди откажутся разсматривать вещи

въ своей головѣ, и будутъ разсматривать ихъ во вселенной, тогда они убѣдятся, на основаніи разнообразія въ феноменахъ, въ разнообразіи элементарныхъ матерій, въ разнообразіи силъ, въ разнообразіи акцій и реакцій, въ необходимости движенія, а, допустивъ всѣ эти истины, они не будутъ больше говорить: я вижу матерію существующей, я вижу ее сначала въ покоѣ, ибо они почувствуютъ, что это значитъ допускать абстракцію, изъ которой нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ. Существованіе не вызываетъ ни покоя ни движенія; но существованіе не есть единственное свойство тѣлъ.

Физики, предполагающіе матерію индифферентной къ движенію и покою, не имѣютъ яснаго представленія о сопротивленіи. Для того, чтобы они могли сдѣлать какой-нибудь выводъ изъ факта сопротивленія, нужно было бы, чтобы это свойство проявлялось безразлично во всѣхъ направленіяхъ, и чтобы его энергія оставалась одинаковой во всякомъ направленіи. Но тогда это была бы интимная тѣлу сила, такая, какая есть у всякой молекулы; но это сопротивленіе варьируется сообразно направленіямъ, по которымъ могутъ толкать тѣло; оно больше въ вертикальномъ, чѣмъ въ горизонтальномъ направленіи.

Разница между тяжестью и силой инерціи заключается въ томъ, что тяжесть сопротивляется не одинаково во всѣхъ направленіяхъ, а сила инерціи одинакова во всѣхъ направленіяхъ.

И почему бы силѣ инерціи не вызывать эффекта задерживать тѣло въ состояніи покоя и въ состояніи движенія, только благодаря понятію сопротивленія, пропорціональнаго количеству матеріи? Понятіе чистаго сопротивленія одинаково прилагается къ покою и

движенію: къ покою, когда тѣло въ движеніи; къ движенію, когда тѣло въ покоѣ. Безъ такого сопротивленія не могло бы быть толчка предъ движеніемъ и остановки послѣ толчка, ибо тѣло было бы ничто.

Въ опытѣ съ шаромъ, подвѣшаннымъ на ниткѣ, тяжесть уничтожается. Шаръ тянетъ нитку съ такой же силой, съ какой нитка тянетъ шаръ. Слѣд., сопротивленіе тѣла исходитъ только изъ силы инерціи.

Если бы нитка тянула шаръ сильнѣе, чѣмъ тяжесть его, шаръ поднялся бы. Если бы тяжесть тянула шаръ сильнѣе нитки, онъ спустился бы внизъ и т. д. и т. д.

Племянникъ Рамо.

Предварительныя замѣчанія *).

Эту замѣчательную книгу нужно разсматривать, какъ шедевръ Дидро. Современники Дидро и даже его друзья упрекали его за то, что онъ умѣетъ писать прекрасныя страницы, но не умѣетъ написать прекрасной книги. Приговоры подобнаго рода механически повторяются, укореняются среди потомковъ, и такимъ образомъ умаляется слава выдающагося человѣка.

Признавая, что Дидро въ высочайшей степени обладалъ мощью мысли, блескомъ выраженія, и что его произведенія искрятся отдѣльными деталями, отдѣльными изумительными страницами, французскіе Аристархи утверждали, что онъ не былъ одаренъ въ той же мѣрѣ талантомъ композиціи, не былъ способенъ координировать частей хорошо задуманнаго, прекрасно выполненнаго и совершеннаго въ своемъ цѣломъ произведенія.

Въ мірѣ такъ мало *голосовъ* и такъ много *эхо*, что пошлыя обвиненія въ концѣ концовъ становятся прочными отъ безпрестаннаго повторенія. Поддаются об-

*) Изъ отзывовъ Гёте.

щему предразсудку болѣе просвѣщенные люди, которые должны бы быть менѣе довѣрчивыми; они повторяютъ вслѣдствіе того, что слышатъ, какъ повторяютъ другіе; слова глупцовъ переходятъ въ уста умныхъ. Ради снисхожденія къ упрочившемуся заблужденію думаютъ открыть въ произведеніяхъ недостатки, которыхъ въ нихъ нѣтъ; признаютъ воображаемую вину за авторомъ, таланту котораго—въ другое время и въ другой странѣ—при жизни весь литературный міръ принесъ бы дань признанія, а послѣ смерти воздвигъ бы памятники и алтари.

Я не буду говорить объ *Энциклопедіи*, этомъ интеллектуальномъ сооруженіи, которое своей ученой законченностью показываетъ, до какой степени въ обширномъ умѣ Дидро сочетались и координировались всѣ человѣческія знанія; меня интересуютъ здѣсь лишь литературныя произведенія его. Читали ли его *Жака-Фаталиста* тѣ, которые не признавали въ немъ таланта композиціи и вынесли столь поверхностное сужденіе объ этомъ великомъ человѣкѣ? Или они читали его только глазами? Его *Племянникъ Рамо* служитъ не менѣе вѣрнымъ опроверженіемъ ихъ. Какой другой писатель отмѣтилъ бы эту работу печатью оригинальнаго и неподражаемаго ума? И, въ особенности, кто другой изъ такого незамысловатаго предмета, кажущагося съ перваго взгляда лишь игрой воображенія, создалъ бы поэтически цѣльное и научно-построенное произведеніе и нарисовалъ бы такую полную, такую реальную, дышащую правдой картину человѣческаго общества въ цѣломъ.

По общему признанію, на которомъ сходились какъ друзья, такъ и враги его, Дидро былъ въ разговорѣ удивительнѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка.

Обдуманныя и обработанныя рѣчи самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ поблѣднѣли бы предъ его блестящими импровизаціями. Въ нихъ онъ дышетъ вдохновеннымъ пламенемъ, касается всѣхъ вопросовъ бѣгло, но основательно, перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому неожиданными, но естественными переходами, наивенъ безъ тривіальности, выспренен безъ усилія, полонъ граціи безъ напыщенности и энергіи безъ грубости; говоритъ ли въ немъ голосъ разума, голосъ чувства или воображенія,—во всемъ сказывается дыханіе генія. Свѣтскій человѣкъ былъ обязанъ ему просвѣщеніемъ, артистъ—вдохновеніемъ. Никто до него не проникалъ такъ далеко въ душу тѣхъ, кто его слушалъ; никто до него не покорялъ такъ душъ мощью своихъ рѣчей.

«Племянникъ Рамо» представляетъ новый образецъ художественнаго произведенія, въ которомъ Дидро сумѣлъ слить въ одно гармоничное цѣлое разнообразнѣйшія детали, взятыя имъ изъ дѣйствительности. Каково бы, впрочемъ, ни было сужденіе объ этомъ писателѣ, и друзья и враги его были согласны въ томъ, что никто не превосходилъ его въ разговорѣ живостью, силой, умомъ, разнообразіемъ и граціей; но «Племянникъ Рамо»—разговоръ, и потому, остановившись на формѣ, которой авторъ владѣлъ въ совершенствѣ, онъ создалъ шедевръ, которымъ тѣмъ больше восторгаешься, чѣмъ лучше познаешь его.

Это произведеніе написано съ различными цѣлями. Прежде всего, авторъ приложилъ всѣ силы своего ума на изображеніе паразитовъ и льстецовъ во всей ихъ низости, не пощадивъ и покровителей ихъ. Попутно онъ нарисовалъ портреты своихъ литературныхъ противниковъ, изобразивъ ихъ тоже какъ льстивыхъ

лицемѣровъ. Въ то же время авторъ излагаетъ свое мнѣніе о французской музыкѣ. Послѣдній сюжетъ можетъ показаться очень страннымъ на ряду съ первыми двумя, но это-то, именно, и привлекаетъ вниманіе читателя и придаетъ бо̀льшее значеніе книгѣ. Дѣйствительно, племянникъ Рамо—существо, надѣленное всѣми дурными наклонностями, способное на всякія дурныя дѣла, и презрѣніе, даже ненависть—единственное чувство, которое оно могло бы вызвать въ насъ къ себѣ, но мы немного примиряемся съ нимъ, когда видимъ въ немъ музыканта, не лишеннаго таланта и богатой фантазіи.

Съ точки зрѣнія поэтической композиціи замыѳелъ автора изобразить такимъ образомъ всю породу паразитовъ тоже много выигрываетъ: предъ нами появляется не символъ, а индивидъ, опредѣленная личность; на глазахъ у насъ живетъ и дѣйствуетъ Рамо, племянникъ великаго Рамо.

Не безполезно точнѣе опредѣлить дату, когда появилось это произведеніе. Въ немъ говорится о «Философахъ», комедіи Палиссо, какъ о новомъ произведеніи. Эта комедія была сыграна въ Парижѣ 2 мая 1760 г. Живость, съ какой Дидро реагируетъ на нее въ своемъ діалогѣ, говоритъ о томъ, что діалогъ былъ написанъ въ пылу перваго гнѣва, вскорѣ послѣ появленія комедіи: «Философы». Содержаніе этой пьесы въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему: Одинъ честный буржуа, умирая, обѣщалъ отдать руку своей дочери молодому солдату. Но вдова его, питая привязанность къ философіи, хочетъ непремѣнно отдать дочь за одного изъ членовъ философской корпораціи. Всѣ философы являются въ пьесѣ ужасными людьми; характеристика ихъ до того неопредѣленна, что ихъ

можно принять за негодяевъ любого общественнаго класса. Ни одинъ изъ нихъ не питаетъ симпатій ко вдовѣ; ни однимъ благороднымъ чувствомъ не бьются ихъ сердца. Авторъ просто хочетъ сдѣлать ненавистными людямъ всѣхъ философовъ. Онъ заставляетъ ихъ презирать свою покровительницу. Эти господа посѣщаютъ ея домъ только за тѣмъ, чтобы помочь Валеру получить руку ея молодой дочери, и они говорятъ, что какъ только они добьются этого, они не перешагнутъ больше ея порога. Такъ характеризуются Д'Аламберъ и Гельвецій. Можно себѣ представить, во что превратился подъ перомъ автора принципъ эгоизма послѣдняго философа: онъ просто заставляетъ философа залѣзать въ чужой карманъ. Наконецъ появляется слуга, паяцъ, на четырехъ лапахъ,—ему предназначено осмѣять естественное состояніе Руссо. Одно случайно открытое письмо раскрываетъ глаза хозяйки на философовъ, и ихъ съ позоромъ выгоняютъ изъ дома.

Племянникъ Рамо.

САТИРА.

(Написана въ 1762 г., просмотрѣна въ 1773 г., опубликована въ 1823 г.).

Какая бы ни была погода, прекрасная или отвратительная, часовъ въ пять вечера я обыкновенно иду гулять въ Пале-Ройяль. Вы всегда увидите меня на скамейкѣ Аржансона, одинокаго, погруженнаго въ размышленія. Я бесѣдую съ самимъ собою о политикѣ, о любви, объ эстетикѣ или о философіи; я предоставляю своему уму полную свободу; я позволяю ему гнаться за первой попавшейся идеей, разумной или безразсудной, подобно тому, какъ наши молодые развратники гоняются въ аллеѣ де-Фуа за женщиной легкаго поведенія, съ легкомысленнымъ видомъ, смѣющимся лицемъ, бѣгающими взглядами, вздернутымъ носомъ; бросаютъ ее, чтобы погнаться за другой; пристаютъ ко всѣмъ и не берутъ ни одной. Мои мысли, — это женщины легкаго поведенія.

Когда слишкомъ холодно или идетъ слишкомъ сильный дождь, я нахожу убѣжище въ кофейнѣ де-ла-Режансъ. Тамъ я забавляюсь, смотря на игру въ шахматы. Въ мірѣ нѣтъ другого мѣста, кромѣ Парижа, а въ Парижѣ нѣтъ другого мѣста, кромѣ кофейни де-ла-Режансъ, гдѣ бы лучше играли въ эту игру; тамъ подвизаются глубокомысленный Легаль, хитрый Филидоръ, солидный Майо; тамъ можно увидѣть самые поразительные ходы и услышать самыя глупыя рѣчи, ибо если можно быть умнымъ человѣкомъ

и замѣчательнымъ игрокомъ въ шахматы, подобно Легалю, то также можно быть замѣчательнымъ игрокомъ въ шахматы и вмѣстѣ съ тѣмъ глупцомъ подобно Фуберу и Майо.

Однажды послѣ обѣда я сидѣлъ тамъ, много наблюдая, мало разговаривая и слушая, какъ можно меньше. Вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ людей, которыми Богъ не обидѣлъ нашу страну. Это какая-то смѣсь высокомѣрія съ низостью, здраваго смысла съ безразсудствомъ. Надо полагать, что въ головѣ этого человѣка страннымъ образомъ перепутались понятія о томъ, что̀ честно и что̀ безчестно, такъ какъ хорошія качества, данныя ему природой, онъ выказываетъ безъ хвастовства, а дурныя—безъ застѣнчивости. При этомъ онъ одаренъ сильнымъ сложеніемъ, пламеннымъ воображеніемъ и необычайно здоровыми легкими. Если вамъ случится когда-нибудь встрѣтиться съ нимъ и онъ прикуетъ васъ къ себѣ своей оригинальностью, вамъ придется заткнуть уши или спасаться отъ него бѣгствомъ. О, боги, какія ужасныя у него легкія! Нѣтъ ничего такъ мало похожаго на него, какъ онъ самъ. Иногда онъ худъ и хилъ, точно больной въ послѣднемъ градусѣ чахотки: пересчитаешь зубы сквозь его щеки, подумаешь, что онъ нѣсколько дней не ѣлъ или только что выпущенъ изъ ла-Траппъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ жиренъ и тученъ, словно не выходилъ изъ-за стола какого-нибудь финансоваго туза или былъ заключенъ въ монастырѣ Бернардинцевъ. Сегодня онъ въ грязномъ бѣльѣ, въ разорванныхъ брюкахъ, весь въ лохмотьяхъ, почти безъ сапогъ, ходитъ понуря голову, избѣгаетъ встрѣчъ со знакомыми,—вы готовы подозвать его, чтобы подать ему

милостыню. Завтра онъ напудренъ, обутъ, завитъ, прекрасно одѣтъ, ходитъ поднявъ голову, старается обратить на себя вниманіе—и вы, пожалуй, примете его за порядочнаго человѣка. Онъ живетъ изо дня въ день, то веселъ, то печаленъ, смотря по обстоятельствамъ. Утромъ, какъ только онъ всталъ съ постели, его первая забота, у кого пообѣдать; послѣ обѣда онъ думаетъ, у кого поужинать. Ночь также приноситъ свои заботы: пѣшкомъ возвращается онъ въ свой тѣсный чердакъ, если только хозяйка, выведенная изъ терпѣнія напраснымъ ожиданіемъ платы, не отобрала у него ключа отъ входной двери; или направляется въ одинъ изъ загородныхъ трактировъ, гдѣ дожидается утра за кускомъ хлѣба и кружкой пива. Если же у него нѣтъ шести су въ карманѣ,—что иногда съ нимъ случается,—онъ ищетъ убѣжища или въ фіакрѣ у своихъ друзей, или у кучера какого-нибудь знатнаго барина и укладывается на соломѣ рядомъ съ его лошадьми. Утромъ онъ еще носитъ въ волосахъ клочки своей постели. Въ хорошую погоду онъ всю ночь шагаетъ взадъ и впередъ по Елисейскимъ полямъ. Съ разсвѣтомъ онъ снова появляется въ городѣ одѣтымъ наканунѣ для завтрашняго дня, а иногда съ завтрашняго дня на всѣ остальные дни недѣли.

Я не питаю уваженія къ оригиналамъ этого рода; иные сводятъ съ ними тѣсное знакомство, даже дружбу. Разъ въ годъ, при встрѣчахъ, я останавливаю на нихъ свое вниманіе, потому что по своему характеру они рѣзко отличаются отъ другихъ людей и нарушаютъ нудное однообразіе, порождаемое нашимъ воспитаніемъ, условіями нашей общественной жизни и вошедшими въ обычай нашими приличіями. Когда одинъ изъ нихъ появляется въ обществѣ, онъ, какъ пришед-

шія въ броженіе дрожжи, выявляетъ въ каждомъ нѣкоторую долю его природной индивидуальности. Онъ расшевеливаетъ, будируетъ, заставляетъ одобрять или не соглашаться; онъ выводитъ истину наружу, даетъ возможность распознавать честныхъ людей, срываетъ маску съ плутовъ. Вотъ тогда-то человѣкъ со здоровымъ умомъ прислушивается и узнаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Я зналъ его давно. Онъ часто бывалъ въ одномъ домѣ, двери котораго открылись предъ нимъ, благодаря его дарованіямъ. Тамъ была единственная дочь; онъ поклялся отцу и матери, что женится на ней. Они пожимали плечами, смѣялись ему въ лицо, говорили, что онъ сошелъ съ ума; но я тотчасъ же замѣтилъ, что дѣло было улажено. Онъ попросилъ у меня взаймы нѣсколько экю, и я далъ ему. Онъ втерся, не знаю какъ, въ нѣсколько порядочныхъ семей, гдѣ для него всегда былъ готовъ приборъ, но подъ условіемъ, чтобы онъ безъ позволенія не открывалъ рта. Онъ молчалъ и яростно пожиралъ; онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ затруднительномъ положеніи. Если его одолѣвало желаніе нарушить условіе и онъ разѣвалъ ротъ, то при первомъ же словѣ всѣ присутствующіе начинали кричать: «Рамо!» Тогда его глаза загорались гнѣвомъ, и онъ съ еще большей яростью принимался за пищу.

Вамъ было интересно знать имя этого человѣка, теперь вы знаете его. Это—племянникъ того знаменитаго музыканта, который избавилъ насъ отъ монотоннаго церковнаго пѣнія Люлли, господствовавшаго у насъ болѣе ста лѣтъ; который написалъ столько непонятныхъ бредней и апокалипсическихъ истинъ о теоріи музыки, въ которыхъ ни онъ, ни другой кто никогда ничего не понимали; отъ котораго мы имѣемъ

нѣсколько оперъ, не лишенныхъ гармоніи, пѣвучести, безсвязныхъ идей, треску, высокихъ пареній, тріумфовъ, ударовъ копій, прославленій, сѣтованій, безконечныхъ побѣдъ, пьесъ для танцевъ, которыя будутъ жить вѣчно, и который, похоронивъ флорентинца (Люлли), будетъ похороненъ самъ итальянскими виртуозами; онъ предчувствовалъ это и потому былъ такъ мраченъ, печаленъ, сварливъ, такъ, какъ никто, даже хорошенькая женщина, вставшая съ постели съ прыщикомъ на носу, не бываетъ такъ раздражителенъ, какъ авторъ, которому грозитъ опасность утратить свою репутацію.

Онъ подходитъ ко мнѣ.

— А! вотъ и вы, г. философъ! Что вы тутъ дѣлаете въ обществѣ этихъ шелопаевъ? Ужъ и вы не тратите ли своего времени на передвиганіе деревяшекъ...

(*Подъ этимъ презрительнымъ названіемъ разумѣется игра въ шахматы или въ шашки*).

Я.—Нѣтъ, но когда я ничѣмъ не занятъ, мнѣ забавно немного посмотрѣть на тѣхъ, кто хорошо умѣетъ ихъ передвигать.

Онъ.—Въ такомъ случаѣ вамъ рѣдко приходится забавляться: кромѣ Легаля и Филидора никто ничего въ этомъ не смыслитъ.

Я.—А г. де-Бисси?

Онъ.—Этотъ, какъ игрокъ въ шахматы, то же, что м-ль Клеронъ, какъ актриса: оба они знаютъ о своей игрѣ все, чему можно научиться.

Я. — На васъ трудно угодить, я вижу, вы снисходительны только къ людямъ, достигшимъ совершенства.

Онъ.—Да, въ шахматахъ, въ шашкахъ, въ поэзіи, въ краснорѣчіи и въ другихъ подобныхъ пустякахъ.

Какая польза отъ посредственности въ этихъ предметахъ?

Я.—Не большая, согласенъ. Но для того, чтобы могъ появиться геніальный человѣкъ, надо, чтобы значительное число другихъ людей посвятило себя этимъ предметамъ. Геній—одинъ среди множества. Однако, оставимъ это. Я не видѣлся съ вами цѣлую вѣчность. Я не думаю о васъ, когда васъ не вижу, но я всегда радъ съ вами встрѣчаться. Что вы подѣлываете?

Онъ.—То же, что дѣлаете вы и всѣ другіе: то что-нибудь хорошее, то дурное, а то и вовсе ничего. Чувствовалъ голодъ и ѣлъ, когда представлялся къ тому случай. Поѣвши, чувствовалъ жажду и иногда утолялъ ее. Тѣмъ временемъ у меня росла борода и когда она выростала, сбривалъ ее.

Я.—И напрасно дѣлали: это единственная вещь, которой вамъ недостаетъ, чтобы быть мудрымъ.

Онъ.—О, да. У меня широкій морщинистый лобъ, огненный взоръ, большой носъ, толстыя щеки, черныя, густыя брови, красивый ротъ, вздернутая губа и квадратное лицо. Покройся этотъ широкій подбородокъ длинной бородой, это очень, знаете ли, не дурно выглядѣло бы въ бронзѣ или мраморѣ!

Я.—Рядомъ со статуями Цезаря, Марка Аврелія, Сократа.

Онъ.—Нѣтъ. Я предпочелъ бы быть между Діогеномъ и Фриной. Я безстыденъ, какъ первый, и охотно посѣщаю женщинъ вродѣ второй.

Я.—Здоровы ли вы?

Онъ.—Обыкновенно да, но сегодня не особенно.

Я.—Какъ! животъ у васъ, какъ у Силена, а лицо, какъ...

Онъ.—Лицо можно принять за его антагониста.

Это оттого, что дурное расположеніе духа, которое сушитъ моего дорогого дядю, повидимому, заставляетъ жирѣть его дорогого племянника.

Я.—Кстати, видите ли вы его?

Онъ.—Да, иногда на улицѣ.

Я.—Развѣ онъ ничего не дѣлаетъ для васъ?

Онъ.—Если онъ и дѣлаетъ кому-нибудь добро, то безъ вѣдома для самого себя. Это философъ въ своемъ родѣ; онъ думаетъ только о себѣ, а все прочее не стоитъ для него выѣденнаго яйца. Дочь и жена его могутъ умереть, когда угодно, лишь бы приходскіе колокола, которые будутъ звонить по случаю ихъ смерти, звучали *секундой* и *септимой*, и все будетъ хорошо. Счастливый человѣкъ, и это именно то, что я особенно цѣню въ геніальныхъ людяхъ. Они хороши только для одного дѣла, а для всего прочаго совсѣмъ не годны. Они не знаютъ, что значитъ быть гражданиномъ, отцомъ, матерью, родственникомъ, другомъ. Не худо походить на нихъ во всемъ, между нами говоря, но не надо желать, чтобы это сѣмя стало обычнымъ явленіемъ. Намъ нужны обыкновенные люди, а не геніи; нѣтъ, повѣрьте мнѣ, намъ такихъ не надо. Это они измѣняютъ обликъ земного шара, а глупость такъ всеобща и такъ всесильна даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ, что ея не передѣлаешь безъ кутерьмы. Часть того, что они придумали, упрочивается, а другая часть остается по-старому; отсюда два евангелія,—нѣчто похожее на платье арлекина. Мудрость монаха у Раблэ—истинная мудрость для его собственнаго спокойствія и для спокойствія другихъ: исполнять коекакъ свою обязанность, всегда хорошо отзываться о настоятелѣ и предоставить міръ самому себѣ. И все хорошо идетъ, потому что большинство довольно.

Если бы я зналъ исторію, я доказалъ бы вамъ, что все дурное здѣсь на землѣ всегда исходило отъ какихъ-нибудь геніальныхъ людей; но я не знаю исторіи, потому что я ничего не знаю. Чортъ меня возьми, если я когда нибудь учился чему-нибудь, и если мнѣ стало хуже оттого, что я ничему не учился. Однажды я сидѣлъ за столомъ у министра, который уменъ за четверыхъ; ну, такъ вотъ этотъ министръ ясно, какъ одинъ да одинъ—два, доказалъ, что для народовъ нѣтъ ничего полезнѣе лжи и вреднѣе истины. Я не припомню въ точности его доказательствъ, но изъ нихъ съ очевидностью вытекало, что геніальные люди отвратительны, и что если какой нибудь ребенокъ появляется на свѣтъ съ характерными на его челѣ признаками этого опаснаго дара природы, его слѣдуетъ или задушить, или выбросить на съѣденіе собакамъ.

Я.—Однако люди этого рода, такъ враждебно настроенные противъ генія, претендуютъ на обладаніе имъ.

Онъ.—По-моему, они думаютъ объ этомъ въ глубинѣ души, но, мнѣ кажется, они не осмѣлились бы высказывать этого.

Я.—Изъ скромности. Итакъ, вы воспылали ужасной ненавистью къ генію?

Онъ.—Неугасаемой.

Я.—Однако, было время, когда вы приходили въ отчаяніе отъ мысли, что вы обыкновенный человѣкъ. Вы никогда не будете счастливы, если и *за* и *противъ* будутъ одинаково огорчать васъ; вамъ слѣдовало бы принять одно какое нибудь рѣшеніе и твердо держаться его. Хотя многіе согласны съ вами, что геніальные люди бываютъ вообще странны, или что, по пословицѣ, *нѣтъ великихъ умовъ безъ маленькой доли*

глупости, однако съ этимъ нельзя согласиться, и всѣ будутъ презирать тѣ вѣка, которые не произвели геніальныхъ людей. Они будутъ дѣлать честь тѣмъ народамъ, среди которыхъ они будутъ жить; рано или поздно имъ воздвигнутъ статуи и будутъ считать ихъ за благодѣтелей человѣческаго рода. Что бы ни думалъ тотъ великій министръ, на котораго вы ссылались, я все-таки полагаю, что если ложь и можетъ быть полезной въ данный моментъ, то въ концѣ концовъ она все-таки непремѣнно окажется вредной, а что истина, напротивъ, окажется въ концѣ концовъ полезной, хотя можетъ случиться, что въ данный моментъ она приноситъ вредъ. Отсюда я готовъ сдѣлать выводъ, что геніальный человѣкъ, отвергающій всеобщее заблужденіе или настаивающій на признаніи какой-нибудь великой истины, всегда достоинъ нашего глубокаго признанія. Можетъ случиться, что такой человѣкъ станетъ жертвой предразсудковъ и законовъ; но есть два рода законовъ: одни, обязанные своимъ происхожденіемъ всеобщей, абсолютной справедливости, а другіе—случайные, черпающіе свою санкцію въ ослѣпленіи или въ стеченіи временныхъ обстоятельствъ. Эти послѣдніе покрываютъ виновнаго въ ихъ нарушеніи лишь преходящимъ позоромъ, такимъ позоромъ, который со временемъ падаетъ на судей и на народъ и никогда не сходитъ съ нихъ. Кто въ нашихъ глазахъ запятнанъ позоромъ: Сократъ или судъ, который заставилъ его выпить цикуту?

Онъ.—Что же отъ этого выигралъ Сократъ? Развѣ онъ все-таки не былъ осужденъ на смерть, не былъ лишенъ жизни? Развѣ онъ не былъ тѣмъ не менѣе безпокойнымъ гражданиномъ? Относясь съ презрѣніемъ къ дурному закону, развѣ онъ тѣмъ самымъ не по-

ощрялъ глупцовъ презирать хорошіе законы? Развѣ онъ не былъ все-таки дерзкимъ оригиналомъ и чудакомъ? Вы чуть было не сдѣлали признанія, неблагопріятнаго для геніальныхъ людей.

Я.—Послушайте, мой милый. Въ обществѣ не должно бы быть дурныхъ законовъ, и если бы въ немъ были только хорошіе законы, оно никогда не стало бы преслѣдовать геніальнаго человѣка. Я не говорилъ, что геніальность бываетъ неразрывно связана со злостью или что злость связана съ геніальностью. Глупецъ бываетъ чаще злымъ, чѣмъ геніальный человѣкъ. Если бы геніальный человѣкъ и былъ грубъ въ обращеніи, нетерпимъ, придирчивъ, невыносимъ, если бы онъ былъ даже злымъ, какой выводъ вы сдѣлали бы изъ этого?

Онъ.—Что надо утопить его.

Я.—Помягче, мой милый. Вѣдь я не возьму за образецъ вашего дядюшку. Онъ грубъ и жестокъ; онъ безчеловѣченъ и скупъ; онъ плохой отецъ, плохой мужъ, плохой дядя; но вѣдь еще вопросъ, геніальный ли онъ человѣкъ, далеко ли впередъ подвинулъ онъ свое искусство, и не забудутъ ли его произведеній чрезъ десять лѣтъ. А Расинъ? Онъ безспорно былъ геніемъ, однако, онъ не слылъ за очень хорошаго человѣка. А Вольтеръ...

Онъ.—Не наступайте такъ на меня, ибо я послѣдователенъ въ своихъ выводахъ.

Я.—Что вы предпочли бы: чтобы онъ былъ добрякомъ, слившимся со своимъ прилавкомъ, какъ Бріасонъ, или со своимъ аршиномъ, какъ Барбье; регулярно каждый годъ производилъ на свѣтъ законнаго ребенка; чтобы онъ былъ хорошимъ мужемъ, хорошимъ отцемъ, хорошимъ дядей, хорошимъ сосѣдомъ, чест-

нымъ купцомъ и ничего больше; или чтобы онъ былъ плутомъ, вѣроломнымъ, честолюбивымъ, завистливымъ, злымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ авторомъ *Андромахи*, *Британика*, *Ифигеніи*, *Федры*, *Аталіи*?

Онъ.—Для него самого, по-моему, можетъ быть, было бы гораздо лучше, если бы онъ былъ первымъ изъ этихъ двухъ людей.

Я.—Это несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ вы предполагаете.

Онъ.—А, вотъ вы какъ! Если мы скажемъ что нибудь дѣльное, по-вашему, это выходитъ у насъ случайно, какъ у сумасшедшихъ, или по вдохновенію. Будто только вы одни говорите сознательно. Нѣтъ, г. философъ, я говорю такъ же сознательно, какъ и вы.

Я.—Посмотримъ. Ну, такъ почему это было бы для него лучше?

Онъ.—Потому, что всѣ эти созданныя имъ прекрасныя вещи не принесли ему и двадцати тысячъ франковъ: но если бы онъ былъ хорошимъ торговцемъ шелковыми матеріями въ улицѣ Сенъ-Дени или Сенъ-Онорэ, оптовымъ торговцемъ колоніальными товарами или аптекаремъ съ обширнымъ кругомъ покупателей, онъ нажилъ бы огромное состояніе и, наживая его, не отказывалъ бы себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ; отъ времени до времени онъ давалъ бы по золотой монетѣ такому жалкому шуту, какъ я, за то, что я смѣшилъ бы его и при случаѣ доставлялъ бы ему хорошенькую женщину, которая развлекала бы его отъ скуки вѣчнаго сожительства съ женой; мы устраивали бы у него великолѣпные обѣды, играли бы въ крупную игру, пили бы отличныя вина, отличные ликеры, отличный кофе и устраивали бы поѣздки за городъ. Видите, я зналъ, что хотѣлъ сказать... Вы

смѣетесь?.. но дайте мнѣ досказать: онъ былъ бы лучше для окружающихъ.

Я.—Безспорно, но только при условіи, что онъ не сталъ бы дѣлать дурного употребленія изъ богатства, нажитаго дозволенной торговлей, удалилъ бы изъ своего дома всѣхъ игроковъ, паразитовъ, пошлыхъ льстецовъ, тунеядцевъ, развратныхъ бездѣльниковъ и приказалъ бы своимъ приказчикамъ отколотить палками услужливаго сводника.

Онъ.—Отколотить палками, милостивый государь! Въ благоустроенномъ городѣ никого палками не колотятъ. Вѣдь это честное ремесло: имъ занимается много даже титулованныхъ особъ. А на что же тратить деньги, если не на то, чтобы имѣть хорошій столъ, пріятное общество, хорошія вина, красивыхъ женщинъ, всевозможныя удовольствія и развлеченія? Я предпочелъ бы скорѣе быть нищимъ, чѣмъ имѣть большое состояніе и не пользоваться названными удовольствіями. Но возвратимся къ Расину. Этотъ человѣкъ былъ хорошъ только для тѣхъ, кто его не зналъ, и въ такое время, когда его не было на свѣтѣ.

Я.—Согласенъ. Однако взвѣсьте дурное и хорошее. Чрезъ тысячу лѣтъ онъ будетъ заставлять плакать, имъ будутъ восхищаться во всѣхъ странахъ земного шара; онъ будетъ внушать человѣколюбіе, состраданіе, нѣжныя чувства. Будутъ спрашивать, что онъ за человѣкъ, изъ какой страны, и будутъ завидовать Франціи. Онъ заставлялъ страдать нѣсколькихъ лицъ, которыхъ нѣтъ больше въ живыхъ, и которыя насъ почти нисколько не интересуютъ; намъ нечего бояться ни его пороковъ, ни его недостатковъ. Было бы, несомнѣнно, лучше, если бы вмѣстѣ съ талантами великаго человѣка онъ получилъ отъ природы качества

добродѣтельнаго человѣка. Это такое дерево, отъ котораго заглохло нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ по сосѣдству съ нимъ, и засохли растенія, росшія у его подножія: зато оно вознесло свою вершину до облаковъ, далеко простерло свои вѣтви, дало тѣнь всѣмъ, кто искалъ, ищетъ и будетъ искать отдохновенія подлѣ его величественнаго ствола; произвело вкуснѣйшіе плоды, которые безпрестанно возобновляются. Было бы желательно, чтобы Вольтеръ былъ надѣленъ еще нѣжностью Дюкло, чистосердечіемъ аббата Трюблэ, прямотой аббата Оливэ; но такъ какъ этого не можетъ случиться, то будемъ разсматривать вещь съ той ея стороны, которая дѣйствительно интересна; забудемъ на минуту точку, которую мы занимаемъ въ пространствѣ и во времени; окинемъ взоромъ грядущіе вѣка, самыя отдаленныя страны и еще не появившіеся на свѣтѣ народы. Подумаемъ о благѣ нашего рода, и если мы сами недостаточно великодушны, то, по крайней мѣрѣ, простимъ природѣ то, что она была болѣе благоразумна, чѣмъ мы. Если вы нальете холодной воды на голову Греза, то вмѣстѣ съ тщеславіемъ вы, можетъ быть, потушите его талантъ. Если вы сдѣлаете Вольтера менѣе чувствительнымъ къ критикѣ, онъ уже не будетъ въ состояніи проникать въ душу Меропы и не будетъ васъ трогать.

Онъ.—Но если природа столь же сильна, сколь благоразумна, то почему она не сдѣлала ихъ въ такой же мѣрѣ добрыми, въ какой она сдѣлала ихъ великими?

Я.—Но развѣ вы не замѣчаете, что подобными разсужденіями вы ниспровергаете общій порядокъ, и что если бы здѣсь все было превосходно, то ничего не было бы превосходнаго?

Онъ.—Вы правы, важно то, чтобы вы и я существовали и чтобы мы были—вы и я, а все остальное пусть идетъ, какъ можетъ. Наилучшій порядокъ, по-моему, тотъ, гдѣ есть мѣсто для меня и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до самаго совершеннаго изъ міровъ, если меня тамъ нѣтъ. Я предпочитаю существовать и даже быть несноснымъ болтуномъ, чѣмъ вовсе не существовать.

Я.—Всякій, кто думаетъ, какъ вы, и нападаетъ на существующій порядокъ, не замѣчаетъ того, что тѣмъ самымъ онъ отказывается отъ собственнаго существованія.

Онъ.—Вѣрно.

Я.—Поэтому возьмемъ вещи, какъ онѣ есть. Посмотримъ, чего онѣ намъ стоятъ, что онѣ намъ даютъ, и оставимъ такъ, какъ есть, все, съ чѣмъ мы недостаточно знакомы для того, чтобы хвалить или порицать, и что, можетъ быть, ни хорошо и ни дурно, по необходимо, какъ это думаютъ многіе честные люди.

Онъ.—Я что-то не понимаю, о чемъ вы говорите. Это, очевидно, изъ области философіи; предупреждаю васъ, что я не суюсь въ эту область. Я знаю только то, что я хотѣлъ бы быть другимъ человѣкомъ, быть, при стеченіи счастливыхъ обстоятельствъ, геніальнымъ, великимъ человѣкомъ. Да, нужно сознаться, что есть что-то такое, что подаетъ мнѣ надежду на это. Я никогда не выносилъ похвалъ имъ; они вызывали во мнѣ тайную злобу. Я завистливъ. Когда я узнаю изъ ихъ частной жизни какую-нибудь унизительную для нихъ черту, я слушаю объ этомъ съ удовольствіемъ, это сближаетъ насъ, и я легче примиряюсь со своей посредственностью. Конечно, говорю я себѣ, ты никогда бы не написалъ *Магомета*, но ты не написалъ бы и похвалы *Мопу*. Итакъ, я былъ и остаюсь не-

доволенъ тѣмъ, что я посредственность. Да, да, я посредственность и я недоволенъ этимъ. Я никогда не могъ слышать увертюру изъ «Indes galantes», никогда не могъ слышать пѣнія «Profonds abimes du Tenare, Nuit, eternelle nuit» безъ того, чтобы не сказать съ горечью себѣ: вотъ этого ты никогда не создашь. Слѣдовательно, я завидовалъ моему дядюшкѣ, и если бы у него въ портфелѣ, послѣ смерти, осталось нѣсколько красивыхъ вещей для рояля, я не постѣснялся бы выдать ихъ за свои.

Я.—Если только это васъ огорчаетъ, то не стоитъ огорчаться.

Онъ.—Это ничего, это бываетъ минутами, потомъ проходитъ.

(Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ напѣвать увертюру изъ Indes galantes и арію Profonds abimes потомъ продолжалъ)

Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ: Рамо, тебѣ очень хотѣлось бы быть авторомъ этихъ двухъ пьесъ, если бы ты могъ написать эти двѣ пьесы, ты написалъ бы еще двѣ другихъ, и когда ты написалъ бы ихъ много, ихъ стали бы повсюду разыгрывать и напѣвать. Ты сталъ бы ходить, высоко поднявъ голову, твое собственное сознаніе свидѣтельствовало бы тебѣ о твоихъ заслугахъ; другіе показывали бы на тебя пальцемъ и говорили бы: вотъ тотъ, кто написалъ красивые гавоты *(и онъ начиналъ напѣвать гавоты).*

(Потомъ съ видомъ человѣка, утопающаго въ наслажденіяхъ, и съ глазами, влажными отъ удовольствія, онъ прибавилъ, потирая себѣ руки);

У тебя былъ бы прекрасный домъ *(онъ руками обводилъ его размѣры)*, хорошая постель *(и онъ небрежно разваливался на ней)*, хорошія вина *(и онъ отвѣдывалъ ихъ, пощелкивая языкомъ)*, прекрасный экипажъ *(и онъ по-*

дымалъ ногу, чтобы войти въ него), хорошенькія женщины (*онъ протягивалъ къ нимъ руку, сладострастно поглядывая на нихъ*), сотня бездѣльниковъ ежедневно приходила бы къ тебѣ, чтобы воскуривать тебѣ фиміамъ (*и онъ воображалъ себя среди Палиссо, Пуансинэ, Фрероновъ-отца и сына, ла-Порта; онъ то выслушивалъ ихъ, принимая важный видъ, то одобрялъ ихъ, то улыбался имъ, то выказывалъ имъ презрѣніе, то прогонялъ ихъ отъ себя, то вновь призывалъ; и потомъ продолжалъ):* И вотъ по утрамъ тебѣ стали бы говорить, что ты великій человѣкъ; въ «*Трехъ столѣтіяхъ французской литературы*» ты прочелъ бы, что ты великій человѣкъ; вечеромъ ты пришелъ бы къ убѣжденію, что ты великій человѣкъ, и великій человѣкъ Рамо сталъ бы засыпать подъ сладкое журчаніе похвалъ, ласкавшихъ его слухъ; даже во время сна онъ имѣлъ бы довольный видъ; его грудь широко дышала бы, подымалась бы и опускалась бы съ легкостью, и онъ храпѣлъ бы, какъ великій человѣкъ...

(Говоря такимъ образомъ, онъ съ нѣгой опускался на скамейку, закрывая глаза, и представлялъ свой воображаемый счастливый сонъ. Насладившись нѣсколько минутъ такимъ отдохновеніемъ, онъ просыпался, протягивалъ руки, зѣвалъ, протиралъ глаза и оглядывался кругомъ, ища своихъ пошлыхъ почитателей).

Я.—Стало-быть вы думаете, что у счастливаго человѣка особый сонъ.

Онъ.—Думаю ли я, я, жалкій оборванецъ! Когда я вечеромъ возвращаюсь на свой чердакъ и зарываюсь въ свою грязную постель, я корчусь подъ своимъ одѣяломъ, грудь мою тѣснитъ и дыханіе спираетъ, я не дышу, и издаю что-то вродѣ едва слышнаго жалобнаго звука, тогда какъ иной купецъ храпитъ на всю свою квартиру и приводитъ въ изумленіе всѣхъ

своихъ сосѣдей. Но въ настоящее время меня огорчаетъ не то, что я храплю и плохо сплю, какъ бѣднякъ.

Я.—Это всетаки непріятно.

Онъ.—То, что со мной случилось, гораздо непріятнѣе.

Я.—А что такое?

Онъ.—Вы всегда принимали нѣкоторое участіе во мнѣ, потому что я добрый малый, котораго вы презираете въ глубинѣ души, но который забавляетъ васъ.

Я.—Это правда.

Онъ.—Такъ я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло.

(*Прежде, чѣмъ начать, онъ испускаетъ глубокій вздохъ, берется обѣими руками за голову, затѣмъ, принявъ спокойный видъ, говоритъ*):

— Вы знаете, что я невѣжда, дуракъ, безумецъ, нахалъ, лѣнтяй, обжора, то, что наши бургиньонцы называютъ, *отпѣтый бродяга, жуликъ*...

Я.—Какой панегирикъ!

Онъ.—Онъ вѣренъ до мельчайшихъ подробностей; слова нельзя выкинуть; не возражайте, будьте любезны. Никто не знаетъ меня лучше меня самого, и я не все еще сказалъ.

Я.—Я не хочу васъ огорчать и заранѣе согласенъ со всѣмъ.

Онъ.—Ну, такъ вотъ что: я жилъ съ людьми, которые меня полюбили именно за то, что я одаренъ всѣми этими качествами въ высшей степени.

Я.—Странно: до сихъ поръ я былъ того мнѣнія, что ихъ или скрываютъ отъ себя, или оправдываютъ чѣмъ-нибудь и презираютъ въ другихъ.

Онъ.—Скрывать отъ самого себя! Развѣ это возможно? Будьте покойны, что когда Палиссо остается наединѣ съ самимъ собою и переносится мыслями

на себя, онъ говоритъ совсѣмъ не то, что говоритъ при другихъ; будьте увѣрены, что съ глазу на глазъ со своимъ товарищемъ онъ откровенно сознается, что они оба не больше, какъ отмѣнные негодяи. Презирать ихъ въ другихъ! Люди, въ обществѣ которыхъ я жилъ, были болѣе справедливы, и, благодаря своему характеру, я имѣлъ у нихъ громадный успѣхъ; я катался, какъ сыръ въ маслѣ; меня угощали, сожалѣли, если не видѣли меня нѣсколько минутъ; я былъ для нихъ Рамочекъ, миленькій Рамо, Рамо-безумненькій, Рамо-нахалъ, невѣжда, лѣнтяй, обжора, шутъ, остолопъ. Ни одинъ изъ этихъ эпитетовъ не произносился безъ того, чтобы не награждали меня улыбкой, лаской, похлопываніемъ по плечу, шутливымъ пинкомъ, вкуснымъ кускомъ, брошеннымъ во время обѣда на мою тарелку, а послѣ обѣда какой-нибудь вольностью, которой я не придавалъ никакого значенія, такъ какъ я самъ человѣкъ безъ всякаго значенія. Изъ меня, предо мной, со мной можно дѣлать все, что угодно, и я не обижаюсь. И дождь подарковъ сыпался на меня! И все это я, песъ, потерялъ! Потерялъ все только ради того, чтобы разъ, одинъ единственный разъ въ жизни обнаружить здравый смыслъ. Ахъ, неужели это еще когда-нибудь случится!

Я.—Въ чемъ же было дѣло?

Онъ.—Рамо, Рамо! развѣ тебя для этого взяли? Какая глупость имѣть немножечко вкуса, немножечко ума, немножечко здраваго смысла. Другъ мой Рамо, это научитъ тебя оставаться такимъ, какимъ тебя создалъ Богъ и какимъ тебя желаютъ видѣть твои покровители. Вотъ тебя и взяли за плечо, указали на дверь и сказали: «вонъ, негодяй, и впредь сюда не показывайся. Вишь умникъ нашелся! Вонъ! Этихъ

качествъ и у насъ избытокъ». И ты пошелъ, грызя себѣ пальцы; тебѣ слѣдовало бы сначала отгрызть проклятый языкъ. Ты не догадался сдѣлать этого, и вотъ ты на мостовой, безъ копѣйки въ карманѣ и не знаешь, гдѣ голову преклонить. Тебя кормили на убой, а теперь тебѣ придется питаться отбросами; у тебя была прекрасная квартира, а теперь ты будешь счастливъ, если тебя пустятъ на чердакъ; у тебя была покойная постель, а теперь тебя ждетъ солома у кучера г-на Субизъ *) и твоего друга Робэ; **) вмѣсто того, чтобы наслаждаться сладкимъ и покойнымъ сномъ, ты будешь слышать теперь то ржаніе и топотъ лошадей, то въ тысячу разъ болѣе невыносимые сухіе, грубые, варварскіе стихи. Жалкое, непредусмотрительное существо, одержимое милліономъ бѣсовъ!

Я.—Но развѣ нѣтъ средства поправить дѣло? Развѣ ошибку, допущенную вами, нельзя простить? На вашемъ мѣстѣ я вернулся бы къ этимъ людямъ, вы для нихъ болѣе нужны, чѣмъ вы предполагаете.

Онъ.—О! я увѣренъ, что они скучаютъ, какъ собаки, съ тѣхъ поръ, какъ я перестаЛъ ихъ смѣшить.

Я.—Поэтому-то я и вернулся бы къ нимъ, я не позволилъ бы имъ привыкнуть обходиться безъ меня и обратиться къ какимъ-нибудь разумнымъ развлеченіямъ, ибо кто знаетъ, что можетъ случиться?

Онъ.—Этого я не боюсь, это не можетъ случиться.

Я.—Какъ бы вы ни были неподражаемы, другой кто нибудь можетъ замѣнить васъ.

Онъ.—Трудновато.

---

*) Его конюшня служила убѣжищемъ для несчастныхъ писателей и артистовъ. (*Пер.*).

**) Плодовитый, но посредственный поэтъ. (*Пер.*).

Я.—Согласенъ, всетаки я пошелъ бы къ нимъ съ этимъ изможденнымъ лицомъ, съ этими блуждающими взорами, съ этой обнаженной шеей, съ этими всклокоченными волосами, въ этомъ по-истинѣ трагическомъ состояніи, въ которомъ вы теперь находитесь. Я упалъ бы ницъ предъ моимъ божествомъ и, не поднимаясь, сказалъ бы глухимъ ,прерываемымъ рыданіями, голосомъ: «Простите меня, милостивая государыня! Простите! Я низкій, подлый человѣкъ. То было одно несчастное мгновеніе, вѣдь вы хорошо знаете, что мнѣ не къ лицу имѣть здравый смыслъ, и я обѣщаю никогда во всю мою жизнь не имѣть его».

(*Забавно то, что въ то время, какъ я произносилъ эти слова, онъ изображалъ ихъ пантомимой: палъ ницъ, прильнулъ лицомъ къ полу, точно обнимая обѣими руками носокъ туфли, плакалъ, рыдалъ и говорилъ: «Да, моя маленькая королева, да, обѣщаю, не буду имѣть во всю мою жизнь, во всю мою жизнь...» Потомъ, вдругъ вскочивъ, онъ серьезно и задумчиво произнесъ*):

Онъ.—Да, вы правы. Я вижу, что такъ будетъ лучше. Она добрая женщина. Г. Вьейаръ говоритъ, что она такъ добра! Я тоже немного знаю, что она добрая. Однако, идти унижаться предъ потаскушкой, молить о пощадѣ у ногъ ничтожной фиглярки, предъ которой не смолкаютъ свистки партера! Я—Рамо, сынъ дижонскаго аптекаря Рамо, который былъ честнымъ человѣкомъ и никогда ни предъ кѣмъ не преклонялъ колѣнъ! Я—Рамо, котораго вы видите на прогулкѣ въ Пале-Ройялѣ идущимъ прямо и съ руками наружи, хотя г. Кармонтель нарисовалъ*) меня согбеннымъ и съ руками въ карманахъ! Я—авторъ пьесъ для фортепьяно, которыхъ никто не играетъ, но которыя, можетъ быть, однѣ перейдутъ въ потомство,

*) Нарисованъ былъ дядя Рамо. *Пер.*

которое будетъ ихъ играть. И я, я пойду туда!.. Нѣтъ-съ, милостивый государь, этому не бывать (*и положивъ правую руку на грудь, онъ продолжалъ*): я чувствую, что-то во мнѣ поднимается здѣсь и говоритъ мнѣ: Рамо, ты этого не сдѣлаешь. Природѣ человѣка, должно быть, присуще чувство нѣкотораго достоинства, и его ничѣмъ не заглушишь. Оно пробуждается ни съ того ни съ сего, да, ни съ того ни съ сего; но бываютъ въ другой разъ такіе моменты, когда мнѣ ничего не стоитъ сдѣлать какую вамъ угодно подлость; вотъ теперь за грошъ я поцѣловалъ бы з... у маленькой Юсъ.

Я.—Ну, что же, она, другъ мой, бѣленькая, красивенькая, пухленькая, и для такого весьма прихотливаго человѣка, какъ вы, можно было бы иногда снизойти до такого унизительнаго акта.

Онъ.—Объяснимся; можно цѣловать з... въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Спросите объ этомъ у толстяка Бержье, *) который цѣлуетъ з... у г-жи Ламаркъ **) въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Я же, клянусь вамъ, одинаково противъ этого и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ.

Я.—Если вамъ не нравится способъ, который я указываю, имѣйте мужество оставаться нищимъ.

Онъ.—Тяжело быть нищимъ, когда кругомъ столько богатыхъ глупцовъ, на счетъ которыхъ можно жить. Да сверхъ того невыносимо презрѣніе къ самому себѣ.

Я.—Развѣ вамъ знакомо это чувство?

Онъ.—Еще бы! Сколько разъ я говорилъ самому себѣ: какъ могло случиться, Рамо, что въ Парижѣ есть десять тысячъ прекрасныхъ обѣденныхъ столовъ, по 15 или 20 приборовъ на каждомъ, и изъ нихъ нѣтъ ни

---

*) Цензоръ театральныхъ пьесъ. *Пер.*

**) Способствовала постановкѣ комедіи: «Философы». *Пер.*

одного для тебя! Есть кошельки, набитые золотомъ, льющимся направо и налѣво, и ни одна монета не попадаетъ тебѣ! Тысячи краснобаевъ безъ всякаго таланта и безъ всякихъ достоинствъ; тысячи низкихъ созданій безъ всякихъ прелестей, тысячи подлыхъ, пошлыхъ интригановъ—и всѣ хорошо одѣты, а ты ходишь оборванцемъ! Развѣ можно быть до такой степени дуракомъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы льстить не хуже другихъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы лгать, клясться и нарушать клятву, обѣщать и исполнять или нарушать обѣщанія не хуже другихъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы ползать на четверенькахъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы содѣйствовать любовной интрижкѣ барыни и относить любовныя записки барина? Развѣ ты не сумѣлъ бы не хуже всякаго другого подбодрить молодого человѣка заговорить съ барышней, а барышню убѣдить послушать его? Развѣ ты не сумѣлъ бы внушить дочери одного изъ нашихъ буржуа, что она дурно одѣта, что она была бы восхитительна въ хорошихъ серьгахъ, съ румянами на лицѣ, въ кружевахъ или въ платьѣ à la polonaise? Что ея маленькія ножки не приспособлены къ тому, чтобы ходить пѣшкомъ по улицѣ? Что есть красивый господинъ, молодой и богатый, у котораго платье съ золотымъ шитьемъ, великолѣпный экипажъ и шесть длинныхъ лакеевъ, что этотъ господинъ видѣлъ ее мимоходомъ, нашелъ ее восхитительной и съ того времени не пьетъ, и не ѣстъ, и не спитъ, и кончитъ тѣмъ, что умретъ?

— «А папа?

—«Папа, сначала онъ будетъ немножко недоволенъ.

—«А мама? она такъ внушаетъ мнѣ быть честной дѣвочкой и говоритъ, что въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего выше чести!

— «Старыя, безсмысленныя сказки.

— «А исповѣдникъ?

— «Вы не увидите его больше, или, если вы настаиваете на вашей прихоти пойти и разсказать ему исторію своихъ забавныхъ приключеній, это будетъ вамъ стоить нѣсколькихъ фунтовъ сахару и кофе.

— «Онъ строгій господинъ; одинъ разъ онъ отказалъ мнѣ отпустить грѣхи за то, что я пѣла: «*Приди въ мою обитель*».

— «Это потому, что у васъ нечего было дать ему, но когда вы появитесь предъ нимъ въ кружевахъ...

— «А у меня будутъ кружева?

— «Конечно, и всевозможныхъ сортовъ.. да въ бриліантовыхъ серьгахъ...

— «А у меня будутъ бриліантовыя серьги?

— «Да.

— «Какъ у той маркизы, которая иногда приходитъ къ намъ въ магазинъ покупать перчатки?

— «Точно такія... да въ прекрасномъ экипажѣ, на сѣрыхъ съ яблоками лошадяхъ, съ лакеями, съ маленькимъ негромъ...

— «На балъ?

— «На балъ, въ Оперу, въ Комедію... (*сердце у нея уже сжимается отъ радости... въ рукахъ у тебя клочекъ бумаги*).

— «Это что такое у васъ?

— «Ничего.

— «А мнѣ кажется, что-то есть у васъ.

— «Это записка.

— «А для кого?

— «Для васъ. Если бы вы были немножко любопытны. ..

— «Любопытна? я очень любопытна, посмотримъ... (читаетъ). Свиданіе! Это невозможно.

- «По дорогѣ въ церковь....

— «Я хожу всегда съ мамой; но если бы онъ пришелъ сюда утромъ, я встала бы раньше всѣхъ и пошла бы въ магазинъ»...

Онъ приходитъ, нравится. Въ одинъ прекрасный день дѣвочка исчезаетъ, и мнѣ отсчитываютъ мои двѣ тысячи золотыхъ... Что же это! У тебя такой талантъ, и ты сидишь безъ куска хлѣба. Не стыдно тебѣ, несчастный?.. Я вспоминалъ о массѣ негодяевъ, которымъ было далеко до меня, и они утопали въ богатствѣ. Я ходилъ въ сюртучкѣ изъ грубой матеріи, а они —въ бархатѣ, опираясь на трость съ золотымъ набалдашникомъ, съ дорогими перстнями на пальцахъ. Что же это были за люди? Жалкіе музыкантишки, а теперь они господа! Тогда я чувствовалъ въ себѣ бодрость, возвышенную душу, проницательный умъ и былъ способенъ на все. Но это счастливое настроеніе, должно быть, не долго владѣло мной, ибо и до сего времени я не выбился на дорогу. Какъ бы то ни было, но вотъ вамъ содержаніе моихъ частыхъ собесѣдованій съ самимъ собой, которыя вы можете перетолковывать, какъ вамъ угодно, лишь бы было для васъ ясно, что мнѣ знакомы презрѣніе къ самому себѣ или тѣ угрызенія совѣсти, которыя возникаютъ изъ сознанія безполезности дарованій, ниспосланныхъ намъ небомъ. Это самыя жестокія изъ всѣхъ страданій. Пожалуй, лучше было бы совсѣмъ не родиться.

(Я слушалъ его, и въ то время, какъ онъ изображалъ сцену совращенія молодой дѣвушки, во мнѣ боролись два противоположныхъ чувства: мнѣ хотѣлось и смѣяться, и негодовать; я не зналъ, какому чувству отдаться. Положеніе мое было очень затруднительное: двадцать разъ

порывы гнѣва заглушали во мнѣ желаніе расхохотаться двадцать разъ порывы гнѣва, поднимавшагося въ моей душѣ, уступали мѣсто взрывамъ хохота. Такая проницательность на ряду съ такой низостью, такія идеи то вѣрныя, то ложныя, такая полная развращенность чувствъ, такая безконечная гнусность и совершенно необычная откровенность окончательно сбивали меня съ толку. Онъ замѣтилъ, что во мнѣ происходитъ борьба, и сказалъ):

— Что съ вами?

Я. — Ничего.

Онъ. — Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы!

Я. — Да.

Онъ. — Что же, наконецъ, вы мнѣ посовѣтуете?

Я. — Измѣнить разговоръ. Ахъ, несчастный, до какой низости вы дошли!

Онъ. — Я съ этимъ согласенъ. Однако, вы не слишкомъ печальтесь по поводу моего положенія; открывая вамъ свою душу, я вовсе не имѣлъ намѣренія огорчать васъ. Живя среди этихъ людей, я сдѣлалъ кое-какія сбереженія. Подумайте, вѣдь я не производилъ никакихъ тратъ, рѣшительно никакихъ, а мнѣ много давали денегъ на разные мелкіе расходы.

(Онъ началъ бить себя по лбу кулакомъ, кусать себѣ губы и закатывать глаза къ потолку, говоря: Но это дѣло уже конченное. Я отложилъ кое-что; время протекло, а это то же, что прибыль).

Я. — Вы хотите сказать: убытокъ.

Онъ. — Нѣтъ, нѣтъ, прибыль. Люди обогащаются съ каждымъ днемъ: однимъ днемъ жить меньше или пріобрѣсть лишній золотой—одно и то же... Въ послѣдній моментъ всѣ одинаково богаты: и Самуилъ Бернаръ, который оставляетъ послѣ себя 27 милліоновъ золотомъ, пріобрѣтенныхъ воровствомъ, грабительствомъ и банкротствами, и Рамо, послѣ котораго ничего не останется,—Рамо, которому благотворители

дадуть кусокъ холста, чтобы завернуть его трупъ. Мертвый не слышитъ звона колоколовъ; тщетно сотня поповъ надрываетъ себѣ глотку ради него, впереди и сзади шествуетъ длинная вереница пылающихъ факеловъ,—душа его не идетъ рядомъ съ церемоніймейстеромъ погребальной процессіи. Не все ли равно, гнить подъ мраморной доской или подъ землей. Не все ли равно, что вокругъ гроба будутъ стоять дѣти, одѣтыя въ красныя платья, или дѣти, одѣтыя въ голубыя платья, или никто не будетъ стоять? А вотъ эту кисть вы видите, она была неподатлива, какъ чортъ; эти десять пальцевъ были какъ палки, воткнутыя въ деревянную пясть, а эти сухія жилы были точно кишечныя струны, болѣе сухія, болѣе тугія и менѣе гибкія, чѣмъ тѣ, которыя бываютъ въ употребленіи на колесѣ у токаря. Такъ ты не хочешь гнуться, а я тебѣ говорю,—чортъ возьми!—что ты согнешься, и это такъ и будетъ...

(При этомъ онъ схватилъ правой рукой пальцы и кисть лѣвой и сталъ сгибать ихъ то внизъ, то вверхъ; концы пальцевъ дотрагивались до руки, суставы ихъ хрустѣли; я боялся, что онъ вывихнетъ ихъ).

Я. — Осторожнѣе, искалѣчитесь.

Онъ. — Не бойтесь, они привыкли къ этому, десять лѣтъ они работали иначе: волей или неволей, а имъ пришлось привыкнуть и пріучиться бѣгать по клавишамъ и перебирать струны, зато теперь они ходятъ свободно, да, свободно...

(Въ то же время онъ принимаетъ позу человѣка, играющаго на скрипкѣ, напѣваетъ въ полголоса какое-то allegro изъ Локателли, правой рукой подражаетъ движенію смычка, лѣвой рукой и пальцами ея точно бѣгаетъ вдоль рукоятки; если ему случается взять фальшивую ноту, онъ останавливается, натягиваетъ или спускаетъ струну, про-

буетъ ногтемъ, настроена ли она въ тонъ, и затѣмъ продолжаетъ пьесу съ того мѣста, гдѣ онъ остановился; выбиваетъ ногой тактъ, качаетъ головой, машетъ руками, работаетъ ногами и всѣмъ корпусомъ, точно такъ же, какъ вы, вѣроятно, видѣли, на духовномъ концертѣ Феррари или Шіабро, или какъ какой-нибудь другой виртуозъ продѣлываетъ такія же конвульсивныя движенія, которыя представляются мнѣ столь же мучительными и производятъ на меня почти такое же непріятное впечатлѣніе; вѣдь, неправда ли, тяжело смотрѣть, какъ терзается человѣкъ, старающійся доставить вамъ удовольствіе? Опустите занавѣсъ между мной и этимъ человѣкомъ и скройте его отъ меня, если онъ представляетъ изъ себя мученика, который подвергается пыткѣ. Когда среди этихъ волненій и возгласовъ дѣло доходило до одного изъ такихъ гармоническихъ пассажей, при исполненіи которыхъ смычекъ медленно двигался заразъ по нѣсколькимъ струнамъ, его лицо принимало выраженіе восторженности, голосъ его становился болѣе нѣжнымъ, и онъ съ упоеніемъ слушалъ самого себя; онъ былъ увѣренъ, что аккорды раздавались и въ его, и въ моихъ ушахъ; затѣмъ, положивъ свой инструментъ подъ свою лѣвую руку той самой рукой, которой онъ его держалъ, и опустивъ правую руку со смычкомъ, онъ сказалъ):

— Ну, какъ вы находите?

Я. — Превосходно!

Онъ. — Мнѣ кажется, недурно; звучитъ почти такъ же, какъ у другихъ...

(Вслѣдъ затѣмъ онъ сѣлъ, какъ садится музыкантъ, чтобы играть на фортепьяно).

Я. — Я прошу васъ быть сострадательнымъ къ себѣ и ко мнѣ.

Онъ. — Нѣтъ, нѣтъ: разъ я поймалъ васъ, вы должны меня послушать. Я не хочу, чтобы меня хвалили, не зная, за что. Вы будете отзываться обо мнѣ съ большей увѣренностью, а это будетъ стоить мнѣ новыхъ учениковъ.

Я. — Я такъ рѣдко бываю въ обществѣ,—боюсь, что вы будете утомлять себя напрасно.

Онъ.—Я никогда не утомляюсь.

(Видя, что было бы безполезно уговаривать его, хотя онъ обливался потомъ отъ исполненія сонаты на скрипкѣ, я предоставилъ ему полную свободу дѣйствій. И вотъ онъ усѣлся за фортепьяно, согнулъ колѣни, закинулъ голову къ потолку, гдѣ онъ будто бы читалъ партитуру, напѣвалъ что-то, бралъ предварительные аккорды, исполнялъ какую-то Альберти или Галуппи, не знаю хорошенько, какого изъ этихъ двухъ композиторовъ. Его голосъ разносился , какъ вѣтеръ, и пальцы бѣгали по воображаемымъ клавишамъ. На лицѣ одни чувства смѣнялись другими: на немъ изображались то нѣжность, то гнѣвъ, то удовольствіе, то горесть; вы чувствовали, когда было forte и когда было piano, и я увѣренъ, что человѣкъ, болѣе меня свѣдущій въ музыкѣ, узналъ бы арію по движенію, по характеру исполненія, по его жестамъ и по нѣкоторымъ звукамъ, иногда вырывавшимся изъ его устъ. Но всего забавнѣе было то, что по временамъ онъ будто бы сбивался, начиналъ сызнова и выражалъ досаду, что пальцы разыгрываютъ не ту пьесу).

— Вы видите теперь, сказалъ онъ, вставая и вытирая потъ, каплями катившійся съ его лица, что мы также умѣемъ прибѣгать къ терціямъ и квинтамъ, и что намъ хорошо извѣстно все, что относится къ верхней квинтѣ тоники. Тѣ энгармоническіе пассажи, по поводу которыхъ дорогой дядюшка надѣлалъ столько шуму, не большая премудрость,—мы также справляемся съ ними.

Я. — Вы задали себѣ большую работу, чтобы доказать, что вы очень искусны въ музыкѣ; я повѣрилъ бы вамъ на слово.

Онъ.—Очень искусенъ! о, нѣтъ! Такъ кое-что знаю въ своемъ ремеслѣ, и это больше чѣмъ нужно: развѣ въ этой странѣ нужно знать то, чему учишь?

Я. — Не больше, чѣмъ сколько необходимо знать то, чему учишься.

Онъ. — Вѣрно, совершенно вѣрно, чортъ возьми! Ну, скажите откровенно, положа руку на сердце, г. философъ, вѣдь было время, когда вы не были въ такомъ достаткѣ, какъ теперь.

Я. — Я и теперь не богатъ.

Онъ. — Но вы не пошли бы больше въ лѣтнюю пору въ Люксембургскій садъ... Помните?

Я. — Оставимъ это; да, помню.

Онъ. — Въ сѣромъ плисовомъ сюртукѣ...

Я. — Да, да.

Онъ. — Вытертомъ съ одной стороны, съ разорваннымъ рукавомъ, въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ, заштопанныхъ сзади бѣлыми нитками.

Я. — Да, да,—все, что угодно.

Онъ. — Что вы подѣлывали тогда въ Аллеѣ Вздоховъ?

Я. — Представлялъ довольно жалкую фигуру.

Онъ. — По выходѣ оттуда шатались по мостовой...

Я. — Такъ.

Оеъ. — Давали уроки математики...

Я. — Ничего не понимая въ ней; этого признанія вы хотѣли отъ меня, не правда ли?

Онъ. — Именно.

Я. — Показывая другимъ, я самъ учился, и мнѣ удалось обучить нѣсколько хорошихъ учениковъ.

Онъ. — Возможно, но музыка не то, что алгебра или геометрія. Теперь, когда вы сдѣлались важнымъ господиномъ...

Я. — Не очень-то важнымъ.

Онъ! — Когда вашъ кошелекъ туго набитъ...

Я. — Вовсе не туго.

Онъ. — Вы берете учителей для своей дочери,

Я.—Нѣтъ еще; ея воспитаніемъ занимается мать, потому что необходимо сохранять миръ въ семьѣ.

Онъ.—Миръ въ семьѣ? чортъ возьми! Для сохраненія мира нужно быть или слугой, или господиномъ, но лучше быть господиномъ... У меня тоже была жена... Богу угодно было взять къ себѣ ея душу. Когда ей случалось огрызаться на меня, я поднимался на дыбы, металъ громы, говорилъ словами Создателя: «Да будетъ свѣтъ!»—и появлялся свѣтъ. Зато за четыре года не было и десяти разъ, чтобы одинъ изъ насъ заговорилъ громче другого. Сколько лѣтъ вашему ребенку?

Я.—Это къ дѣлу не относится.

Онъ.—Сколько лѣтъ вашему ребенку?

Я.—Чортъ возьми! оставимъ въ покоѣ моего ребенка и его возрастъ и поговоримъ о томъ, кто будетъ его наставникомъ.

Онъ.—Клянусь Богомъ! Я не знаю людей болѣе упрямыхъ, чѣмъ философы. Покорнѣйше прошу, нельзя ли мнѣ узнать отъ г. философа, сколько приблизительно лѣтъ его дочкѣ?

Я.—Предположите, что восемь.

Онъ.—Восемь лѣтъ! Уже четыре года, какъ ей слѣдовало бы держать пальцы на клавишахъ.

Я.—Но, м. б., я и не желаю, чтобы въ планъ ея воспитанія входилъ предметъ, который отнимаетъ такъ много времени и такъ мало приноситъ пользы.

Онъ.—А чему же вы будете учить ее?

Я.—Правильно разсуждать, если только я смогу научить этому,—вещи, рѣдко встрѣчающейся у мужчинъ и еще рѣже у женщинъ.

Онъ.—Эхъ! пусть она судитъ вкривь и вкось,

какъ ей угодно, лишь бы она была красива, забавна и кокетлива.

Я.—Такъ какъ природа была настолько къ ней неблагосклонна, что надѣлила ее нѣжнымъ организмомъ съ чувствительной душой и обрекла ее на такія житейскія невзгоды, которыя требуютъ крѣпкаго сложенія и желѣзнаго сердца, то я постараюсь, если смогу, научить ее переносить эти невзгоды съ мужествомъ.

Онъ.—Эхъ! пусть она плачетъ, страдаетъ, жеманится, имѣетъ разстроенные, какъ у другихъ, нервы лишь бы она была красива, забавна и кокетлива. И танцамъ не будете учить?.

Я.—Не больше, чѣмъ нужно для того, чтобы дѣлать реверансъ, держать себя прилично, умѣть представиться и имѣть красивую походку.

Онъ.—И пѣнію не будете учить?

Я.—Не больше, чѣмъ нужно для того, чтобы отчетливо произносить слова.

Онъ.—И музыкѣ не будете учить?

Я.—Если бы нашелся хорошій учитель музыки, я охотно бы пригласилъ его заниматься съ нею по два часа въ день въ продолженіе одного или двухъ лѣтъ, не больше.

Онъ.—А на мѣсто этихъ важныхъ предметовъ, которые вы исключаете?

Я.—Я ставлю грамматику, мифологію, исторію, географію, немного рисованія и много нравоученій.

Онъ.—Мнѣ было бы не трудно доказать вамъ безполезность всѣхъ этихъ знаній въ обществѣ, подобномъ нашему—что я говорю: безполезность! м. б. даже: вредъ!—но я ограничусь пока однимъ вопросомъ: не потребуется ли для нея нѣсколько наставниковъ?

Я.—Несомнѣнно.

Онъ.—А, вотъ въ этомъ-то и суть. Неужели вы думаете, что всѣ эти наставники будутъ знать грамматику, мифологію, исторію, географію, мораль, которыя они будутъ ей преподавать? Басни, мой дорогой учитель, басни! Если бы они знали эти предметы такъ хорошо, что могли бы преподавать, то они не преподавали бы ихъ.

Я.—А почему?

Онъ.—Потому что они провели бы въ изученіи ихъ всю жизнь. Необходимо глубокое проникновеніе въ искусства или науки для того, чтобы постигнуть основныя начала ихъ. Классическія произведенія могутъ быть написаны только тѣми, кто посѣдѣлъ въ работѣ надъ ними, вѣдь только середина и конецъ разсѣиваютъ сумерки начинаній. Спросите у вашего друга, г. Д'Аламбера, корифея математики, въ состояніи ли онъ изложить основныя начала ея. Только послѣ 30 или 40 лѣтъ практики мой дядюшка увидѣлъ первые проблески теоріи музыки.

Я.—О, сумасбродъ, архи-сумасбродъ! какъ въ твоей нелѣпой головѣ умѣщается столько вѣрныхъ идей въ перемежку со столькими нелѣпостями?

Онъ.—Кто можетъ знать это? Случайность заноситъ ихъ въ голову, и онѣ остаются тамъ. Дѣло въ томъ, что когда не знаешь всего, то не знаешь ничего, какъ слѣдуетъ: не знаешь, куда вещь ведетъ, откуда она приходитъ, гдѣ та или другая должна быть помѣщена, какая изъ нихъ должна идти впереди, которая будетъ лучше на второмъ мѣстѣ. Развѣ можно преподавать безъ метода? А откуда берется методъ? Признаюсь вамъ, мой милый философъ, что, по-моему, физика навсегда останется жалкой наукой, всегда

будетъ каплей воды, взятой на кончикъ иголки изъ обширнаго океана, песчинкой, оторвавшейся отъ цѣпи Альпъ! А причины явленій? Право, лучше ничего не знать, чѣмъ знать такъ мало и такъ плохо. Вотъ, именно, такого правила я и придерживался, когда началъ давать уроки музыки? О чемъ вы задумались?

Я.—Я думаю о томъ, что все вами только что сказанное не столь правильно, сколь оригинально, но оставимъ это. Вы говорите, что вы преподавали музыку и композицію?

Онъ.—Да.

Я.—И вы ничего не понимали въ этомъ дѣлѣ?

Онъ.—Совершенно ничего; потому то и были преподаватели еще хуже, чѣмъ я, именно, тѣ, которые воображали, что они знаютъ что-нибудь. Я, по крайней мѣрѣ, не портилъ ни вкуса, ни рукъ дѣтей. Не научаясь ничему отъ меня, они при переходѣ къ хорошему преподавателю, по крайней мѣрѣ, не должны были разучиваться, а это было то же, что сбереженіе и денегъ, и времени.

Я.—Какъ же вы дѣлали?

Онъ.—Какъ всѣ. Приходилъ, разваливался на креслѣ. «Какая скверная погода! Какъ утомительно ходить по мостовой!» Болталъ о новостяхъ дня: «М-ль Лемьеръ должна была исполнять роль весталки въ новой оперѣ, но она вторично забеременѣла; неизвѣстно, кто замѣнитъ ее. М-ль Арну только что бросила своего графчика: говорятъ, что она ведетъ переговоры съ Бартеномъ... Бѣдная Дюмениль ужъ болѣе не понимаетъ ни того, что она говоритъ, ни того, что она дѣлаетъ... Ну-съ, М-ль, возьмите-ка вашу книгу». Пока м-ль не спѣша разыскиваетъ затерявшуюся книгу, пока зовутъ горничную и бранятъ ее, я

продолжаю: «Клеронъ по-истинѣ неподражаема. Говорятъ о какомъ-то весьма нелѣпомъ бракѣ, о бракѣ м-ли... какъ зовете вы это маленькое существо, которое было на содержаніи у стольких.?..

—«Полноте, Рамо, вы врете: этого не можетъ быть».

—«Вовсе не вру: увѣряю, что все уже кончено...»

Носится слухъ, что Вольтеръ умеръ: тѣмъ лучше.

—«А почему тѣмъ лучше?

—«Это значитъ, что онъ собирается позабавить насъ: у него обыкновеніе умирать за двѣ недѣли предъ этимъ...»

— Что сказать вамъ еще? Я разсказывалъ какой-нибудь вздоръ, вынесенный изъ семейныхъ домовъ, гдѣ я бывалъ, потому что мы всѣ большіе сплетники; разыгрывалъ роль шута; меня слушали, смѣялись и восклицали; «Онъ всегда забавенъ!» Тѣмъ временемъ книгу м-ль находили гдѣ-нибудь подъ стуломъ, гдѣ ее трепала и рвала въ клочки собаченка или кошка. Ученица садится за фортепьяно; сначала она барабанитъ на немъ одна, потомъ я подхожу къ ней, сдѣлавъ знакъ одобренія матери.

«Идетъ не дурно», говоритъ мнѣ мать, «стоитъ только ей захотѣть, но она не хочетъ; она предпочитаетъ тратить время въ болтовнѣ, въ занятіяхъ тряпками, въ бѣготнѣ и не знаю въ чемъ. Стоитъ только вамъ уйти, какъ книга закрывается, и раскрывается только къ вашему приходу, и вы никогда не браните ее».

Однако, нужно же было что-нибудь дѣлать: я бралъ ее за руки и клалъ ихъ на клавиши какъ-нибудь иначе, выражалъ досаду, кричалъ; sol, sol, sol, м-ль, это—sol.

Мать: «Гдѣ-же у васъ уши, м-ль? Я не сижу за

фортепьяно и не вижу вашей тетради, а всетаки чувствую, что здѣсь долженъ быть sol; вы безконечно затрудняете преподавателя; я удивляюсь его терпѣнію: вы ничего не запоминаете и не дѣлаете никакихъ успѣховъ...»

Тогда я понижалъ немного голосъ и, покачивая головой, говорилъ: «Извините меня, мадамъ, но такъ всетаки не дурно; могло бы идти лучше, если бы м-ль этого хотѣла и хоть немного прилагала старанія».

Мать. «На вашемъ мѣстѣ я держала бы ее цѣлый годъ на одной пьесѣ.

—«О, она останется на этой пьесѣ, пока не преодолѣетъ всѣхъ трудностей, но этого придется не такъ долго ждать, какъ вы думаете.

—«Вы льстите ей, г. Рамо, вы слишкомъ добры. Изъ всего урока она запомнитъ только эти слова и будетъ при случаѣ мнѣ ихъ повторять...»

Часъ кончался, моя ученица подавала мнѣ билетикъ съ той граціей въ движеніяхъ, которой научилъ ее танцмейстеръ; я опускалъ его въ карманъ, а мать говорила: «Очень хорошо, м-ль; если бы Фавійе былъ здѣсь, онъ аплодировалъ бы вамъ...» Я болталъ изъ приличія еще нѣсколько минутъ и исчезалъ. Вотъ что называлось тогда урокомъ музыки.

Я.—А теперь развѣ иначе?

Онъ.—Еще бы! Теперь я прихожу; у меня серьезный видъ; торопливо заворачиваю манжеты, открываю фортепьяно, пробѣгаю по клавишамъ. Я всегда спѣшу; если меня задерживаютъ на одну минуту, я кричу, словно лѣзутъ ко мнѣ въ карманъ за экю; черезъ часъ мнѣ нужно быть тамъ-то, черезъ два часа—у герцогини такой-то; у прелестной маркизы такой-то меня

ждутъ къ обѣду, а отъ нея я отправляюсь на концертъ къ барону Багъ.

Я.—А, на самомъ дѣлѣ, васъ нигдѣ не ждутъ?

Онъ.—Конечно.

Я.—Зачѣмъ же прибѣгать къ такимъ мелкимъ унизительнымъ уловкамъ?

Онъ.—Унизительнымъ? А почему онѣ унизительны? Онѣ обычны для людей моего круга; я не унижаю себя, дѣлая то же, что другіе дѣлаютъ. Не я ихъ выдумалъ, и было бы странно и неблагоразумно съ моей стороны не прибѣгать къ нимъ. Конечно, я хорошо знаю, что если вы будете примѣнять къ данному случаю нѣкоторые общіе принципы какой-то тамъ морали, которые у всѣхъ на устахъ, но которыхъ никто не придерживается на практикѣ, то окажется бѣлымъ то, что черно, и чернымъ то, что бѣло. Но, г. философъ, существуетъ вѣдь всеобщая совѣсть точно такъ, какъ существуетъ всеобщая грамматика и, сверхъ того, въ каждомъ языкѣ существуютъ исключенія, которыя называются у ученыхъ людей... да помогите же мнѣ... какъ они называются...

Я.—*Идіотизмами.*

Онъ.—Совершенно вѣрно. Ну, такъ вотъ каждому общественному положенію присущи свои исключенія изъ всеобщей совѣсти, которыя я охотно назвалъ бы *идіотизмами* ремесла.

Я.—Понимаю. Фонтенелль, напр., говоритъ хорошо, пишетъ хорошо, хотя его стиль кишитъ французскими *идіотизмами.*

Онъ.—А государи, министры, финансисты, судьи, военные, литераторы, адвокаты, прокуроры, коммерсанты, банкиры, ремесленники, учителя пѣнія, учителя танцевъ,—все это очень честные люди, хотя

ихъ образъ дѣйствій во многихъ отношеніяхъ отступаетъ отъ общей совѣсти и полонъ нравственныхъ идіотизмовъ. Чѣмъ древнѣе существующія учрежденія, тѣмъ больше идіотизмовъ; чѣмъ несчастнѣе времена, тѣмъ болѣе размножаются идіотизмы. Каковъ человѣкъ, таково и ремесло, и, наоборотъ, бываетъ и такъ въ концѣ концовъ, что каково ремесло, таковъ и человѣкъ. Потому то каждый и старается, сколь возможно, возвысить свое ремесло.

Я.—Изъ всей этой путаницы для меня ясно только то, что мало ремеслъ, которыми честно занимаются, или мало людей, честныхъ въ своемъ ремеслѣ.

Онъ. — Такъ; ихъ вовсе нѣтъ; но зато мало такихъ мошенниковъ, которые не сидѣли бы въ своей лавкѣ; все шло бы довольно хорошо, если бы не было опредѣленнаго числа такихъ людей, которыхъ называютъ усидчивыми, аккуратными, строго исполняющими свои обязанности, точными, или, что то же, сидящими всегда въ своей лавкѣ и съ утра до вечера занимающимися своимъ ремесломъ и ничѣмъ другимъ не занимающимися. Зато они одни и богатѣютъ, они одни и въ почетѣ.

Я. — Въ силу идіотизмовъ.

Онъ. — Да. Я вижу: вы меня поняли. Итакъ, идіотизмъ присущъ почти всѣмъ общественнымъ положеніямъ, ибо есть идіотизмы, присущіе всѣмъ странамъ во всѣ времена, какъ есть присущія всѣмъ глупости; такой присущій всѣмъ идіотизмъ заключается въ томъ, чтобы пріобрѣсти, насколько возможно, самую обширную практику, а присущая всѣмъ глупость заключается въ томъ, чтобы думать, что самый искусный человѣкъ тотъ, у кого самая обширная практика. Таковы эти два исключенія изъ всеобщей

совѣсти, предъ которыми необходимо склоняться. Это нѣчто вродѣ кредита и само по себѣ ничего не стоитъ, но, благодаря общественному мнѣнію, пріобрѣтаетъ цѣну. Говорятъ, что хорошая репутація дороже золотого пояса, но тотъ, у кого хорошая репутація, не имѣетъ золотого пояса, и я вижу, что въ наше время тотъ, у кого есть золотой поясъ, едва ли нуждается въ хорошей репутаціи. Необходимо, поскольку возможно, имѣть и репутацію, и золотой поясъ; это я и имѣю въ виду, когда стараюсь поднять себя въ глазахъ другихъ съ помощью того, что вы называете унизительными и недостойными мелкими уловками. Я даю урокъ и даю его хорошо,—это общее правило; я стараюсь увѣрить, что у меня много уроковъ и что дня не хватило бы на нихъ,—въ этомъ заключается идіотизмъ.

Я — А уроки вы хорошо даете?

Онъ. — Да, не плохо, сносно. Основной басъ моего дорогого дядюшки упростилъ эту задачу. Прежде я кралъ деньги моихъ учениковъ, да, кралъ, это правда, а теперь я зарабатываю ихъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же, какъ другіе.

Я. — И вы обкрадывали ихъ безъ угрызеній совѣсти?

Онъ. — О, безъ всякихъ угрызеній! Говорятъ, что когда воръ обкрадываетъ вора, чортъ хохочетъ. Родители утопали въ богатствѣ, пріобрѣтенномъ, Богъ вѣсть, какими путями; это были придворные, финансисты, крупные коммерсанты, банкиры, дѣльцы; я и масса другихъ, которыхъ они содержали, какъ и меня, помогалъ имъ возвращать неправильно нажитое. Въ природѣ взаимно пожираютъ другъ друга виды; въ обществѣ пожираютъ другъ друга сословія.

Мы чинимъ другъ надъ другомъ расправу безъ вмѣшательства закона. Раньше Ладешанъ мстила финансисту за князя, а теперь мститъ Гимаръ, а Ладешанъ мстятъ за финансиста торговка модными товарами, золотыхъ дѣлъ мастеръ, обойщикъ, бѣлошвейка, мошенникъ, горничная, поваръ, шорникъ. Среди нихъ только глупецъ или лѣнтяй остается въ убыткѣ, не причиняя никому безпокойства, и онъ заслуживаетъ этого. Отсюда вы видите, что всѣ эти исключенія изъ всеобщей совѣсти или моральные идіотизмы, о которыхъ такъ много кричатъ теперь при господствѣ взяточничества, сами по себѣ ничтожны, и что нужно только умѣть попадать въ цѣль.

Я. — Удивляюсь вашему умѣнью попадать въ цѣль.

Онъ. — А нужда! голоса совѣсти и чести не слышишь, когда въ животѣ пусто. Достаточно того, что когда я разбогатѣю, я долженъ буду отдавать назадъ, и я твердо рѣшилъ отдавать всѣми возможными способами: ѣдой, игрой, виномъ, женщинами.

Я. — Но я опасаюсь, что вы никогда не будете богаты.

Онъ. — Я тоже въ этомъ сомнѣваюсь.

Я. — Но что дѣлали бы вы, если бы это случилось?

Онъ. — То же, что дѣлаютъ всѣ разбогатѣвшіе бѣдняки: я буду самымъ наглымъ негодяемъ, какого когда-либо видали. Тогда-то я припомню все, что я отъ нихъ терпѣлъ, и возвращу имъ всѣ обиды, которыя они причинили мнѣ. Я люблю повелѣвать и буду повелѣвать. Я люблю, чтобы меня хвалили, и меня

---

*) Генеральный откупщикъ, у котораго была такая же кліентела какъ у г. Бертена и у м-ли Юсъ. *Пер.*

будутъ хвалить. Къ моимъ услугамъ будетъ вся свора Вильморьена *)! И я буду ей говорить то же, что мнѣ говорили: «А ну-ка, негодяи, потѣшайте меня!»—и меня будутъ потѣшать. «Растерзайте честныхъ людей!»—и они растерзаютъ ихъ, если только еще найдутся таковые. У насъ будутъ женщины; когда мы напьемся, мы будемъ говорить другъ другу: *ты*. Мы будемъ пьянствовать, разсказывать сказки, предаваться всякаго рода распутству и порокамъ, и это будетъ прелестно. Мы докажемъ, что Вольтеръ—не геній; что вѣчно высокопарный Бюффонъ не что иное, какъ напыщенный декламаторъ; что Монтескье не что иное, какъ краснобай; Д'Аламбера мы загонимъ въ математику. Мы зададимъ трепку всѣмъ этимъ маленькимъ Катонамъ, вродѣ васъ, которые презираютъ насъ изъ зависти, у которыхъ скромность служитъ подкладкой гордости, а воздержность есть законъ необходимости. А музыка? вотъ тогда-то мы и займемся ею.

Я. — По тому достойному употребленію, которое вы сдѣлали бы изъ богатства, я сознаю громадный вредъ оттого, что вы небогаты. Вы стали бы вести такую жизнь, которая дѣлала бы честь человѣческому роду, была бы полезна вашимъ согражданамъ и стяжала бы славу вамъ!

Онъ. — Но вы, кажется, подсмѣиваетесь надо мной? Вы не знаете, г. философъ, надъ кѣмъ вы смѣетесь. Вы не подозрѣваете, что въ данный моментъ я олицетворяю самую важную часть городского населенія и двора. Все равно, говорили ли наши богачи всѣхъ сословій самимъ себѣ или не говорили то же самое, въ чемъ я вамъ сознался, но фактъ тотъ, что жизнь, которую я велъ бы на ихъ мѣстѣ, была точь-въ-точь такая же, какую они ведутъ. Въ томъ-то и

дѣло, что вы воображаете, будто одно и то же счастье сдѣлано для всѣхъ. Какое странное заблужденіе! Ваше счастье предполагаетъ извѣстное романическое настроеніе ума, котораго у насъ нѣтъ, необыкновенную душу и особый вкусъ. Вы облекаете эту странную смѣсь именемъ добродѣтели, вы называете ее философіей; но развѣ добродѣтель и философія созданы для всѣхъ? Ихъ имѣетъ только тотъ, кто можетъ имѣть, и придерживается тотъ, кто способенъ къ нимъ. Представьте себѣ, что всѣ люди были бы мудры и философы; согласитесь, что тогда міръ былъ бы чертовски скученъ. По-моему, да здравствуетъ философія и мудрость Соломона!—пить хорошія вина, наѣдаться тонкими кушаньями, возиться съ хорошенькими женщинами, отдыхать въ мягкой постели; за исключеніемъ этого, все прочее пустяки.

Я. — Какъ! а защищать свое отечество?

Онъ. — Пустяки! Нѣтъ никакого отечества: отъ одного до другого полюса я ничего не вижу, кромѣ тирановъ и рабовъ.

Я. — А помогать друзьямъ?..

Онъ. — Пустяки! Развѣ есть у кого-нибудь друзья? А если бы и были, какая необходимость дѣлать изъ нихъ неблагодарныхъ? Приглядитесь хорошенько, и вы увидите, что оказанныя услуги почти никогда не ведутъ ни къ чему другому. Признательность—бремя, а всякое бремя создано только для того, чтобы сбрасывать его съ себя.

Я. — А занимать въ обществѣ какое-нибудь положеніе и исполнять свои обязанности?..

Онъ. — Пустяки! Развѣ важно имѣть общественное положеніе или не имѣть его; лишь бы быть богатымъ, ибо всякій выбираетъ себѣ положеніе только

для того, чтобы разбогатѣть. Исполнять свои обязанности? А къ чему это ведетъ? къ зависти, раздорамъ и гоненіямъ. Развѣ такимъ образомъ дѣлаютъ карьеру? Нѣтъ: ухаживать, бывать у вліятельныхъ людей, изучать ихъ вкусы, поддѣлываться подъ ихъ прихоти, угождать ихъ порочнымъ наклонностямъ, одобрять ихъ дурныя дѣла,—вотъ въ чемъ секретъ.

Я. — А наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей?..

Онъ. — Пустяки! Это дѣло воспитателей.

Я. — Но если эти воспитатели, придерживаясь вашихъ принциповъ, будутъ пренебрегать своими обязанностями, кто будетъ расплачиваться за это?

Онъ. — Конечно, не я, но, м. б., когда-нибудь мужъ моей дочери или жена моего сына.

Я. — А если оба они предадутся разврату и порокамъ?

Онъ. —Это свойственно ихъ положенію.

Я. — А если они покроютъ себя позоромъ?

Онъ. — Что бы человѣкъ ни дѣлалъ, онъ не можетъ покрыть себя позоромъ, если онъ богатъ.

Я. — А если они разорятся?

Онъ. — Тѣмъ хуже для нихъ.

Я. — Стало быть, вы мало заботились бы о вашей женѣ?

Онъ. — Вовсе не заботился бы. По моему мнѣнію, дѣлать все, что нравится, самый лучшій способъ обхожденія со своей дорогой половиной. Неужели вы думаете, что общество было бы очень привлекательно, если бы каждый исполнялъ свои обязанности?

Я. —Отчего же нѣтъ? Когда я доволенъ своимъ утромъ, тогда для меня и вечеръ особенно пріятенъ.

Онъ. — И для меня тоже.

Я. — Свѣтскіе люди такъ разборчивы въ своихъ удовольствіяхъ потому, что они живутъ въ совершенной праздности.

Онъ. — Не думайте этого: они много суетятся.

Я. — Такъ какъ они никогда не утомляются, то они не ищутъ и отдохновенія.

Онъ. — Не вѣрьте этому: они постоянно измучены.

Я. — Развлеченіе для нихъ—дѣловое занятіе, а не потребность.

Онъ. — Тѣмъ лучше: удовлетвореніе потребности всегда сопряжено съ трудомъ.

Я. — Имъ доступно все. Душа ихъ деревенѣетъ, и скука овладѣваетъ ею. Тотъ, кто отнялъ бы у нихъ жизнь среди ихъ подавляющаго избытка, оказалъ бы имъ услугу, вѣдь счастье знакомо имъ только съ той стороны, которая всего скорѣе притупляется. Я не пренебрегаю чувственными наслажденіями; у меня также есть нёбо, которому доставляютъ удовольствіе тонкія явства или прекрасныя вина; у меня есть сердце и глаза, и мнѣ пріятно видѣть хорошенькую женщину, чувствовать подъ своей рукой упругую округлость ея шеи, прильнуть къ ея губамъ, черпать сладострастіе въ ея взорахъ и замирать въ ея объятіяхъ. Иногда я съ удовольствіемъ принимаю участіе въ обществѣ друзей въ довольно шумныхъ пирушкахъ. Но я не скрою отъ васъ, что для меня безконечно пріятнѣе придти на помощь къ какому-нибудь несчастному, окончить какое-нибудь щекотливое дѣло, дать спасительный совѣтъ, прочесть что-нибудь поучительное, сдѣлать прогулку въ обществѣ дорогихъ для меня мужчины или женщины, провести нѣсколько часовъ въ занятіяхъ съ дѣтьми, написать

хорошую страницу, исполнить обязанности, требуемыя моимъ положеніемъ; сказать той, которую я люблю, что-нибудь столь нѣжное и пріятное, что она за это обовьетъ своими руками мою шею. Есть такія дѣянія, что я отдалъ бы все, что имѣю, за то, чтобы быть въ состояніи ихъ совершить.

«*Магометъ*»—великое произведеніе, но я предпочелъ бы ему возстановленіе чести Каласа. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ искалъ убѣжища въ Карфагенѣ. Это былъ младшій сынъ семьи въ такой странѣ, гдѣ все состояніе родителей переходитъ къ старшему сыну. Онъ узнаетъ, что его старшій братъ, любимецъ родителей, отнявъ у нихъ все, что они имѣли, выгналъ ихъ изъ замка, и что добрые старики прозябаютъ въ нуждѣ въ одномъ провинціальномъ городѣ. Что же дѣлаетъ младшій, отправившійся попытать счастье на чужбинѣ, такъ какъ родители обходились съ нимъ жестоко? Онъ присылаетъ имъ денегъ, спѣшитъ устроить свои дѣла, возвращается богатымъ, поселяетъ мать и отца въ ихъ прежнемъ жилищѣ и выдаетъ замужъ сестеръ. Ахъ, мой милый Рамо, этотъ человѣкъ считалъ то время самымъ счастливымъ въ своей жизни и не могъ безъ слезъ о немъ разсказывать, и я, передавая вамъ эту исторію, чувствую, какъ сердце мое бьется и радостный трепетъ мѣшаетъ мнѣ говорить.

Онъ. — Какія вы странныя существа!

Я. — А вы существа, достойныя сожалѣнія, если вы не въ состояніи понять, что человѣкъ можетъ возвышаться изъ того положенія, въ которое онъ поставленъ судьбою, и что тотъ не можетъ быть несчастливъ, кто совершилъ два разсказанныхъ мною прекрасныхъ дѣянія.

Онъ. — Это такое счастье, съ которымъ мнѣ было

бы трудно освоиться, ибо оно встрѣчается рѣдко. Такъ, по-вашему, нужно быть честными людьми?

Я. — Для того, чтобы быть счастливымъ, несомнѣнно.

Онъ. — Однако я вижу множество честныхъ людей, которые несчастливы, и множество людей счастливыхъ, которые нечестны.

Я. — Это кажется вамъ.

Онъ. — А развѣ не потому мнѣ некуда сегодня вечеромъ пойти поужинать, что я на одно мгновеніе обнаружилъ здравый смыслъ и искренность?

Я. — О, нѣтъ, это потому, что вы не обладали постоянно этими качествами; это потому, что вы не поняли своевременно, что не рабскимъ подчиненіемъ нужно было прежде всего создать себѣ средства существованія.

Онъ. — Рабскимъ подчиненіемъ или нѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, это самыя удобныя для меня средства существованія.

Я. — И самыя ненадежныя и самыя безчестныя.

Онъ. — Но болѣе всего подходящія къ моему характеру тунеядца, глупца и негодяя.

Я. — Согласенъ.

Онъ. — Такъ какъ я могу создать себѣ счастье только пороками, которые во мнѣ естественны, которые я пріобрѣлъ безъ труда и сохраняю безъ усилія; которые соотвѣтствуютъ нравамъ моихъ соотечественниковъ; которые приходятся по вкусу моимъ покровителямъ и болѣе подходящи къ ихъ мелкимъ нуждамъ, чѣмъ добродѣтели, которыя стѣсняли бы ихъ, служа для нихъ съ утра до вечера укоромъ, то было бы очень странно, если бы я сталъ мучить себя, какъ преступникъ, чтобы коверкать себя и дѣлать изъ себя

нѣчто такое, что на меня не похоже, чтобы усвоить себѣ характеръ, для меня неподходящій, и такія качества, которыя я, чтобы не спорить, готовъ назвать весьма почтенными, но которыя мнѣ было бы очень трудно пріобрѣсть и примѣнять на практикѣ, которыя не привели бы ни къ чему и, м. б., даже хуже, чѣмъ ни къ чему, такъ какъ они были бы постоянной сатирой на тѣхъ самыхъ богачей, у которыхъ такіе бѣдняки, какъ я, должны искать средствъ къ существованію. Люди хвалятъ добродѣтель, но ненавидятъ ее, бѣгутъ отъ нея, такъ какъ она обдаетъ холодомъ, а между тѣмъ въ этомъ мірѣ ноги слѣдуетъ держать въ теплѣ. Сверхъ того, все это неизбѣжно привело бы меня въ мрачное настроеніе. Вѣдь отчего же мы такъ часто видимъ, что благочестивые люди такъ жестокосердны, такъ несносны, такъ необходительны? Оттого, что они задали себѣ такую задачу, которая не въ ихъ природѣ; они страдаютъ, а тотъ, кто страдаетъ, заставляетъ страдать и другихъ; это не по вкусу ни мнѣ, ни моимъ покровителямъ; я долженъ быть веселъ, изворотливъ, забавенъ, шутливъ, смѣшонъ. Добродѣтель требуетъ уваженія къ себѣ, а уваженіе стѣснительно; добродѣтель хочетъ, чтобы ей поклонялись, а поклоненіе незабавно. Я имѣю дѣло съ людьми, которые скучаютъ, и я долженъ ихъ заставить смѣяться. А смѣшить могутъ нелѣпости и безразсудства, потому-то я долженъ быть нелѣпъ и безразсуденъ, и если бы я не былъ такимъ отъ природы, то всего проще было бы притвориться такимъ. Къ счастью, я не имѣю надобности быть лицемѣромъ; лицемѣровъ и такъ много, и всевозможныхъ оттѣнковъ, не считая такихъ, которые лицемѣрятъ предъ самими собой. Возьмите, напр., кавалера де-ла-Морліера:

онъ надѣваетъ шапку на-бекрень, ходитъ, закинувъ голову вверхъ, смотритъ на проходящихъ свысока, заставляетъ биться о бокъ свою длинную шпагу, готовъ сказать дерзость всякому, кто держитъ себя скромно, и точно будто вызываетъ на бой каждаго встрѣчнаго; а что въ сущности ему надо? Убѣдить другихъ, что онъ храбрецъ, тогда какъ онъ трусъ. Дайте ему щелчка по носу, и онъ покорно приметъ его. Хотите заставить его понизить тонъ? Заговорите громче, покажите свою палку или дайте ему колѣнкой... Онъ самъ удивится тому, что онъ трусъ, и спроситъ васъ, кто вамъ сообщилъ объ этомъ, откуда вы узнали это? Онъ самъ до сихъ поръ этого не зналъ; продолжительная привычка изображать изъ себя храбреца внушила ему высокое мнѣніе о себѣ; онъ такъ долго разыгрывалъ роль, что принялъ за дѣйствительность то, что изображалъ.

А эта женщина, которая убиваетъ свою плоть, посѣщаетъ тюрьмы, участвуетъ во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ, ходитъ, опустивши глаза внизъ, и не рѣшается посмотрѣть мужчинѣ прямо въ лицо изъ опасенія поддаться соблазну,—развѣ у нея сердце не пылаетъ страстью, развѣ изъ ея груди не вырываются вздохи, развѣ ея темпераментъ не воспламеняется, развѣ ее не томятъ желанія, развѣ ея воображеніе не рисуетъ картинъ ночи, сценъ изъ «Portier des Chartreux»?.. Что съ ней тогда дѣлается? что думаетъ объ этомъ ея горничная,вскакивающая съ постели въ одной рубашкѣ и бѣгущая на помощь къ своей госпожѣ? Идите спать, Жюстина, не васъ зоветъ въ кошмарѣ госпожа.

А если бы нашъ другъ Рамо вздумалъ презрительно относиться къ богатству, къ женщинамъ, къ вкуснымъ

обѣдамъ, къ праздности и сталъ бы выдавать себя за Катона,—кѣмъ былъ бы онъ? лицемѣромъ. Рамо долженъ быть такимъ, каковъ онъ есть: счастливымъ разбойникомъ среди богатыхъ разбойниковъ, а не фанфарономъ добродѣтели и даже не добродѣтельнымъ человѣкомъ, питающимся коркой черстваго хлѣба въ одиночествѣ или въ обществѣ другихъ бѣдняковъ. Короче говоря, мнѣ не по вкусу ни ваше счастье, ни счастье подобныхъ вамъ мечтателей.

Я.—Я вижу, мой милый, что вамъ незнакомо это счастье и вы даже не способны понять его.

Онъ.—Тѣмъ лучше, клянусь вамъ, тѣмъ лучше. Оно заставило бы меня подыхать отъ голода, отъ скуки и, м. б., отъ угрызеній совѣсти

Я.—Поэтому я могу дать вамъ только одинъ совѣтъ: какъ можно скорѣе вернуться въ тотъ домъ, откуда васъ выгнали за вашу опрометчивость.

Онъ.—И дѣлать то, чего вы не порицаете безусловно, но что мнѣ противно дѣлать по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Я.—Странно!

Онъ.—Тутъ нѣтъ ничего страннаго; я готовъ дѣлать подлости, но я не хочу ихъ дѣлать по принужденію. Я готовъ унижать мое достоинство... Вы смѣетесь?

Я.—Да, меня смѣшитъ ваше достоинство.

Онъ.—У каждаго свое. Я готовъ забыть о своемъ достоинствѣ, но добровольно, а не по приказанію другихъ. Развѣ я могу допустить, чтобы мнѣ говорили: ползай, и чтобы я обязанъ былъ ползать? Это—аллюръ червяка и мой, и мы оба держимся его, когда намъ не мѣшаютъ, но мы выпрямляемся, когда наступаютъ намъ на хвостъ; мнѣ наступили на хвостъ,

и я выпрямился. Помимо того, вы не имѣете представленія о томъ чудовищѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Представьте себѣ меланхоличнаго и угрюмаго человѣка, изнемогающаго отъ припадковъ ипохондріи и закутаннаго въ два или три оборота въ свой халатъ, недовольнаго самимъ собой и всѣмъ на свѣтѣ; его съ трудомъ можно разсмѣшить, даже исковеркавъ свое тѣло и свой умъ на сотни ладовъ; онъ хладнокровно смотритъ на забавныя гримасы моего лица и на кривлянья моей фантазіи, которыя еще болѣе забавны... Какъ бы я ни старался достигнуть той высоты кривлянья, до которой доходятъ обитатели дома умалишенныхъ,—все напрасно. Разсмѣется онъ или не разсмѣется? Вотъ что я принужденъ спрашивать у самого себя среди своихъ кривляній, а вы можете понять, какъ такая неувѣренность вредитъ таланту. Мой ипохондрикъ съ головой, погруженной въ ночной колпакъ, который закрываетъ ему глаза, похожъ на неподвижную пагоду, къ подбородку которой прикрѣпили нитку, спускающуюся подъ самое кресло. Вы ждете, чтобы нитка зашевелилась, но она не шевелится; если же случается, что ротъ полуоткроется, то это для того, чтобы произнести неутѣшительное для васъ слово, такое слово, которое показываетъ вамъ, что на васъ не обращали никакого вниманія, и что всѣ ваши кривлянья пропали даромъ. Это слово есть отвѣтъ на вопросъ, который вы задавали ему четыре дня тому назадъ. Слово произнесено, сосцевидный мускулъ сжимается и ротъ закрывается.

(И онъ сталъ передразнивать своего ипохондрика, усѣлся въ кресло съ неподвижной головой, со шляпой, надвинутой на лобъ до самыхъ бровей; глаза полузакрылъ, руки опустилъ, и ротъ шевелился у него, какъ у автомата).

Печальный, угрюмый и въ своихъ рѣшеніяхъ непреклонный, какъ судьба,—таковъ нашъ патронъ.

Противъ него сидитъ дурища, которая разыгрываетъ изъ себя важную особу, и которой можно было бы рѣшиться сказать, что она хороша, такъ какъ она дѣйствительно хороша, хотя у нея на лицѣ мѣстами прыщи... Сверхъ того, она злѣе, гордѣе, глупѣе всякаго гуся. Сверхъ того, она хочетъ быть умной. Сверхъ того, ее надо увѣрять, что она умна, какъ никто. Сверхъ того, она ничего не знаетъ, а все рѣшаетъ. Сверхъ того, надо апплодировать ея рѣшеніямъ и руками и ногами, прыгать отъ радости, цѣпенѣть отъ восторга; «ахъ, какъ это прекрасно, какъ это тонко, какъ прекрасно сказано, какъ это тонко подмѣчено, какъ это удивительно прочувствовано! и откуда все это женщины берутъ? Безъ изученія, однимъ инстинктомъ, однимъ природнымъ даромъ! Это настоящее чудо! Послѣ этого подите—увѣряйте насъ, будто для этого нужны опытъ, изученіе, размышленіе, воспитаніе!..» И другія подобныя глупости надо высказывать, плакать отъ радости, десять разъ на дню сгибаться предъ ней, такъ, чтобы одна нога была согнута, а другая вытянута назадъ, руки простерты къ богинѣ; надо угадывать ея желанія по ея взорамъ, ловить каждое слово съ ея устъ, ждать ея приказа и летѣть исполнять его, какъ стрѣла. Кто захочетъ взять на себя такую роль, кромѣ той жалкой твари, которая находитъ тамъ два или три раза въ недѣлю, чѣмъ удовлетворить требованіе своего желудка? Что подумать о другихъ, такихъ, какъ Палиссо, Фреронъ, Пуансинэ, Бакюларъ, у которыхъ есть кое-что, и подлости которыхъ нельзя извинить бурчаніемъ желудка?

Я.—Я никогда не подумалъ бы, что вы такъ взыскательны.

Онъ. —Я не взыскателенъ. Сначала я присматривался, какъ дѣлаютъ другіе, и дѣлалъ, какъ они, даже немного лучше, потому что у меня болѣе откровенной наглости, потому что я лучше разыгрываю комедію, болѣе изморился голодомъ и потому что у меня здоровѣе легкія. Должно быть, я происхожу по прямой линіи отъ знаменитаго Стентора...

(И чтобы дать мнѣ истинное представленіе о силѣ своихъ легкихъ, онъ сталъ такъ громко кашлять, что въ кофейнѣ задрожали оконныя стекла, а шахматные игроки пріостановили игру).

Я. —Но къ чему же этотъ вашъ талантъ?

Онъ. —Вы не догадываетесь?

Я. —Нѣтъ, я немножко недогадливъ.

Онъ. —Предположите, что завязался диспутъ, и побѣда еще не склонилась ни на чью сторону; я встаю и громовымъ голосомъ объявляю: «Это такъ, какъ утверждаетъ дѣвица... вотъ что называется здраво разсуждать! Въ этомъ видна геніальность!» Однако, не всегда слѣдуетъ одобрять однимъ и тѣмъ же образомъ, иначе сдѣлаешься однообразнымъ, будешь казаться неискреннимъ и всѣмъ надоѣшь. Этого можно избѣжать только съ помощью смѣтливости и находчивости; надо умѣть подготовить и кстати пустить въ ходъ свой мажорный и рѣшительный тонъ, надо умѣть пользоваться случаемъ и удобной минутой. Когда, напр., мнѣнія расходятся, споръ достигъ высшей степени ожесточенія, когда всѣ говорятъ заразъ и ничего нельзя разслышать, тогда надо встать въ сторонѣ, въ углу, самомъ отдаленномъ отъ поля битвы, подготовить свой взрывъ долгимъ молчаніемъ

и потомъ внезапно упасть, какъ бомба, среди спорящихъ; никто, кромѣ меня, не обладаетъ этимъ искусствомъ. Но я особенно поразителенъ въ пріемахъ, противоположныхъ вышеописанному: я владѣю слабыми тонами голоса, которые я сопровождаю улыбкой; у меня есть безконечное разнообразіе одобрительныхъ ужимокъ; тутъ участвуютъ и носъ, и ротъ, и лобъ, и глаза; я обладаю удивительной гибкостью поясницы, особой манерой сгибать позвоночный хребетъ, подымать или опускать плечи, растопыривать пальцы, наклонять голову, закрывать глаза и приходить въ оцѣпенѣніе, словно я услышалъ нисходящій съ неба ангельскій и божественный голосъ; вотъ именно это и льститъ. Не знаю, поняли ли вы всю выразительность этой послѣдней позы; не я выдумалъ ее, но въ примѣненіи ея никто меня не превосходилъ. Посмотрите, посмотрите.

Я.—Дѣйствительно, это неподражаемо.

Онъ.—Думаете ли вы, что найдется такая женская голова, которая устоитъ противъ этого?

Я.—Нѣтъ. Надо сознаться, что въ искусствѣ корчить изъ себя шута и унижаться вы зашли такъ далеко, какъ только возможно.

Онъ.—Они никогда до этого не дойдутъ, всѣ, сколько бы ихъ ни было, и что бы они ни дѣлали. Лучшій изъ нихъ, напр. Палиссо, навсегда останется не болѣе, какъ хорошимъ ученикомъ. Но хотя эта роль въ началѣ забавляетъ и хотя находишь нѣкоторое удовольствіе въ томъ, что внутренне смѣешься надъ глупостью тѣхъ, кого морочишь, въ концѣ концовъ она утрачиваетъ пикантность и послѣ нѣсколькихъ новыхъ открытій бываешь принужденъ повторяться,—умъ и искусство имѣютъ свои предѣлы; только для

Бога и для немногихъ рѣдкихъ геніевъ поприще расширяется по мѣрѣ движенія впередъ...

Я.—И при такой любви ко всему прекрасному и при такой геніальности неужели вы ничего не изобрѣли?

Онъ.—Извините, а, напр., выражающій восторгъ изгибъ спины, о которомъ я говорилъ вамъ; я считаю его своимъ изобрѣтеніемъ, хотя, м. б., нѣкоторые завистники и станутъ оспаривать его у меня. Я охотно вѣрю, что и до меня пускали его въ дѣло, но кто другой могъ понять, насколько онъ удобенъ для того, чтобы внутренне подсмѣиваться надъ нахаломъ, которымъ мы повидимому восхищаемся? У меня есть сотня способовъ приступить къ обольщенію молодой дѣвушки въ присутствіи ея матери такъ, что послѣдняя ничего не замѣтитъ и даже будетъ помогать мнѣ. Съ самаго вступленія на это поприще я всегда пренебрегалъ пошлыми средствами передавать любовныя записки; у меня есть десятокъ способовъ устроить это такъ, что онѣ будутъ взяты изъ моихъ рукъ, и я смѣю льстить себя надеждой, что среди этихъ способовъ есть совершенно новые. Я въ особенности обладаю талантомъ ободрять робкихъ молодыхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ, благодаря мнѣ, имѣли полный успѣхъ, хотя не отличались ни умомъ, ни наружностью. Если бы все это было изложено письменно, я полагаю, за мной признали бы нѣкоторую геніальность.

Я.—Это доставило бы вамъ оригинальную извѣстность.

Онъ.—Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

Я.—На вашемъ мѣстѣ я набросалъ бы всѣ эти вещи на бумагѣ. Было бы жаль, если бы онѣ пропали безслѣдно.

Онъ.—Это вѣрно. Но вы не подозрѣваете, какъ мало я придаю значенія методу и принципамъ. Тотъ, кому нужно составленіе протоколовъ, далеко не пойдетъ; геніи мало читаютъ, много учатся на опытѣ и формируются сами собой. Посмотрите на Цезаря, на Тюрена, на Вобана, на маркизу де-Тенсенъ, на ея брата—кардинала, на секретаря его, аббата Трюблэ и на Бурэ? Кто давалъ Бурэ уроки? Никто, сама природа образуетъ такихъ рѣдкихъ людей...

Я. — Но въ ваши свободные часы, когда томленіе вашего пустого желудка или тяжесть вашего переполненнаго желудка гонитъ отъ васъ сонъ...

Онъ. — Я объ этомъ подумаю. Лучше писать великія вещи, чѣмъ исполнять малыя. Тогда душа возвышается, воображеніе разгорается, воспламеняется и пріобрѣтаетъ необыкновенную широту полета, и, наоборотъ, оно гаснетъ, когда въ присутствіи нашей маленькой Юсъ мы выражаемъ удивленіе по поводу аплодисментовъ, расточаемыхъ глупой публикой этой жеманной Данжевилль, которая играетъ такъ пошло, ходитъ по сценѣ почти согнувшись пополамъ, притворяется, будто смотритъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говоритъ, а сама смотритъ по сторонамъ, считаетъ выдѣлываемыя ею гримасы за нѣчто изящное, а свою манеру ходить крошечными шагами очень граціозной; или по поводу того, что иные восхищаются этой напыщенной Клеронъ, которая худа, неестественна, натянута до крайности. Глупый партеръ хлопаетъ имъ изо всѣхъ силъ и не замѣчаетъ, что у насъ масса прелести, что у насъ прелестная кожа, прекрасные глаза, хорошенькое личико, хотя при этомъ немного внутреннихъ достоинствъ, и походка если не очень легка, то и не такая неловкая, какъ го-

ворятъ. Зато что касается чувствъ, то съ нами никто не можетъ сравняться; нѣтъ ни одной, которую мы не заткнули бы за поясъ.

Я. — Какъ васъ понять; иронія это или правда?

Онъ. — Жаль, что эти чертовскія чувства скрываются внутри и даже слабаго отраженія отъ нихъ не выходитъ наружу, но я знаю, навѣрное знаю, что они у нея есть. Надо видѣть, какъ они дѣйствуютъ, когда на нее находитъ блажь, какъ она обходится съ лакеями, какъ она колотитъ по щекамъ горничныхъ, какъ она выгоняетъ ногами пріятеля, который нарушилъ должное къ ней уваженіе. Этотъ чертенокъ, увѣряю васъ, полонъ чувствъ и достоинства... Однако, вы, кажется, не понимаете, что я хочу сказать, не правда ли?

Я. — Признаюсь, не могу понять, чистосердечно ли вы говорите или изъ чувства злобы. Я человѣкъ прямой: поэтому будьте любезны выразиться яснѣе и оставить ваши извороты.

Онъ. — Все это то, что мы разсказываемъ нашей маленькой Юсъ относительно Данжевилль и Клеронъ, пересыпая по временамъ нашъ разсказъ нѣкоторыми словами, которыя заставляютъ настораживаться. Я допускаю, что вы считаете меня за негодяя, но не думаю, чтобы вы считали меня глупцомъ, а только глупецъ или влюбленный могъ бы серьезно говорить такія нелѣпости.

Я. — Но какъ же можно рѣшиться ихъ высказывать?

Онъ. — Это не дѣлается сразу, до этого доходятъ постепенно. Ingenii largitor venter.

Я. — Для этого нужно быть подгоняемымъ голодомъ.

Онъ. — Можетъ быть. Однако, какъ бы ни казались вамъ нелѣпы такія мнѣнія, повѣрьте, что тѣ, кому они высказываются, гораздо болѣе привыкли ихъ слышать, чѣмъ мы привыкли позволять себѣ смѣлость ихъ высказывать.

Я. — И неужели находится кто-нибудь, кто осмѣливается раздѣлять ваши мнѣнія?

Онъ. — Что значитъ: «кто-нибудь»? Въ нашемъ обществѣ всѣ одинаково думаютъ и говорятъ.

Я. — Тѣ изъ васъ, которые не страшные негодяи, должны быть страшными глупцами.

Онъ. — Глупцами? Клянусь вамъ, что среди насъ есть одинъ только глупецъ, это—тотъ, кто насъ угощаетъ за то, что мы его морочимъ.

Я. — Но какъ можно допустить, чтобы морочили людей такимъ грубымъ образомъ? Вѣдь превосходство талантовъ Данжевилль и Клеронъ всѣми признано.

Онъ. — Люди пьютъ льстивую ложь большими глотками, а правду, которая имъ непріятна, они принимаютъ по каплѣ. Къ тому же мы съ виду такъ глубоко убѣждены, такъ искренни!

Я. — Всетаки не можетъ быть, чтобы вы не поступались иногда принципами вашего искусства и нечаянно не проговаривались одной изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя оскорбительны для самолюбія; вѣдь, несмотря на то, что вы исполняете жалкую, низкую и отвратительную роль, я полагаю, что въ глубинѣ души у васъ есть нѣкоторое благородство,

Онъ. — У меня! никакого. Чортъ меня побери, если я знаю, что у меня есть въ глубинѣ души. Вообще у меня умъ круглый, какъ шаръ, а характеръ гибкій, какъ ива. Я никогда не фальшивлю, если только

мнѣ выгодно быть правдивымъ, и никогда не бываю правдивъ, если мнѣ выгодно быть фальшивымъ. Я говорю, что взбредетъ мнѣ въ голову: если толково, тѣмъ лучше; если вздоръ, на него не обращаютъ вниманія. Я не стѣсняюсь въ выборѣ выраженій. Я никогда въ жизни не размышлялъ ни до того, какъ мнѣ говорить, ни въ то время, когда говорилъ, ни послѣ того, какъ сказалъ; зато никто и не обижается на меня.

Я. — Однако это случилось съ вами у тѣхъ почтенныхъ людей, у которыхъ вы жили, и которые были такъ добры къ вамъ.

Онъ. — Что дѣлать? Это было несчастье, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ моментовъ, которые неизбѣжны въ жизни. Непрерывнаго благополучія не существуетъ; мнѣ было слишкомъ хорошо и это не могло продолжаться вѣчно. У насъ, какъ вамъ извѣстно, собиралось самое многочисленное и самое избранное общество. Это была школа человѣколюбія, это напоминало старинное гостепріимство. Тутъ сходились поэты, у которыхъ погибалъ талантъ; всѣ не имѣвшіе успѣха музыканты; всѣ авторы, которыхъ никто не читаетъ; всѣ освистанныя актрисы, неудачники-актеры; цѣлая масса бѣдняковъ, пошляковъ и паразитовъ, во главѣ которыхъ выступалъ я, какъ храбрый вождь толпы трусовъ. Я приглашаю ихъ ѣсть не церемонясь, когда они впервые приходятъ въ домъ; я приказываю дать имъ пить; они сами такъ застѣнчивы! Тамъ было нѣсколько молодыхъ людей, которые были въ лохмотьяхъ и не знали, куда дѣться, но у которыхъ была счастливая наружность; тамъ было нѣсколько негодяевъ, которые ухаживали за патрономъ и старались усыпить его, чтобы тѣмъ временемъ поживиться

чѣмъ-нибудь отъ патронши. Мы съ виду веселы, но въ дѣйствительности въ печальномъ настроенiи духа и страшно голодны. Волки не болѣе жадны, тигры не болѣе жестокосерды.. Мы пожираемъ, точно волки, послѣ того, какъ земля долго пробыла подъ снѣгомъ, и точно тигры рвемъ въ клочки все, что имѣетъ успѣхъ. Иногда своры Бертена, Месанжа и Вилльморьена сходятся вмѣстѣ, и тогда въ домѣ поднимается невѣроятный гвалтъ. Никто еще никогда не видалъ собранiя стольких ожесточенныхъ, злобныхъ и ядовитыхъ тварей. Только и слышишь, что имена Бюффона, Дюкло, Монтескье, Руссо, Вольтера, Д'Аламбера, Дидро. И, Богъ вѣсть, какими эпитетами сопровождаются эти имена. Мы не признаемъ таланта за тѣми, кто не такъ глупъ, какъ мы. Тамъ-то и былъ составленъ планъ комедiи: «*Философы*»; сцена съ разносчикомъ мною составлена. Васъ, какъ и другихъ, также не пощадили въ этой комедiи.

Я. — Тѣмъ лучше. Этимъ дѣлаютъ мнѣ больше чести, чѣмъ я заслуживаю. Я считалъ бы себя оскорбленнымъ, если бы меня стали хвалить тѣ, которые бранятъ такихъ талантливыхъ и честныхъ людей.

Онъ. — Насъ много, и каждый долженъ внести свою дань; принеся въ жертву крупныхъ животныхъ, мы принимаемся за остальныхъ.

Я. — Поносить науку и добродѣтель для того, чтобы жить,—это значитъ покупать себѣ насущный хлѣбъ слишкомъ дорогой цѣной.

Онъ. — Я уже говорилъ вамъ, что мы люди безъ всякаго вѣса; мы поносимъ всѣхъ, но никому не причиняемъ огорченiя. У насъ иногда бываетъ и тупой аббатъ д'Оливэ, и толстый аббатъ ле-Бланъ и лицемѣръ Батте. Толстый аббатъ бываетъ золъ только

до обѣда. Выпивъ свой кофе, онъ усаживается въ кресло, упирается ногами въ каминъ и засыпаетъ, какъ старый попугай на своей жердочкѣ. Когда разговоръ становится слишкомъ шумнымъ, онъ начинаетъ зѣвать, потягиваться, протирать глаза и говоритъ;

«— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

«— Дѣло вотъ въ чемъ: правда ли, что Пиронъ остроумнѣе Вольтера?

«— Не надо забывать, что рѣчь идетъ объ остроуміи, а не о вкусѣ, потому что Пиронъ не подозрѣваетъ даже существованія послѣдняго.

«— Даже не подозрѣваетъ существованія.

«— Нѣтъ»...

И вотъ завязывается споръ о вкусѣ. Тогда патронъ дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы его слушали, такъ какъ онъ считаетъ себя самымъ свѣдущимъ именно въ этой области. «Вкусъ, говоритъ онъ, вкусъ... это—такая вещь»... Но я клянусь вамъ, что я не знаю, что онъ хочетъ сказать, да онъ и самъ не знаетъ

Иногда бываетъ у насъ другъ Роббэ; онъ угощаетъ насъ двусмысленными разсказами, описаніемъ чудесъ, которыя продѣлываются какими-то фанатиками, и которыя онъ видѣлъ собственными глазами, а также чтеніемъ нѣкоторыхъ пѣсней изъ его поэмы, написанной на сюжетъ, который онъ основательно изучилъ. Я не выношу его стиховъ, но люблю слушать, какъ онъ декламируетъ ихъ,—тогда онъ похожъ на человѣка, одержимаго бѣсомъ. Всѣ окружающіе восклицаютъ: «Вотъ это настоящій поэтъ!»...

Посѣщаетъ насъ также одинъ простофиля, который съ виду пошлъ и глупъ, а на самомъ дѣлѣ уменъ, какъ чортъ, и хитрѣе старой обезьяны. Это одна изъ

такихъ личностей, которыя вызываютъ на шутки и насмѣшки, и которыхъ Богъ создалъ для исправленія тѣхъ людей, которые судятъ по наружности, и которые должны были бы убѣдиться, глядя въ зеркало, что такъ же не трудно принимать видъ глупца, будучи умнымъ человѣкомъ, какъ не трудно скрывать свою глупость подъ маской остроумія. Это общая большинству людей слабость—нападать на добряка, чтобы на его счетъ позабавить другихъ,—оттого-то всѣ и нападали на нашего простофилю. Это была западня, которую мы разставляли для вновь пришедшихъ, и я не видѣлъ почти ни одного изъ нихъ, который не попался бы въ нее...

(Я иногда удивлялся вѣрности наблюденій этого безумца надъ людьми и характерами, и я высказалъ ему это).

Это происходитъ отъ того, отвѣчалъ онъ мнѣ, что изъ дурного общества, какъ и изъ распутства, выносится польза; утрата невинности вознаграждается утратой предразсудковъ; въ обществѣ дурныхъ людей порокъ обнаруживается во всей своей наготѣ и потому представляется возможность хорошо изучить ихъ; къ тому же я читалъ кое-что.

Я. — Что же вы читали?

Онъ. — Я читалъ, читаю и постоянно перечитываю Феофраста, Лабрюйэра и Мольера.

Я. — Это превосходныя произведенія.

Онъ. — Они гораздо лучше, чѣмъ думаютъ о нихъ; но кто умѣетъ ихъ читать?

Я. — Всѣ, сообразно со своими умственными способностями.

Онъ. — Почти никто. Можете ли вы сказать, что въ нихъ ищутъ?

Я. — Развлеченія и поученій.

Онъ. — Но какихъ поученій? Вѣдь въ этомъ вся суть.

Я. — Познанія своихъ обязанностей, любви къ добродѣтели, ненависти къ пороку.

Онъ. — А я извлекаю изъ нихъ все то, что слѣдуетъ дѣлать, и все, чего не слѣдуетъ говорить. Такъ, напр., когда я читаю «*Скупца*», я говорю себѣ: будь скупъ, если хочешь, но остерегайся говорить, какъ скупецъ. Когда я читаю «*Тартюфа*», я говорю: будь лицемѣромъ, если хочешь, но не говори, какъ лицемѣръ. Береги пороки, которые полезны для тебя; но откажись отъ тона и наружнаго вида порочнаго человѣка, которые тебя сдѣлали бы смѣшнымъ. Чтобы предохранить себя отъ такого тона и наружнаго вида, необходимо ихъ изучить, а эти именно авторы блестяще изобразили ихъ. Я таковъ, какъ есть, и остаюсь такимъ, какъ есть, но дѣйствую и говорю, какъ слѣдуетъ дѣйствовать и говорить. Я не изъ числа тѣхъ людей, которые презираютъ моралистовъ: отъ нихъ можно многому научиться, а въ особенности отъ тѣхъ изъ нихъ, которые излагаютъ мораль въ дѣйствіи. Порокъ оскорбляетъ людей лишь изрѣдка, а носители порока оскорбляютъ ихъ съ утра до вечера. Едва ли не лучше быть нахаломъ, чѣмъ имѣть нахальную физіономію: кто нахаленъ по характеру, тотъ оскорбляетъ только по временамъ, а у кого нахальная физіономія, тотъ оскорбляетъ всегда. Впрочемъ, не думайте, что я одинъ читаю такимъ образомъ; моя заслуга въ этомъ случаѣ заключается только въ томъ, что я дѣлаю, благодаря систематичности, смѣтливости и вѣрности взгляда, то же самое, что большинство другихъ дѣлаетъ благодаря инстинкту. Отсюда

происходитъ то, что чтеніе не дѣлаетъ меня лучше, и что они все таки остаются смѣшными даже вопреки своей волѣ, между тѣмъ, какъ я бываю смѣшонъ только тогда, когда я этого хочу, и въ такихъ случаяхъ я оставляю ихъ далеко позади себя; вѣдь то же самое искусство, которое даетъ мнѣ въ извѣстныхъ случаяхъ возможность уклоняться отъ роли шута, научаетъ меня, въ другихъ случаяхъ, какъ успѣшнѣе исполнять эту роль. Тогда я припоминаю все, что мнѣ говорили другіе, все, что я читалъ, и присовокупляю къ этому все, что есть плодъ моихъ собственныхъ дарованій, которыя поразительно плодовиты въ этомъ жанрѣ.

Я. — Вы хорошо сдѣлали, что повѣдали мнѣ эти тайны, потому что иначе я могъ бы подумать, что вы противорѣчите самому себѣ.

Онъ. — Я вовсе не противорѣчу самому себѣ, потому что на одинъ случай, когда надо избѣгать роли шута, къ счастью, приходится сто случаевъ, когда нужно ее разыгрывать. У высокопоставленныхъ лицъ нѣтъ лучшей роли, чѣмъ роль шута. Въ теченіе долгаго времени существовало при дворѣ оффиціальное званіе королевскаго шута, но никогда не было званія королевскаго мудреца. Я—шутъ Бертена и многихъ другихъ; въ настоящую минуту, можетъ быть, вашъ, или, можетъ быть, вы—мой. Кто мудръ, тотъ не станетъ держать при себѣ шута, слѣдовательно, тотъ, кто держитъ при себѣ шута, не мудръ; если же онъ немудръ, онъ самъ шутъ и, можетъ быть,—если онъ король—шутъ своего шута. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ такомъ измѣнчивомъ предметѣ, какъ правы, нѣтъ ничего безусловно, существенно и вообще вѣрнаго или ложнаго, кромѣ того правила, что нужно

быть такимъ, какимъ приказываетъ быть разсчетъ; хорошимъ или дурнымъ, мудрымъ или шутомъ, пристойнымъ или смѣшнымъ, честнымъ или порочнымъ. Если бы добродѣтель вела къ богатству, я или былъ бы добродѣтельнымъ или, подобно другимъ, представлялся бы добродѣтельнымъ, но отъ меня хотѣли, чтобы я былъ смѣшонъ, и я сдѣлался таковымъ; что же касается того, что я порочень, то я обязанъ этимъ одной природѣ. Впрочемъ, когда я говорю: *порочень*, я прибѣгаю къ вашему способу выраженія; вѣдь если бы мы захотѣли объясниться, то, вѣроятно, оказалось бы, что вы называете порокомъ то, что я называю добродѣтелью, а добродѣтелью то, что я называю порокомъ.

У насъ бываютъ также авторы изъ *Комической Оперы*, ихъ актеры и актрисы и еще чаще ихъ антрепренеры,—люди все со средствами и самыми высокими заслугами. Я позабылъ еще упомянуть о великихъ литературныхъ критикахъ, о всей этой литературной сволочи, которая пишетъ въ L'Avant-Coureur, les Petites Affiches, l'Année littéraire, l'Observateur littéraire, le Censeur hebdomadaire.

Я.—L'Année littéraire! l'Observateur littéraire! это не можетъ быть, вѣдь они ненавидятъ другъ друга.

Онъ.—Это правда; но за суповой миской всѣ бѣдняки мирятся между собой. Этотъ проклятый Observateur littéraire, чтобы чортъ побралъ его и его печатные листы! Именно, эта собака, маленькій жадный попъ, вонючій ростовщикъ и былъ причиной моего несчастья. Вчера впервые онъ появился на нашемъ горизонтѣ. Онъ вошелъ въ ту самую минуту, когда мы вылѣзаемъ изъ своихъ берлогъ, въ ту минуту, когда столъ накрытъ..

Подають кушанье, съ аббатомъ обходятся, какъ съ почетнымъ гостемъ и сажають его на первое мѣсто. Я вхожу, замѣчаю его и говорю: «Какъ, г. аббатъ, вы сидите здѣсь на первомъ мѣстѣ? Сегодня такъ и должно быть, но завтра вы опуститесь на одинъ приборъ, послѣзавтра еще на одинъ и такимъ образомъ будете передвигаться отъ одного прибора къ другому направо и налѣво, пока съ того мѣста, которое я однажды занималъ до васъ, Фреронъ однажды послѣ меня, Дора однажды послѣ Фрерона, Палисо однажды послѣ Дора, вы, наконецъ, не займете постояннаго мѣста около меня, такого же жалкаго бездѣльника, какъ и вы, который siedo sempre come un maestoso cazzo fra duoi coglioni».

Такъ какъ аббатъ добрый малый и смотритъ на все съ хорошей стороны, то онъ разсмѣялся, м-ль, пораженная моимъ наблюденіемъ и вѣрностью моего сравненія, расхохоталась; всѣ тѣ, которые сидѣли направо и налѣво отъ аббата, или тѣ, которыхъ онъ заставилъ передвинуться на одинъ приборъ, стали смѣяться; всѣ смѣялись, кромѣ хозяина, который разсердился и сталъ мнѣ говорить такія слова, которыя не имѣли бы для меня никакого значенія, если бы мы были вдвоемъ...

«— Рамо, вы дерзки.

«— Я это знаю, и вы приняли меня на этомъ условіи.

«— Вы бездѣльникъ.

«— Какъ и всякій другой.

«— Вы оборванецъ.

«— Не будь я такимъ, развѣ я былъ бы здѣсь?

«— Я велю выгнать васъ.

«— Послѣ обѣда я самъ уйду.?.

«— Я вамъ совѣтую это».

Мы начали обѣдать и я попрежнему шутилъ. Хорошо поѣвши и вдоволь напившись,—вѣдь господинъ желудокъ такая особа, на которую я никогда не дулся,—я принялъ рѣшеніе и сталъ собираться уходить; я далъ слово въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, что не могъ не сдержать его. Я довольно долго бродилъ по комнатѣ, отыскивая палку и шляпу тамъ, гдѣ ихъ не было, и разсчитывая на то, что патронъ разразится новыми ругательствами, что кто-нибудь возьметъ роль посредника и что, набранившись вдоволь, мы, въ концѣ концовъ, помиримся. Я все вертѣлся на одномъ мѣстѣ, потому что у меня ничего не было на сердцѣ; но патронъ, болѣе мрачный и нахмуренный, чѣмъ Гомеровъ Аполлонъ, когда онъ металъ свои стрѣлы въ греческую армію, еще болѣе обыкновеннаго надвинулъ на лобъ свой колпакъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, поджавши подбородокъ кулакомъ.

М-ль подходитъ ко мнѣ.

«— Да что же особеннаго случилось, говорю я ей. Развѣ сегодня я былъ не такимъ какъ всегда?

«— Я требую, чтобы онъ ушелъ.

«— Я уйду... Но я не позволилъ себѣ никакой грубости.

«— Извините, приглашаютъ г. аббата, а...

«— Хозяинъ самъ сдѣлалъ ошибку, приглашая аббата и въ то же время принимая въ домъ меня и вмѣстѣ со мною столько другихъ негодяевъ...

«— Полноте, мой милый Рамо, надо попросить извиненія у г. аббата.

«— Къ чему мнѣ его извиненіе?

«— Полноте, полноте, все это уладится...»

Меня берутъ за руки и тащатъ къ креслу аббата. Я протягиваю руки и смотрю на аббата съ нѣкоторымъ удивленіемъ,—вѣдь кто же просилъ когда-нибудь извиненія у аббата?

«Г. Аббатъ», говорю я ему, «все это очень нелѣпо, не правда ли?» Затѣмъ я начинаю хохотать, а вслѣдъ за мною и аббатъ. Итакъ, съ этой стороны мнѣ все извинили, но нужно было подступиться еще къ другой, а съ хозяиномъ нужно было выражаться иначе. Я не припомню, какъ, именно, я сталъ извиняться предъ нимъ:

«— Милостивый государь! вотъ тотъ безумецъ...

«— Онъ уже давно причиняетъ мнѣ непріятности: не хочу и слышать о немъ.

«— Онъ сердится...

«— Да, я сержусь.

«— Этого болѣе не случится...

«— Пока первый негодяй...»

Среди этихъ затрудненій мнѣ пришла въ голову пагубная мысль, внушенная мнѣ увѣренностью въ самомъ себѣ, и заставившая меня держаться гордо и дерзко,—мысль, что безъ меня не могутъ обойтись, что я человѣкъ необходимый.

Я.—Да, я полагаю, что вы имъ очень полезны, но они вамъ еще полезнѣе. Вамъ не легко будетъ найти другой такой же хорошій домъ, между тѣмъ какъ они, чтобы замѣстить одного выбывшаго шута, найдутъ цѣлую сотню такихъ же.

Онъ.—Сотню шутовъ такихъ же, какъ я, г. философъ! Ихъ не легко найти. Пошлыхъ шутовъ, да. Къ шутовству предъявляютъ болѣе строгія требованія, чѣмъ къ таланту или добродѣтели. Въ моемъ

жанрѣ я большая рѣдкость, да, большая рѣдкость. Утративъ меня, что они дѣлаютъ теперь? Скучаютъ, какъ собаки. Я—неистощимый источникъ нелѣпостей. Каждую минуту у меня была готова какая-нибудь причудливая выходка, заставлявшая ихъ хохотать до слезъ; я былъ для нихъ такъ же забавенъ, какъ обитатели дома умалишенныхъ всѣ вмѣстѣ взятые.

Я.—Зато вы имѣли столъ, постель, платье, кафтанъ съ панталонами, башмаки и по одному золотому въ мѣсяцъ.

Онъ.—Это хорошая, выгодная сторона дѣла, но вы ничего не говорите объ обязанностяхъ. Во-первыхъ, если носился слухъ о новой пьесѣ, то, какая бы ни была погода, я долженъ былъ обшарить всѣ парижскіе чердаки и отыскать автора ея; я долженъ былъ добиться того, чтобы мнѣ дали прочесть новое произведеніе, и ловко намекнуть автору, что въ его пьесѣ есть одна роль, которая была бы превосходно исполнена одной знакомой мнѣ особой.

«— А кто она такая?

«— Кто? Прекрасный вопросъ! Сочетаніе граціи, миловидности и изящества.

«— Вы имѣете въ виду м-ль Данжевилль? Вы знакомы съ ней?

«— Да, немного, но я говорю не о ней.

«— О комъ же?

Я шопотомъ называлъ имя моей покровительницы.

«— Она?

«— Да, она», повторялъ я, нѣсколько сконфузившись,—вѣдь и у меня иногда бываетъ стыдъ. Надо было видѣть, какъ при этомъ имени вытягивалась физіономія писателя, а иногда онъ разражался хохотомъ прямо мнѣ въ лицо. Однако, я долженъ былъ

непремѣнно привести его къ обѣду, а онъ, изъ опасенія связать себя какимъ-нибудь обѣщаніемъ, отговаривался, благодарилъ. Надо было видѣть, какъ обходились со мной, если я не имѣлъ успѣха въ переговорахъ. Я былъ дуралей, глупецъ, болванъ; я былъ ни на что не годенъ; я не стоилъ даже стакана воды, который мнѣ давали пить. Во время представленія было еще хуже: среди свистковъ публики, которая, что бы ни говорили, судитъ вѣрно, я долженъ былъ одинъ хлопать въ ладоши, долженъ былъ обращать на себя общее вниманіе и тѣмъ иногда избавлять актрису отъ свистковъ, долженъ былъ слушать, какъ рядомъ со мною говорили: «это одинъ изъ переодѣтыхъ лакеевъ того, кто спитъ... Когда же этотъ негодяй замолчитъ?..» Никому не извѣстно, что заставляетъ меня такъ поступать: думаютъ, что это дѣлается по тупоумію, тогда какъ на это есть такая причина, которою все извиняется.

Я.—Даже нарушеніе гражданскихъ законовъ.

Онъ.—Впрочемъ, въ концѣ концовъ меня уже знали и говорили: «А, это Рамо!»

Но меня выручало во-время брошенное ироническое замѣчаніе, которое можно было истолковать, какъ неодобреніе. Согласитесь съ тѣмъ, что только изъ соображеній очень большой выгоды можно обнаруживать такое неуваженіе къ публикѣ, и что каждая такая барщина стоила дороже одного экю.

Я.—Отчего же вы не запасались подручными?

Онъ.—Иногда приходилось и это дѣлать, и такимъ способомъ я еще кое-что прирабатывалъ. Бывало прежде, чѣмъ отправиться на мѣсто пытки, заучишь наизусть самыя блестящія сцены, во время которыхъ надо было давать знакъ къ аплодисментамъ. Если

мнѣ случалось позабыть ихъ или ошибиться, я, по возвращеніи изъ театра, дрожалъ отъ страха: вѣдь поднимался такой содомъ, о которомъ вы не имѣете представленія. А дома смотрить за цѣлой сворой собакъ; впрочемъ, я имѣлъ глупость самъ наложить на себя эту обузу; надъ кошками тоже на мнѣ лежалъ высшій надзоръ. Я бывалъ въ восторгѣ, если *Мику* удостаивала разорвать когтями мои манжеты или оцарапать мнѣ руку. *Крикеттъ* подвержена коликамъ, и моя обязанность растирать ей животъ. Раньше барышня страдала припадками ипохондріи, а теперь у нея разстройство нервовъ. Я уже не говорю о легкихъ недомоганіяхъ, при которыхъ мною не стѣсняются. Она начинаетъ толстѣть, — послушали бы вы, какія басни разсказываются по этому поводу.

Я.—Вы не изъ числа тѣхъ, кто ихъ выдумываетъ?

Онъ.—Почему нѣтъ?

Я.—Потому что неприлично, по меньшей мѣрѣ, насмѣхаться надъ своими благодѣтелями.

Онъ.—Но развѣ не хуже ссылаться на свои благодѣянія для того, чтобы унижать благодѣтельствуемаго?

Я.—Но если бы послѣдній не былъ низокъ душой, благодѣтель не присваивалъ бы себѣ такого права.

Онъ.— Но если бы эти люди не были сами по себѣ смѣшны, на ихъ счетъ не прохаживались бы забавными выдумками. И развѣ я виноватъ, что они сводятъ знакомство съ негодяями? Развѣ я виноватъ, что, сведя такое знакомство, они видятъ вокругъ себя измѣну и издѣвательства? Кто рѣшается жить въ обществѣ такихъ людей, какъ мы, тому достаточно простого здраваго смысла, чтобы понять, что его ожидаютъ безконечныя гнусности. Когда насъ берутъ къ себѣ,

развѣ не знаютъ, что мы за люди, развѣ не знаютъ, что мы корыстолюбивы, подлы и коварны? А если насъ знаютъ, такъ и хорошо. Между нами существуетъ молчаливое соглашеніе, въ силу котораго намъ будутъ дѣлать добро, а мы рано или поздно отплатимъ за сдѣланное добро зломъ. Развѣ такое же соглашеніе не существуютъ между человѣкомъ и его обезьяной или попугаемъ? Ле-Бренъ громко жалуется, что его собутыльникъ и пріятель Палисо сочинилъ на него куплеты. Палисо долженъ былъ сочинить куплеты и виноватъ не онъ, а Ле-Бренъ. Паунсинэ громко жалуется, что Палисо приписалъ ему эти куплеты. Но Палисо долженъ былъ приписать Паунсинэ эти куплеты и виноватъ не онъ, а Паунсинэ. Маленькій аббатъ Рей громко жалуется на то, что его пріятель Палисо, котораго онъ ввелъ къ своей любовницѣ, отбилъ у него эту любовницу; но не слѣдовало вводить къ своей любовницѣ такого человѣка, какъ Палисо, или слѣдовало быть готовымъ лишиться ея. Палисо исполнилъ свой долгъ и виноватъ не онъ, а Рей. Книгопродавецъ Давидъ громко жалуется на то, что его компаньонъ Палисо спалъ или хотѣлъ спать съ его женой; жена Давида громко жалуется на то, что Палисо увѣряетъ каждаго встрѣчнаго, что онъ спалъ съ ней; трудно рѣшить, спалъ или не спалъ Палисо съ женой Давида, ибо жена должна была отрицать то, что было, а Палисо могъ увѣрять о томъ, чего не было; какъ бы тамъ ни было, а Палисо исполнилъ свою роль и не онъ виноватъ, а Давидъ и его жена. Гельвецій громко жалуется на то, что Палисо выставилъ его въ одной пьесѣ безчестнымъ человѣкомъ, тогда какъ Палисо еще не возвратилъ ему денегъ, взятыхъ взаймы, чтобы поправить свое здоровье, кормиться и одѣть-

ся; но развѣ Гельвецій могъ ожидать иного образа дѣйствій отъ человѣка, который замаралъ себя разными низостями; который ради развлеченія убѣдилъ своего пріятеля отказаться отъ своей религіи; который захватилъ имущество своихъ компаньоновъ; у котораго нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни благородства чувствъ; который старается разбогатѣть per fas et nefas; который считаетъ дни по числу совершенныхъ имъ преступленій, и который самъ вывелъ себя на сцену самымъ опаснымъ мошенникомъ,—это такое безстыдство, которому, я полагаю, еще не было и никогда не будетъ другого примѣра? Нѣтъ, тутъ виновенъ не Палисо, а Гельвецій. Если бы какой-нибудь провинціалъ, придя въ версальскій звѣринецъ, просунулъ по глупости руку въ клѣтку тигра или пантеры, и если бы его рука осталась въ пасти дикаго звѣря, кто былъ бы виновникомъ? Все это изложено въ молчаливомъ соглашеніи, и тѣмъ хуже для того, кто не признаетъ или забываетъ его. Сколькихъ людей, вслѣдствіе этого всеобщаго и священнаго соглашенія, слѣдуетъ признать неосновательно обвиненными въ дурныхъ поступкахъ, между тѣмъ какъ всю вину слѣдуетъ возлагать на собственную глупость. Да, милостивая государыня, вы сами виноваты, когда собираете вокругъ себя такихъ людей, которыхъ вы называете отродьями, и когда эти отродья дѣлаютъ вамъ разныя мерзости, заставляютъ васъ дѣлать мерзость и навлекаютъ на васъ негодованіе честныхъ людей. Честные люди дѣлаютъ то, что должны дѣлать; отродья также дѣлаютъ то, что должны дѣлать, и вы виноваты,—зачѣмъ ихъ принимаете. Если бы Бертэнъ жилъ со своей любовницей тихо и спокойно; если бы, благодаря честности своихъ харак-

теровъ, они сошлись съ честными людьми; если бы они собирали у себя людей талантливыхъ, людей извѣстныхъ въ обществѣ своими достоинствами; если бы они искали развлеченія въ небольшомъ кружкѣ просвѣщенныхъ людей,—будьте увѣрены, на ихъ счетъ не стали бы сочинять ни хорошихъ, ни плохихъ выдумокъ. Что же съ ними случилось? То, чего они заслуживали. Они были наказаны за свое неблагоразуміе, а мы—тѣ, кому предназначено Провидѣніемъ воздавать должное всѣмъ современнымъ Бертэнамъ точно такъ же, какъ нашимъ потомкамъ предназначено воздавать должное будущимъ Бертэнамъ. Но въ то время, какъ мы приводимъ въ исполненіе справедливые приговоры Провидѣнія надъ глупцами, вы приводите въ исполненіе его справедливые приговоры надъ нами, изображая насъ такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Что подумали бы вы о насъ, если бы, несмотря на наши постыдные нравы, мы стали бы заявлять претензіи на общее уваженіе? Вы сочли бы насъ за безумцевъ. А тотъ, кто ожидаетъ честныхъ поступковъ отъ людей, которые родились порочными, съ низкимъ и подлымъ характеромъ, развѣ можетъ считаться разсудительнымъ? Въ этомъ мірѣ все оплачивается. Есть два генеральныхъ прокурора: одинъ находится у вашихъ дверей и наказываетъ преступленія противъ общества, а другой—природа. Послѣдняя вѣдаетъ всѣ пороки, ускользающіе отъ установленной закономъ кары. Вы предаетесь разврату,—у васъ будетъ водянка; вы пьянствуете,—у васъ будетъ болѣзнь легкихъ; вы открываете двери негодяямъ и живете въ ихъ обществѣ,—васъ будутъ обманывать, подымать на смѣхъ, презирать; всего проще подчиниться этимъ справедливымъ приговорамъ и сказать самому

себѣ: такъ должно быть; одно изъ двухъ—или надо встряхнуть ушами и исправиться, или же оставаться такимъ, каковъ есть, но при упомянутыхъ выше условіяхъ.

Я.—Вы правы.

Онъ.—Впрочемъ, изъ всѣхъ злыхъ выдумокъ нѣтъ ни одной, которая была бы моимъ произведеніемъ: я ограничиваюсь ролью разносчика новостей...

(Разсказываетъ анекдотъ).

Я.—Вы болтунъ. Поговоримъ о другомъ. Съ самаго начала нашего разговора у меня вертится на языкѣ одинъ вопросъ.

Онъ.—Отчего же такъ долго вы не задавали его?

Я.—Оттого, что онъ казался мнѣ нескромнымъ.

Онъ.—Послѣ всего того, что я только что вамъ высказалъ, у меня больше нѣтъ никакой тайны, которую я захотѣлъ бы скрыть отъ васъ.

Я.—Вы, конечно, не сомнѣваетесь насчетъ моего мнѣнія о васъ?

Онъ.—Нисколько. Въ вашихъ глазахъ я самое отвратительное и достойное презрѣнія существо; иногда, правда, рѣдко я самъ бываю такого же мнѣнія о самомъ себѣ; я чаще хвалю, чѣмъ порицаю себя за свои пороки; вы болѣе постоянны въ своемъ презрѣніи ко мнѣ.

Я.—Это правда; но зачѣмъ же вы обнаруживаете предо мной всю вашу низость.

Онъ.—Во-первыхъ, потому, что она въ значительной степени уже извѣстна вамъ, а во-вторыхъ, потому что, раскрывая передъ вами все до конца, я этимъ болѣе выигрываю, чѣмъ теряю.

Я.—Какъ такъ? объясните, пожалуйста.

Онъ.—Потому что во злѣ особенно необходима

высшая степень совершенства. На мелкаго воришку плюютъ, но важному преступнику нельзя отказать въ нѣкотораго рода уваженіи: его мужество удивляетъ насъ, его звѣрство заставляетъ насъ содрагаться. Во всемъ цѣнится цѣльность характера.

Я.—Но вы, кажется, еще не достигли такой почтенной цѣльности характера; я нахожу, что вы иногда не тверды въ вашихъ принципахъ; трудно также рѣшить, получили ли вы свои дурныя свойства отъ природы или они плодъ пріобрѣтенныхъ вами познаній, и достигли ли вы путемъ этихъ познаній всѣхъ возможныхъ результатовъ.

Онъ.—Я согласенъ съ вами, но я сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что могъ. Развѣ я не былъ настолько скроменъ, что признавалъ нѣкоторыхъ людей выше меня въ моей спеціальности? Развѣ я не говорилъ о Бурэ съ глубочайшимъ уваженіемъ? Бурэ, это —первый человѣкъ въ мірѣ по этой части.

Я.—Но послѣ Бурэ вы занимаете первое мѣсто?

Онъ. —Нѣтъ.

Я. —Такъ Палисо?

Онъ. —Палисо, но не онъ одинъ.

Я. —Кто же достоинъ занимать рядомъ съ нимъ второе мѣсто?

Онъ. —Авиньонскій ренегатъ.

Я. —Я никогда ничего не слыхалъ объ этомъ авиньонскомъ ренегатѣ: но это, должно быть, очень необыкновенный человѣкъ.

Онъ. —Да, очень.

Я. —Исторія великихъ людей всегда интересовала меня.

Онъ.—Еще бы. Этотъ человѣкъ жилъ у одного добраго и честнаго старика, принадлежавшаго къ тѣмъ

потомкамъ Авраама, о которыхъ было сказано, что потомство ихъ будетъ такъ же многочисленно, какъ звѣзды небесныя.

Я. —У еврея?

Онъ. —Да, у еврея. Сначала онъ внушилъ сострадание къ себѣ, потомъ пріобрѣлъ расположеніе и, наконецъ, самое полное довѣріе; вѣдь такъ всегда случается; мы такъ полагаемся на оказанныя нами благодѣянія, что почти всегда повѣряемъ всѣ наши тайны тому, кого мы осыпали ими,—можно ли послѣ этого удивляться что люди бываютъ неблагодарны, когда мы сами вовлекаемъ ихъ въ соблазнъ быть не благодарными безнаказанно. Такое основательное соображеніе не пришло въ голову нашему еврею. И такъ, онъ открылся ренегату, что совѣсть не позволяетъ ему ѣсть свинину. Вы увидите далѣе, какую пользу умѣлъ извлечь изъ этого признанія плодовитый умъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ нашъ ренегатъ былъ еще болѣе услужливъ; наконецъ, когда онъ убѣдился. что еврей былъ совершенно очарованъ его вниманіемъ, что во всемъ Израилѣ нѣтъ у него лучшаго друга... Подивитесь осторожности этого человѣка! Онъ не торопится, и прежде, чѣмъ встряхнуть яблочную вѣтвь, онъ даетъ яблоку время созрѣть: излишняя горячность могла бы испортить все дѣло. Вѣдь обыкновенно бываетъ такъ, что величіе характера является результатомъ естественнаго равновѣсія между нѣсколькими взаимнопротивоположными свойствами.

Я.—Оставьте ваши разсужденія и продолжайте разсказъ.

Онъ.—Это невозможно: бываютъ дни, когда я не въ состояніи воздерживаться отъ разсужденій; это

своего рода болѣзнь, которой слѣдуетъ предоставить свободное теченіе. На чемъ же я остановился?

Я.—На упрочившейся дружбѣ между евреемъ и ренегатомъ.

Онъ.—Итакъ, яблоко созрѣло... Но вы не слушаете меня: о чемъ вы задумались?

Я.—Я думаю о томъ, что вы то повышаете, то понижаете тонъ вашего голоса.

Онъ.—Развѣ тонъ порочнаго человѣка можетъ быть всегда одинъ и тотъ же?.. Однажды вечеромъ онъ входитъ къ своему пріятелю съ испуганнымъ лицомъ, голосъ его прерывается отъ волненія, лицо блѣдно, какъ смерть, все тѣло дрожитъ.

— «Что съ вами?

— «Мы пропали.

— «Пропали! Почему?

— «Пропали, говорю вамъ, безвозвратно.

— «Объяснитесь же..

— «Подождите, не могу придти въ себя отъ ужаса.

— «Успокойтесь же...

— «Одинъ измѣнникъ сдѣлалъ на насъ доносъ святой инквизиціи, на васъ, какъ на еврея, и на меня, какъ на гнуснаго ренегата...»

— Замѣтьте, что этотъ негодяй не краснѣя употреблялъ самыя рѣзкія выраженія. Чтобы называть себя этимъ именемъ, нужно имѣть болѣе мужества, чѣмъ думаютъ; вы не знаете, съ какимъ трудомъ это достигается.

Я.—Конечно, не знаю. Но этотъ гнусный ренегатъ?

Онъ.—Притворялся, но это очень ловкое притворство. Еврей приходитъ въ ужасъ, рветъ себѣ бороду, катается по-полу; ему кажется, что сыщики уже у него въ домѣ, что на него уже надѣли плащъ приго-

вореннаго къ смерти; что уже готовъ для него костеръ. «Мой другъ», восклицаетъ онъ, «мой нѣжный, мой единственный другъ, что же дѣлать?»

— «Что дѣлать? Не надо скрываться, быть совершенно спокойнымъ и вести себя, какъ всегда. Процедура этого трибунала секретна, но медленна; надо воспользоваться ея медленностью, чтобы все распродать. Я найму или прикажу нанять корабль третьему лицу, да, это гораздо лучше сдѣлать чрезъ третье лицо; мы сложимъ туда все ваше имущество, такъ какъ они мѣтятъ, главнымъ образомъ, въ ваше состояніе, и мы отправимся вдвоемъ искать подъ другимъ небомъ свободы поклоняться нашему Богу, безопасно исполнять законъ Авраама и нашей совѣсти. Самое важное въ настоящемъ опасномъ положеніи то, чтобы не сдѣлать какой-нибудь оплошности»...

Сказано—сдѣлано. Корабль нанятъ, снабженъ съѣстными припасами и матросами; богатство еврея сложено на бортъ корабля; завтра съ восходомъ солнца они отправятся въ путь, завтра они спасутся отъ своихъ гонителей, а сегодня могутъ весело поужинать и спокойно заснуть. Ночью ренегатъ встаетъ, обшариваетъ еврея, беретъ его бумажникъ и драгоцѣнности, садится на корабль, и поминай, какъ звали...

И вы думаете: это все? Какъ бы не такъ!

Когда мнѣ разсказали эту исторію, я угадалъ то, о чемъ умолчалъ теперь, чтобы испытать вашу проницательность. Вы хорошо сдѣлали, что пошли въ честные люди, иначе вы были бы плохимъ мошенникомъ. До сихъ поръ ренегатъ не болѣе, какъ такой мошенникъ, не болѣе, какъ жалкій негодяй, на котораго никто не захотѣлъ бы походить. Высокое достоинство его продѣлки заключается въ томъ, что онъ самъ до-

несъ на своего пріятеля еврея, который былъ схваченъ, по приказанію святой инквизиціи, на другой день утромъ, а по истеченіи нѣсколькихъ дней сожженъ на кострѣ. Такимъ-то образомъ ренегатъ сдѣлался спокойнымъ обладателемъ состоянія этого проклятаго потомка тѣхъ, кто распялъ нашего Спасителя.

Я.—Я затрудняюсь рѣшить, что возбуждаетъ во мнѣ большій ужасъ: злодѣйство ли вашего ренегата, или тонъ, которымъ вы разсказываете объ этомъ.

Онъ.—Вотъ это именно то, о чемъ я вамъ говорилъ, безчеловѣчность этого поступка заглушаетъ въ васъ чувство негодованія, потому-то я и былъ такъ чистосердеченъ. Я хотѣлъ, чтобы вы знали, до какого совершенства я дошелъ въ моемъ искусствѣ; я хотѣлъ вызвать признаніе съ вашей стороны, что я, по крайней мѣрѣ, оригиналенъ въ моей низости; я хотѣлъ стать въ вашемъ мнѣніи наравнѣ съ великими мошенниками и потомъ воскликнуть: Vivat Mascarillus, fourbum imperator! Ну-ка, господинъ философъ, воскликнемъ вмѣстѣ: Vivat Mascarillus, fourbum imperator!

(Затѣмъ Рамо начинаетъ представлять пантомимой какую-то фугу, и разговоръ переходитъ на различные предметы, касающіеся музыки).

Я.—Какъ это могло случиться, что при такомъ изящномъ вкусѣ, при такой сильной чувствительности къ красотамъ музыкальнаго искусства, вы такъ слѣпы къ красотамъ морали, такъ нечувствительны къ прелестямъ добродѣтели?

Онъ.—Это, очевидно, происходитъ оттого, что для этихъ вещей требуется такое чувство, какого у меня нѣтъ, требуется такая фибра, какая мнѣ не дана, а если и дана, то такая слабая, что сколько ее ни шевели,

она не даетъ никакого звука, или, можетъ быть, это происходитъ оттого, что я всегда жилъ среди хорошихъ музыкантовъ и дурныхъ людей, отчего слухъ мой сдѣлался очень тонкимъ, а сердце глухимъ. Сверхъ того, тутъ есть и кое-что врожденное. Мой отецъ и дядя одной крови; у меня кровь та же, что у моего отца, отцовская молекула была жестка и груба, и эта первоначальная проклятая молекула ассимилировала себѣ все остальное.

Я.—Вы любите своего ребенка?

Онъ.—Еще бы не любить этого маленькаго дикаря! Я безъ ума отъ него.

Я.—Неужели вы не приложите серьезнаго старанія, чтобы избавить его отъ вліянія проклятой отцовской молекулы?

Онъ.—Думаю, труды мои пропали бы понапрасну. Если ему суждено быть честнымъ человѣкомъ, я не помѣшаю ему въ этомъ; но если бы молекула захотѣла, чтобы онъ былъ такимъ же негодяемъ, какъ его отецъ, всѣ мои старанія сдѣлать изъ него честнаго человѣка оказались бы напрасными. Такъ какъ вліяніе воспитанія постоянно перекрещивалось бы съ вліяніемъ молекулы, то онъ находился бы подъ дѣйствіемъ двухъ противоположныхъ силъ и шелъ бы по жизненному пути зигзагами, какъ это дѣлаетъ на моихъ глазахъ множество людей, одинаково неспособныхъ ни на добро, ни на зло. Такихъ людей мы называемъ отродьями, самымъ отвратительнымъ изъ всѣхъ эпитетовъ, потому что онъ обозначаетъ посредственность и самую крайнюю степень презрѣнія. Великій негодяй—великъ и потому онъ не можетъ считаться отродьемъ. А прежде, чѣмъ отцовская молекула возьметъ въ ребенкѣ верхъ и доведетъ его до той полной низости, до которой

дошелъ я, потребуется много времени, и онъ потеряетъ свои лучшіе годы. Теперь я еще не вмѣшиваюсь въ его воспитаніе, а только наблюдаю за нимъ. Онъ уже жаденъ, лукавъ, лѣнивъ, лживъ; я полагаю, что онъ будетъ весь въ отца.

Я.—А чтобы сходство было полное, вы сдѣлаете изъ него музыканта?

Онъ.—Музыканта! Иногда, смотря на него, я говорю со скрежетомъ зубовнымъ: я, кажется, сверну тебѣ шею, если ты когда-нибудь будешь знать хоть одну только ноту.

Я.—Почему же?

Онъ.—Музыка ни къ чему не ведетъ.

Я.—Она ведетъ ко всему.

Онъ.—Да, когда дойдешь въ ней до совершенства; кто же можетъ разсчитывать на то, что его сынъ достигнетъ совершенства? Есть десять тысячъ шансовъ противъ одного, что изъ него выйдетъ такой же жалкій скрипачъ, какъ я. Знаете ли вы, что едва ли не легче найти ребенка, годнаго для управленія королевствомъ и способнаго сдѣлаться великимъ королемъ, чѣмъ такого, который могъ бы быть великимъ скрипачемъ?

Я.—Мнѣ кажется, что человѣкъ съ музыкальнымъ, хотя и посредственнымъ, талантомъ можетъ быстро сдѣлать блестящую карьеру среди общества, съ испорченными нравами, погрязшаго въ развратѣ и роскоши.

(Въ доказательство своей мысли Дидро сослался на свой разговоръ съ Бемецридеромъ, изъ котораго ему стало ясно, что никакія познанія его ни по математикѣ, ни по юриспруденціи, ни по исторіи и географіи не цѣнятся, но что его знаніе музыки могло бы принести ему при нѣкоторомъ благоразуміи солидныя выгоды).

Онъ.—Несомнѣнно, намъ нужно золото и золото: золото—все, а остальное безъ золота ничего не стоитъ. Потому-то я и не набиваю ему голову прекрасными принципами, которые онъ долженъ будетъ позабыть, если не захочетъ быть нищимъ; а когда у меня есть луидоръ, что случается не часто, я сажусь противъ него, вынимаю луидоръ изъ своего кармана, показываю ему съ восхищеніемъ, подымаю глаза къ нему и цѣлую луидоръ, а для того, чтобы онъ еще лучше понялъ важность этого священнаго предмета, я объясняю ему словами и жестами все, что можно съ помощью его пріобрѣсть: прекрасное платье, красивую шапку, вкусное пирожное; потомъ я опускаю луидоръ въ карманъ , съ гордостью прохаживаюсь по комнатѣ, приподнимаю полы моего камзола и похлопываю по карману рукой,—этимъ я даю ему понять, что отъ находящагося въ карманѣ луидора происходитъ то чувство удовлетворенія, которое онъ во мнѣ замѣчаетъ.

Я.—Это очень хорошо придумано; но если случилось бы, что, глубоко проникнувшись сознаніемъ важности луидора, онъ когда-нибудь?..

Онъ.—Я васъ понимаю. Нужно дѣлать видъ, какъ будто бы не замѣчаешь этого; вѣдь нѣтъ такого нравственнаго принципа, который не представлялъ бы какихъ нибудь неудобствъ. Въ самомъ худшемъ случаѣ пришлось бы провести непріятную четверть часа и все этимъ кончилось бы.

Я.—Все-таки, вопреки такимъ смѣлымъ и здравымъ сужденіямъ, я остаюсь при томъ мнѣніи, что хорошо было бы сдѣлать изъ него музыканта. Я не знаю лучшаго средства втираться къ вліятельнымъ людямъ, поддѣлываться подъ ихъ порочныя наклон-

ности и извлекать пользу изъ своихъ собственныхъ пороковъ.

Онъ.—Это правда; но у меня есть другой проектъ, который быстрѣе и вѣрнѣе обезпечиваетъ успѣхъ. Ахъ, если бы это была дочь! Но такъ какъ нельзя дѣлать все то, что хочешь, то нужно брать то, что есть, извлекать наибольшую пользу и не слѣдовать примѣру тѣхъ глупыхъ отцовъ, которые поступаютъ такъ, какъ можно было бы поступать только желая гибели своихъ дѣтей, и даютъ спартанское воспитаніе дѣтямъ, которымъ суждено жить въ Парижѣ. Если данное мною воспитаніе окажется дурнымъ, въ этомъ будутъ виноваты нравы моей націи, а не я. Пусть отвѣтственность за это падетъ, на кого слѣдуетъ; я хочу, чтобы сынъ мой былъ счастливъ, или—что то же самое—чтобы онъ пользовался почетомъ, былъ богатъ и вліятеленъ. Я немного знакомъ съ самыми удобными путями, ведущими къ этой цѣли, и заблаговременно укажу ихъ ему. Если такіе мудрецы, какъ вы, будутъ осуждать меня, толпа и успѣхъ оправдаютъ меня. У него будетъ золото,—это я вамъ говорю, а когда у него будетъ много золота, у него ни въ чемъ не будетъ недостатка, ни даже въ вашемъ почтеніи и уваженіи.

Я.—Вы можете ошибиться.

Онъ.—Въ такомъ случаѣ онъ и такъ обойдется, подобно столькимъ другимъ...

(Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ было много такихъ, которыя многимъ приходятъ въ голову, которыми многіе руководствуются въ жизни, но которыхъ никто не высказываетъ. Вотъ въ сущности въ чемъ заключается различіе между моимъ героемъ и большинствомъ окружающихъ насъ людей. Онъ признавался въ порокахъ, которые были у него и которые есть у другихъ, но онъ не былъ лицемѣренъ. Онъ не былъ ни болѣе ни менѣе отвратителенъ,

чѣмъ они; онъ былъ только болѣе откровененъ и болѣе послѣдователенъ, а иногда даже глубокомысленъ въ своей нравственной испорченности. Я съ ужасомъ помышлялъ о томъ, какимъ сдѣлается сынъ у такого наставника. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при понятіяхъ о воспитаніи, въ точности соотвѣтствующихъ нашимъ нравамъ, онъ зайдетъ далеко, если только заблаговременно его не остановятъ на этомъ пути).

Онъ.—О, не бойтесь ничего, главная и трудная задача, которую хорошій отецъ долженъ имѣть въ виду, заключается не въ томъ, чтобы развить въ своемъ сынѣ такіе пороки, которые могли бы обогатить его, или такія забавныя странности, которыя сдѣлали бы его дорогимъ для вельможъ,—вѣдь это всякій умѣетъ дѣлать, если не по системѣ, какъ я, то изъ подражанія или по указанію другихъ; задача заключается въ томъ, чтобы онъ зналъ надлежащую мѣру, умѣлъ увертывать отъ позора, отъ безчестья, отъ законовъ. Это—диссонансы въ общественной гармоніи, которые нужно умѣть кстати помѣстить, подготовить и выдержать. Нѣтъ ничего столь безцвѣтнаго, какъ рядъ совершенно правильныхъ аккордовъ; надо, чтобы что-нибудь разсѣкало пучокъ свѣта и разбрасывало лучи его по сторонамъ.

Я.—Очень хорошо: этимъ сравненіемъ вы даете мнѣ поводъ перейти отъ нравовъ къ музыкѣ, отъ которой я невольно отклонился, и я благодарю васъ за это, потому что, говоря откровенно, я предпочитаю въ васъ музыканта моралисту.

Онъ.—Однако, я очень посредственен въ музыкѣ и положительно превосходенъ въ морали.

Я.—Я сомнѣваюсь въ этомъ: но если бы вы не ошибались, я долженъ сказать вамъ, что я честный человѣкъ и что ваши принципы не мои.

Онъ.—Тѣмъ хуже для васъ. Ахъ, если бы у меня были ваши дарованія!

Я.—Оставимъ въ сторонѣ мои дарованія и возвратимся къ вашимъ.

Онъ.—О, если бы я умѣлъ выражаться, какъ вы! Но у меня, чортъ знаетъ, какіе нелѣпые обороты рѣчи, частью напоминающіе языкъ свѣтскихъ людей и литераторовъ, частью—жаргонъ рыночныхъ торговокъ.

Я.—Я говорю дурно; я только умѣю говорить правду, а это, какъ вамъ извѣстно, не всегда кстати.

Онъ.—Но я желалъ бы имѣть ваши дарованія не для того, чтобы говорить правду, а, напротивъ, чтобы искусно высказывать ложь. О, если бы я умѣлъ писать, стряпать книги, сочинять посвященія, приводить глупца въ восторгъ описаніемъ его достоинствъ, вкрадываться въ довѣріе къ женщинамъ!

Я.—Но вы умѣете все это дѣлать въ тысячу разъ лучше меня, я даже былъ бы недостоинъ быть вашимъ ученикомъ.

Онъ.—Сколько пропадаетъ великихъ достоинствъ, которымъ вы не знаете цѣны!

Я.—Я получилъ отъ нихъ то, во что ихъ цѣню.

Онъ.—Если бы это было такъ, вы не носили бы этого грубаго платья, этого камзола изъ грубой матеріи, этихъ шерстяныхъ чулокъ, этихъ толстыхъ башмаковъ и этого старомоднаго парика.

Я.—Согласенъ. Кто позволяетъ себѣ все ради достиженія богатства, тотъ долженъ быть очень неловокъ, если остается бѣднякомъ; но вѣдь есть и такіе люди, какъ я, которые не считаютъ богатство за самую цѣнную вещь въ мірѣ,—это—странные люди.

Онъ.—Очень странные. Человѣкъ не родится съ

такимъ складомъ ума, а пріобрѣтаетъ его, потому что онъ не въ природѣ...

Я.—Не въ природѣ человѣка.

Онъ.—Да, все, что живетъ, безъ исключенія, старается достигнуть благосостоянія на счетъ тѣхъ, отъ кого можетъ его получить, и я увѣренъ, что если бы я предоставилъ моему маленькому дикарю развиваться безъ всякаго съ моей стороны руководства, онъ захотѣлъ бы быть богато одѣтымъ, отлично ѣсть, быть любимымъ мужчинами, нравиться женщинамъ и сосредоточить на себѣ всѣ блага жизни.

Я.—Если бы маленькій дикарь, предоставленный самому себѣ, сохранилъ все свое слабоуміе, и къ неразумности маленькаго мальчика присоединилъ буйныя страсти тридцатилѣтняго мужчины, онъ удавилъ бы своего отца и обезчестилъ бы свою мать.

Онъ.—Это доказываетъ необходимость хорошаго воспитанія. Кто же съ этимъ не согласенъ? И развѣ не то воспитаніе хорошо, которое ведетъ ко всякаго рода утѣхамъ безъ опасности и безъ затрудненій?

Я.—Я не очень далекъ отъ того, чтобы раздѣлить ваше мнѣніе; но не будемъ входить въ дальнѣйшія разсужденія.

Онъ.—Почему?

Я.—Потому что я опасаюсь ,что мы будемъ согласны другъ съ другомъ только съ виду, и разойдемся во мнѣніяхъ, лишь только станемъ обсуждать опасности и затрудненія, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

Онъ.—Какая же будетъ отъ этого бѣда?

Я.—Оставимъ это, прошу васъ: тому, что мнѣ извѣстно по этому предмету, вы не научитесь, и вамъ гораздо легче научить меня тому, чего я не знаю, тому, что вы знаете въ музыкѣ. Будемъ же говорить, милый

Рамо, о музыкѣ, и скажите мнѣ, какъ могло случиться, что вы не произвели ничего замѣчательнаго въ этой области, несмотря на то, что вы съ такой легкостью чувствуете, понимаете, запоминаете и передаете лучшія мѣста великихъ композиторовъ, и несмотря на то, что они возбуждаютъ въ васъ энтузіазмъ, который вы умѣете сообщать другимъ?

(Вмѣсто отвѣта онъ сталъ качать головой и, показывая пальцемъ на небо, воскликнулъ:)

— А судьба, а судьба! Когда природа создавала Лео, Винчи, Перголеза, Дюни, она улыбнулась; она приняла важный и серьезный видъ, когда создавала моего дорогого дядюшку, котораго будутъ называть въ продолженіе какого-нибудь десятилѣтія великимъ Рамо, и о которомъ скоро вовсе перестанутъ говорить. Когда же она состряпала его племянника, она сдѣлала гримасу, еще гримасу и опять гримасу...

(при этомъ онъ выдѣлывалъ лицомъ разныя г р и м а с ы, выражая то презрѣніе, то негодованіе, то иронію; въ то же время онъ будто мѣсилъ пальцами тѣсто и самъ смѣялся надъ различными формами, которыя онъ придавалъ ему; затѣмъ онъ отбросилъ далеко отъ себя вылѣпленную уродливую фигуру и сказалъ:)

— Вотъ такъ она создала меня и бросила рядомъ съ другими фигурами, изъ которыхъ однѣ были съ большими отвислыми животами, съ короткими шеями, съ большими на выкатѣ глазами и съ предрасположеніемъ къ апоплексіи; другія—съ кривыми шеями; иныя были сухощавыя, съ быстрыми глазами, съ загнутыми крючкомъ носами. Увидя меня, всѣ они стали надрываться со смѣху, а я, увидя ихъ, схватился за бока и тоже сталъ надрываться со-смѣху; глупцы и сумасшедшіе забавляются другъ надъ другомъ, ищутъ другъ

друга и чувствуютъ взаимное влеченіе. Если бы, очутившись въ этомъ обществѣ, я не нашелъ уже готовой пословицы: *деньги глупцовъ—достояніе умныхъ людей*, то я непремѣнно выдумалъ бы ее. Я понялъ, что природа положила приходящуюся мнѣ законную долю въ кошелекъ этихъ болванчиковъ, и сталъ придумывать тысячи способовъ, чтобы извлечь ее оттуда.

Я.—Я уже знакомъ съ этими способами: вы говорили о нихъ и я восхищался ими; но почему же, прибѣгая къ столькимъ способамъ, вы не попробовали написать что-нибудь хорошее?

Онъ.—Когда я бываю наединѣ съ самимъ собою, я беру перо и хочу писать; грызу себѣ ногти, ломаю голову, но, увы, вдохновенья нѣтъ; я увѣряю себя, что я геній, но, написавъ одну строчку, прочитываю, что я глупецъ, ничего больше, какъ глупецъ. И развѣ можно чувствовать, возвышаться душой, мыслить, изображать яркими красками, когда вращаешься въ кругу людей, которые нужны только для того, чтобы было что поѣсть, и когда не ведешь и не слышишь иного разговора, кромѣ болтовни въ родѣ слѣдующей: «Сегодня на бульварѣ было прелестно!»—«Слышали ли вы маленькую Мармоттъ? она играетъ восхитительно».—«У г-на такого-то была великолѣпная пара сѣрыхъ въ яблокахъ».—«Красота г-жи такой-то начинаетъ увядать: развѣ можно носить такую прическу въ 45 лѣтъ?» —«Молодая такая-то усыпана бриллiантами, которые ей ничего не стоютъ».

— «Вы хотите сказать, что они стоютъ дорого?»

— «Вовсе нѣтъ».—«Гдѣ вы видѣли ее?» — «Въ театрѣ. Сцена отчаянія была такъ хорошо исполнена, какъ никогда». У ярморочнаго полишинеля есть голосъ, но нѣтъ ни нѣжности, ни души. Г-жа такая-то

родила заразъ двухъ дѣтей: каждый отецъ возьметъ своего...» Неужели вы думаете, что, ежедневно болтая и слушая такой вздоръ, можно вдохновиться и совершить какое-нибудь великое дѣло?

Я.—Нѣтъ; по-моему, лучше запереться на своемъ чердакѣ, пить одну воду, питаться черствымъ хлѣбомъ и углубляться въ самого себя.

Онъ.—Можетъ быть; но я не имѣю достаточно мужества для этото. Къ тому же, пришлось бы пожертвовать своимъ благополучіемъ ради сомнительнаго успѣха. А имя, которое я ношу? Рамо!.. называться Рамо, это—нѣсколько стѣснительно. Талантъ не то, что потомственное дворянство: послѣднее пріобрѣтаетъ все больше и больше блеска, переходя отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, но при этомъ прадѣдъ не требуетъ отъ своихъ потомковъ никакихъ личныхъ достоинствъ; старый родъ пускаетъ отъ себя многочисленное колѣно глупцовъ, но кому до этого дѣло? Не то бываетъ съ талантомъ. Только для того, чтобы достигнуть извѣстности своего отца, надо быть болѣе искуснымъ, нежели онъ; надо унаслѣдовать его фибру... Фибры у меня не хватило, но у меня развилась ловкость въ рукахъ; смычекъ ходитъ,—и горшокъ стоитъ на плитѣ: если и нѣтъ у меня славы, зато есть бульонъ.

Я.—На вашемъ мѣстѣ я не остановился бы на этомъ, я попытался бы... Къ чему бы человѣкъ ни прилагалъ своего труда, оказывается, что природа предназначила его къ этому.

Онъ.—Она дѣлаетъ странные промахи. Что касается меня, то я не смотрю съ такой высоты, откуда ничего не различишь: не то человѣкъ обстригаетъ ножницами деревья, не то гусеница объѣдаетъ листья на де-

ревѣ; видны только два различныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ каждое занято своимъ дѣломъ. Взлѣзьте, если вамъ угодно, на эпициклъ Меркурія и оттуда, въ подраженіе Реомюру, распредѣляйте по классамъ всѣ творенія,—онъ распредѣляетъ мухъ на портнихъ, межевщицъ, жницъ, а вы—людей на столяровъ, плотниковъ, кровельщиковъ, танцоровъ, пѣвцовъ; это ваше дѣло, я въ него не вмѣшиваюсь. Я живу въ этомъ мірѣ и въ немъ остаюсь. Но такъ какъ имѣть аппетитъ—въ природѣ вещей,—я постоянно обращаюсь къ аппетиту, потому что это чувство всегда мнѣ присуще,—то я не могу назвать хорошими такіе порядки, при которыхъ не всегда имѣешь что ѣсть. Что за дьявольское устройство! Одни сыты по горло, а другіе, у которыхъ такой же неугомонный желудокъ и такое же безпрестанно возобновляющееся чувство голода, не имѣютъ что перекусить. Но самое худшее то, что необходимость навязываетъ намъ вынужденныя позы. Нуждающійся человѣкъ ходитъ не такъ, какъ другіе: онъ прыгаетъ, пресмыкается, кривляется, ползаетъ и проводитъ свою жизнь въ томъ, что принимаетъ различныя позы.

Я.—Что такое позы?

Онъ.—Спросите объ этомъ у Новерра *). Въ мірѣ ихъ больше, чѣмъ можетъ дать его искусство.

Я.—Вотъ и вы—прибѣгаю къ вашему выраженію или выраженію Монтеня—*взлѣзли на эпициклъ Меркурія* и наблюдаете оттуда за различными пантомимами человѣческаго рода.

Онъ.—Нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ, я слишкомъ тяжелъ, чтобы взбираться такъ высоко. Я предоставляю эоловымъ мѣхамъ носиться среди облаковъ, а

*) Извѣстный хореографъ.

самъ шествую по землѣ. Я наблюдаю за тѣмъ, что происходитъ вокругъ меня, и принимаю позы, или же забавляюсь, глядя на позы другихъ; я отличный пантомимъ, и вы можете наглядно въ этомъ убѣдиться.

(И онъ началъ улыбаться, представлять человѣка восхищающагося, умоляющаго и услуживающаго; правую ногу онъ выставилъ впередъ, лѣвую—отодвинулъ назадъ, спину согнулъ, голову поднялъ вверхъ, взоромъ словно приковался ко взорамъ другихъ, ротъ полуоткрылъ, руки протянулъ къ какому-то предмету; онъ ждетъ приказанія; получаетъ его, летитъ стрѣлой, возвращается; приказаніе исполнено, и онъ доноситъ объ этомъ; онъ весь вниманіе; онъ поднимаетъ съ пола, что упало; подаетъ подъ ноги подушку или табуретку; держитъ блюдечко, подаетъ стулъ; отворяетъ дверь, закрываетъ окно, задергиваетъ занавѣсъ, онъ наблюдаетъ за хозяиномъ и за хозяйкой; онъ стоитъ, какъ вкопанный, руки у него висятъ, ноги стоятъ прямо; онъ слушаетъ, старается угадать ихъ мысли).

— Вотъ моя пантомима, говоритъ онъ; она почти одна и та же и у льстецовъ, и у царедворцевъ, и у лакеевъ, и у бѣдняковъ.

(Буффонады этого господина, точно такъ же какъ разсказы аббата Галіани и смѣшныя выходки Раблэ иногда заставляли меня глубоко призадуматься. Это три складочныхъ мѣста, откуда я беру смѣшныя маски, которыя надѣваю на лица самыхъ важныхъ особъ, и тогда мнѣ кажется, что въ прелатѣ я вижу Панталона, въ какомъ-нибудь президентѣ—сатира, въ пустынникѣ—борова, въ министрѣ—страуса, въ его первомъ секретарѣ—гуся).

Я.—Однако, изъ вашихъ словъ можно заключить, что въ этомъ мірѣ много людей, живущихъ милостыней, между тѣмъ, я не знаю никого, кто не былъ бы знакомъ хоть съ нѣкоторыми па́ изъ вашего танца.

Онъ.—Вы правы. Во всемъ королевствѣ есть только

одинъ человѣкъ, который ходитъ,—это король, а всѣ остальные принимаютъ позы.

Я.—Король? И противъ этого можно возразить кое-что. Неужели вы думаете, что при видѣ маленькой ножки, красивой шейки, хорошенькаго носика не случается выдѣлывать ему легкой пантомимы? Всякій, кто нуждается въ другомъ, является нуждающимся человѣкомъ и потому онъ принимаетъ позы. Король принимаетъ позы предъ своей любовницей и выдѣлываетъ пантомимы, когда молится. Министръ выдѣлываетъ пантомиму царедворца, льстеца, лакея и нищаго передъ королемъ. Толпа честолюбцевъ принимаетъ предъ министромъ ваши позы, искажая ихъ на сотни манеръ, изъ которыхъ одна хуже другой. Знатный аббатъ въ своихъ брыжахъ и длинномъ верхнемъ платьѣ выдѣлываетъ то же самое, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю передъ тѣмъ, отъ кого зависитъ назначеніе на церковныя должности. Увѣряю васъ, что то, что вы называете пантомимой бѣдняковъ, есть не что иное, какъ мірская суета: у всякаго есть своя маленькая Юсъ и свой Бертэнъ.

Онъ.—Мнѣ утѣшительно слышать это.

(Въ то время, какъ я говорилъ, онъ такъ хорошо передразнивалъ тѣ личности, о которыхъ я упоминалъ, что можно было бы умереть со смѣху. Напримѣръ, чтобы представить маленькаго аббата, онъ дѣлалъ видъ, будто подъ мышкой у него шляпа, а въ лѣвой рукѣ требникъ; правой рукой онъ приподнималъ нижнія полы своей мантіи и подвигался впередъ, немного наклонивъ голову на бокъ, и такъ хорошо изображая лицемѣра, что, мнѣ казалось, я вижу, автора Refutaations *предъ епископомъ Орлеанскимъ).*

Я.—Это изображено съ совершенствомъ; однако есть такое существо, которое не нуждается въ пан-

томимѣ,—это, именно, философъ, ничего не имѣющій и ничего не просящій.

Онъ.—А гдѣ найти такое животное? Если у него ничего нѣтъ, оно страдаетъ: если оно ничего не проситъ, оно ничего не получитъ... и будетъ вѣчно страдать.

Я.—Нѣтъ. Діогенъ насмѣхался надъ человѣческими нуждами.

Онъ.—Однако надо быть одѣтымъ.

Я.—Нѣтъ, онъ ходилъ совершенно голый.

Онъ.—Въ Аѳинахъ иногда было холодно.

Я.—Не такъ холодно, какъ здѣсь.

Онъ.—Тамъ надо было ѣсть.

Я.—Конечно.

Онъ.—На чей же счетъ?

Я.—На счетъ природы. Къ кому обращается за пищей дикарь? Къ землѣ, къ животнымъ, къ рыбамъ, къ деревьямъ, къ травамъ, къ кореньямъ, къ ручьямъ.

Онъ.—Это плохой столъ.

Я.—Онъ разнообразенъ.

Онъ.—Но дурно приготовленъ.

Я.—Однако, это тотъ самый, отъ котораго переходятъ къ болѣе изысканному.

Онъ.—Но вы согласитесь съ тѣмъ, что все это видоизмѣняется, благодаря умѣнью нашихъ поваровъ, пирожниковъ, рестораторовъ, кондитеровъ. Чтобы придерживаться такой строгой діэты, вашъ Діогенъ долженъ былъ имѣть не очень прихотливые органы.

Я.—Вы ошибаетесь. Образъ жизни циника былъ когда то образомъ жизни нашихъ монаховъ и отличался такими же добродѣтелями. Аѳинскіе циники были то же, что у насъ кармелиты и францисканцы.

Онъ.—Я васъ ловлю на словѣ. Слѣдовательно,

Діогенъ также выдѣлывалъ пантомиму, если не передъ Перикломъ, то, по меньшей мѣрѣ, передъ Лаисой и Фриной.

Я.—Вы еще разъ ошибаетесь: другіе очень дорого платили распутной женщинѣ, которая отдавалась ему даромъ ради удовольствія.

Онъ.—Но если случалось, что куртизанка была занята, а цинику нельзя было терпѣть...

Я.—Онъ уходилъ въ свою бочку и обходился безъ нея.

Онъ.—Такъ вы посовѣтуете мнѣ подражать ему,

Я.—Ручаюсь головой, что такъ гораздо лучше, чѣмъ пресмыкаться, унижаться и проституировать себя.

Онъ.—Но мнѣ нужны хорошая постель, хорошій столъ, теплое платье зимой и легкое лѣтомъ; мнѣ нужны и спокойствіе, и деньги, и много другихъ вещей, которыя я предпочитаю получать отъ благотворителей, чѣмъ добывать трудомъ.

Я.—Это потому, что вы лѣнивъ, жаденъ, низокъ и грязенъ душой.

Онъ.—Я вамъ уже сознавался въ этомъ.

Я.—Конечно, удобства жизни имѣютъ свою цѣну, но вы не сознаете, какія жертвы вы приносите ради нихъ. Вы выдѣлываете и будете выдѣлывать подлую пантомиму, точно такъ же, какъ выдѣлывали ее до сихъ поръ.

Онъ.—Это правда. Но мнѣ это ничего не стоило и ничего не будетъ стоить, а потому съ моей стороны было бы неблагоразумно принимать другой аллюръ, который былъ бы для меня стѣснителенъ и отъ котораго я скоро отказался бы. Но изъ того, что вы сказали, я вижу, что моя женка была въ своемъ родѣ

философомъ. Она была отважна, какъ левъ; случалось, что у насъ не было куска хлѣба и ни копѣйки въ карманѣ, и что почти все наше тряпье продано; тогда я бросался на кровать, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, у кого бы занять одинъ экю, котораго я, конечно, никогда не отдавалъ; а она, веселая, какъ птичка, садилась за фортепіано и пѣла, сама себѣ аккомпанируя; у нея былъ соловьиный голосъ, и я жалѣю, что вы не слышали ея. Когда я участвовалъ въ какомъ-нибудь концертѣ, я бралъ ее съ собою и дорогой говорилъ ей: «Смотри же, сдѣлай такъ, чтобы всѣ тобой восхищались, разверни весь твой талантъ и всѣ твои прелести, увлеки и преклони предъ собой всѣхъ»... Она пѣла, увлекала и преклоняла всѣхъ предъ собой. Увы, я потерялъ это доброе существо! Помимо таланта, у нея былъ такой маленькій ротикъ, въ который едва бы могъ войти мизинецъ, и такіе зубки, такія ножки, такая нѣжная кожа, такія щеки, такая походка, такія груди, такія бедра... что могли бы служить моделью для скульптора! Рано или поздно у ея ногъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, главный откупщикъ. У нея была такая походка, такая манера вертѣть задомъ! Ахъ, какъ она вертѣла задомъ!

(И вотъ онъ сталъ представлять походку своей жены. Онъ дѣлалъ маленькіе шаги, закидывалъ голову назадъ, игралъ вѣеромъ, вертѣлъ задомъ; это была самая забавная и самая смѣшная каррикатура на нашихъ кокетокъ.)

Затѣмъ, продолжая свой разсказъ, онъ прибавилъ:

— Я водилъ ее повсюду и по Тюильри, и въ Пале-Ройялѣ, и по бульварамъ. Невозможно было сомнѣваться, что она броситъ меня. Когда она утромъ проходила по улицѣ безъ шляпы, въ коротенькомъ пла-

тицѣ, вы остановились бы, чтобы посмотрѣть на нее и вамъ захотѣлось бы обнять ее. Всякій, кто замѣчалъ, какъ она быстро перебирала своими маленькими ножками и какъ тоненькія юбочки обрисовывали формы ея бедеръ, ускорялъ шаги; а когда онъ былъ близко, она вдругъ поворачивала къ нему свою голову и устремляла на него свои огромные черные глаза, заставляя его внезапно остановиться, потому что лицевая сторона медали не уступала оборотной. Но, увы! Я потерялъ ее, а вмѣстѣ съ ней исчезли всѣ мои мечты о богатствѣ. Я только для того и женился на ней; я сообщилъ ей свои планы, и она была достаточно благоразумна, чтобы одобрить ихъ...

Затѣмъ онъ зарыдалъ, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не забуду этого горя. Съ того времени я сталъ жить, какъ монахъ... Однако, посмотрите, который часъ, мнѣ надо отправляться въ Оперу.

Я.—Что даютъ сегодня?

Онъ.—Оперу Довернья. Въ ней есть много недурныхъ вещей, только жаль, что онѣ принадлежатъ не автору. Между покойниками есть такіе, которые приводятъ въ отчаяніе живыхъ людей. Что же дѣлать? Quisque suos non patimur manes. Однако, уже половина шестого: я слышу звонъ колокола, призывающаго меня къ вечернѣ. Прощайте, г. философъ! Не правда ли, я все тотъ же, какимъ былъ прежде?

Я.—Увы, къ несчастью, это такъ!

Онъ.—Пусть только это несчастье продолжится еще лѣтъ сорокъ: rira bien qui rira le dernier.

Разговоръ Д'Аламбера съ Дидро.

(Написано въ 1769 г., опубликовано въ 1830 г.).

Предварительныя замѣчанія.

Въ одномъ изъ писемъ къ д-цѣ Воланъ, отъ 2 сентября 1769 г., Дидро замѣчаетъ: «Я, кажется, говорилъ вамъ, что составилъ діалогъ между Д'Аламберомъ и мной. Перечитывая его, я вздумалъ написать другой и написалъ. Собесѣдниками въ немъ являются бредящій во снѣ Д'Аламберъ, Бордё и дѣвица Леспинасъ, подруга Д'Аламбера. Заглавіе его: «Сонъ Д'Аламбера». Нельзя допустить, что можно быть болѣе глубокимъ и болѣе безразсуднымъ. Къ нему я прибавилъ 5—6 страницъ, которыя въ состояніи поднять дыбомъ волосы у моей возлюбленной,—зато она никогда не увидитъ ихъ! Но васъ особенно удивитъ то, что въ немъ нѣтъ ни слова о религіи и ни одного неприличнаго слова. Бьюсь объ закладъ, что вы не догадаетесь, что это такое».

11 сентября онъ снова возвращается къ этому предмету и говоритъ: «Если бы я захотѣлъ отдать предпочтеніе благородству тона предъ богатствомъ содержанія, я избралъ бы своими дѣйствующими лицами

Демокрита, Гиппократа и Левкиппа, но узкія границы древней философіи стѣсняли бы мое стремленіе къ правдивости и я слишкомъ растерялся бы въ ней. Діалоги въ высокой степени сумасбродны и въ то же время философски весьма глубоки. Я искусно вкладываю свои идеи въ уста бредящаго во снѣ человѣка: часто приходится придавать мудрости видъ безразсудства, чтобы открыть ей доступъ,—я выше цѣню замѣчаніе: «но это не такъ безсмысленно, какъ можно было бы подумать», чѣмъ такое: «послушайте-ка, вотъ это весьма разумно».

Несомнѣнно, въ этихъ діалогахъ много очень разумнаго, очень вѣрнаго, и Дидро обнаруживаетъ въ нихъ глубокія познанія въ области физіологіи, которая становилась тогда серьезной опытной наукой, и даже предвосхищаетъ выводы ея.

Дидро не опубликовалъ ихъ и давалъ читать немногимъ лицамъ. Даже у Нэжона не было копіи съ нихъ и въ своихъ *Мемуарахъ* Нэжонъ говоритъ о нихъ по замѣткамъ, сдѣланнымъ имъ по рукописи. Все-таки эти діалоги причинили дѣвицѣ Леспинасъ большое огорченіе и чрезъ Д'Аламбера она осыпала Дидро горькими упреками. Дидро рѣшилъ сжечь свой трудъ, принести «жертву, говоритъ Нэжонъ, которой повелительно потребовалъ отъ него Д'Аламберъ, но которой на мѣстѣ Дидро онъ самъ, можетъ быть, не принесъ бы».

Дидро добросовѣстно исполнилъ свое рѣшеніе, что видно изъ препроводительнаго при его «*Элементахъ физіологіи*» письма:

«Я удовлетворилъ вашему желанію», пишетъ онъ, «поскольку трудность работы и короткій срокъ, данный мнѣ, позволили это сдѣлать.

Надѣюсь, что исторія этихъ діалоговъ оправдаетъ ихъ недостатки.

Удовольствіе отдать себѣ отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ вызвало ихъ на свѣтъ; нескромность нѣкоторыхъ лицъ извлекла ихъ изъ мрака неизвѣстности; встревоженная любовь пожелала ихъ уничтоженія; тиранническая дружба настояла на этомъ, а слишкомъ уступчивая согласилась, и они были разорваны. Вы хотѣли, чтобы я собралъ клочки, и я сдѣлалъ это...

Они представляютъ изъ себя не больше, какъ разбитую статую, но такъ разбитую, что почти не было возможности для скульптора возстановить ее. Вокругъ него кучи обломковъ, которыхъ онъ не могъ поставить на свое мѣсто...»

У насъ нѣтъ этого упоминаемаго здѣсь варіанта. «Элементы физіологіи» являются лишь очень подробными и очень интересными замѣтками, которыя служили подспорьемъ для возстановленія его. Дидро, можетъ быть, во-время узналъ, что произведеніе, которое онъ считалъ уничтоженнымъ, не было таковымъ, и что если онъ пожертвовалъ подлинникомъ, то другіе сохранили копію его.

И это къ счастью для насъ, ибо, какъ онъ говоритъ въ цитируемомъ нами письмѣ, «эти діалоги вмѣстѣ съ нѣкоторыми записками по математикѣ, которыя я, можетъ быть, когда-нибудь рѣшусь опубликовать, были единственными изъ всѣхъ моихъ произведеній, которыми я любовался».

Діалоги впервые появились на свѣтъ въ четырехъ томахъ «Мемуаровъ», опубликованныхъ въ 1830 г. Это несомнѣнно тѣ самые діалоги, которые Мейстеръ и Нэжонъ обозначали иногда слѣдующими заглавіями: «Разговоры о происхожденіи живыхъ существъ», «О

наблюденіи надъ феноменами живого тѣла» и «О познаніи физическаго человѣка».

Разговоръ Д'Аламбера съ Дидро.

Д'Аламберъ. Я признаю: трудно допустить бытіе Существа, которое гдѣ - то пребываетъ и не сообщается ни съ одной точкой вселенной; которое безпространственно и занимаетъ пространство, вмѣщаясь въ каждой частицѣ его; которое своей сущностью отличается отъ матеріи и едино съ ней, слѣдуетъ за ней и приводитъ ее въ движеніе, оставаясь само неподвижнымъ, воздѣйствуетъ на нее и подвержено всѣмъ ея измѣненіямъ,—бытіе Существа, у котораго такая противорѣчивая природа и о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго представленія. Но предъ тѣмъ, кто отвергаетъ его существованіе, встаютъ другія трудности: вѣдь, если эта чувствительность, которой вы надѣляете матерію, является общимъ и существеннымъ свойствомъ ея, то нужно предположить, что и камень чувствуетъ.

Дидро. Почему нѣтъ?

Д'Аламберъ. Трудно повѣрить этому.

Дидро. Да, для того, кто рѣжетъ его, точенъ, толчетъ и не слышитъ его крика.

Д'Аламберъ.—Мнѣ хотѣлось бы знать, какая, по вашему мнѣнію, разница между человѣкомъ и статуей, мраморомъ и тѣломъ.

Дидро. Очень незначительная. Изъ мрамора дѣлается тѣло, изъ тѣла—мраморъ.

Д'Аламберъ. Но тѣло не то, что мраморъ.

Дидро. Какъ то, что вы называете живой силой, не то, что мертвая сила.

Д'Аламберъ. Не понимаю васъ.

Дидро. Объяснюсь. Перемѣщеніе тѣла съ одного мѣста на другое не есть движеніе, а только слѣдствіе его. Движеніе есть какъ въ движущемся тѣлѣ, такъ и въ неподвижномъ.

Д'Аламберъ. Это—новый методъ воззрѣнія.

Дидро. Не менѣе вѣрный. Уберите препятствіе съ пути неподвижнаго тѣла, и оно передвинется. Разрядите внезапно воздухъ, окружающій стволъ этого огромнаго дуба, и вода, содержащаяся въ дубѣ, подъ вліяніемъ внезапнаго расширенія, разорветъ его на сотни тысячъ частицъ. То же скажу я о вашемъ тѣлѣ.

Д'Аламберъ. Такъ. Но какая связь между движеніемъ и чувствительностью? Ужъ не признаете ли вы существованіе дѣятельной чувствительности и инертной на подобіе живой и мертвой силы? Какъ живая сила проявляется при передвиженіи, а мертвая при давленіи, такъ дѣятельная чувствительность характеризуется у животнаго и, можетъ быть, у растенія извѣстными важными дѣйствіями, а въ наличности инертной чувствительности можно удостовѣриться при переходѣ ея въ состояніе дѣятельной.

Дидро. Великолѣпно. Вы указали эту связь.

Д'Аламберъ. Такимъ образомъ, у статуи только инертная чувствительность, а человѣкъ, животное и, можетъ быть, растеніе одарены дѣятельной чувствительностью.

Дидро. Есть, несомнѣнно, такая разница между кускомъ мрамора и тканью тѣла, но вы хорошо понимаете, что это не единственная разница.

Д'Аламберъ. По всей вѣроятности. Какъ бы человѣкъ ни походилъ по внѣшности на статую, между ихъ внутренними организаціями не существуетъ никакого соотношенія. Рѣзецъ самаго искуснаго скульптора не создастъ ни одной частицы тѣлеснаго покрова. Но есть очень простой способъ для превращенія мертвой силы въ живую; такой опытъ повторяется на нашихъ глазахъ сотни разъ на дню; между тѣмъ, я вовсе не знаю случая, чтобы тѣло переводили изъ состоянія инертной чувствительности въ состояніе чувствительности дѣятельной.

Дидро. Потому что вы не хотите знать. Это тоже обычное явленіе.

Д'Аламберъ. Тоже обычное? Скажите пожалуйста, что же это за явленіе?

Дидро. Я вамъ назову его, если вамъ не стыдно объ этомъ спрашивать. Это происходитъ всякій разъ, какъ вы ѣдите.

Д'Аламберъ. Всякій разъ, какъ я ѣмъ!

Дидро. Да. Что дѣлаете вы, когда ѣдите? Вы устраняете препятствія, мѣшающія проявленію въ продуктахъ дѣятельной чувствительности ихъ. Вы ассимилируете продукты, дѣлаете изъ нихъ тѣло, одушевляете ихъ, дѣлаете ихъ чувствительными, и то, что вы продѣлываете съ продуктами, я продѣлаю, когда угодно, съ мраморомъ.

Д'Аламберъ. Какимъ образомъ?

Дидро. Какимъ образомъ? Сдѣлаю его съѣдобнымъ.

Д'Аламберъ. Сдѣлать мраморъ съѣдобнымъ,—это, кажется, нелегко.

Дидро. Это ужъ мое дѣло... Я беру вотъ эту статую, кладу ее въ ступку и пестомъ...

Д'Аламберъ. Потише, пожалуйста: это шедевръ

Фальконэ. Если бы это было произведеніе Юэза *), или кого-нибудь другого...

Дидро. Для Фальконэ это ничего не значитъ: за статую заплачено, а съ общественнымъ мнѣніемъ онъ мало считается, отзывъ же потомства вовсе не интересуетъ его **).

Д'Аламберъ. Ну, начинайте же толочь.

Дидро. Превративъ кусокъ мрамора въ мельчайшій порошокъ, я ссыпаю его въ черноземную или плодородную почву, смѣшиваю, поливаю, оставляю гнить годъ, два, сто лѣтъ,—время для меня не важно. Когда вся эта смѣсь претворится въ матерію, почти однородную, въ черноземъ,—знаете ли вы, что я сдѣлаю?

Д'Аламберъ. Увѣренъ, что не будете ѣсть черноземъ.

Дидро. Нѣтъ, но есть какая-то связь между мной и черноземомъ, что то сближающее насъ, какой-то, какъ сказалъ бы химикъ, latus.

Д'Аламберъ. И этотъ latus—растеніе?

Дидро. Очень хорошо. Я засѣваю черноземъ горохомъ, бобами, капустой и другими бобовыми растеніями. Растенія питаются землею, а я питаюсь растеніями.

Д'Аламберъ. Вѣрно это или нѣтъ, но мнѣ нравится этотъ переходъ отъ мрамора къ чернозему, отъ чернозема къ растительному царству и отъ послѣдняго къ царству животныхъ, къ тѣлу.

---

*) Членъ Академіи скульптуры, авторъ статуи Мопертю и (отца) въ церкви St.-Roch; объ этой статуѣ говорилъ Гриммъ: «Она обезсмертитъ не имя Юэза, а имя отца Мопертюи».

**) Намекъ на мысль, которую защищалъ Фальконэ въ своей корреспонденціи съ Дидро.

Дидро. Слѣдовательно, я создаю тѣло или душу, какъ говоритъ моя дочь, матерію дѣятельно-чувствительную, и если я не разрѣшаю предложенной вамъ проблемы, то, во всякомъ случаѣ, я очень близокъ къ ея разрѣшенію, ибо вы согласитесь со мной, что между кускомъ мрамора и чувствующимъ существомъ большее разстояніе, чѣмъ между чувствующимъ и мыслящимъ существами.

Д'Аламберъ. Согласенъ. И все-таки чувствующее существо не есть еще мыслящее.

Дидро. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, позвольте мнѣ разсказать исторію одного изъ величайшихъ геометровъ Европы. Чѣмъ сначала было это замѣчательное существо? Ничѣмъ.

Д'Аламберъ. Какъ ничѣмъ? Изъ ничего нельзя ничего сдѣлать.

Дидро. Вы понимаете слишкомъ буквально. Я хочу сказать, что прежде, чѣмъ его мать, прекрасная и преступная канонисса Тэнсэнъ *), достигла зрѣлаго возраста; прежде, чѣмъ военный Латушъ сталъ юношей, молекулы, изъ которыхъ должны были формироваться первичные зачатки моего геометра, были разсѣяны въ незрѣлыхъ и хрупкихъ машинахъ ихъ обоихъ, фильтрировались въ лимфѣ, циркулировали вмѣстѣ съ кровью до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не помѣстились въ назначенныхъ для ихъ соединенія резервуарахъ,— въ яичникѣ его отца и матери. Вотъ это рѣдкостное зерно сформировано; вотъ оно введено по фаллопіевымъ трубамъ, по общему признанію, въ матку и прикрѣплено къ ней длиннымъ стебелькомъ; послѣдо-

*) Мать Д'Аламбера.

вательный ростъ и развитіе привели его въ состояніе зародыша; вотъ наступилъ моментъ выхода зародыша изъ мрачнаго заключенія; вотъ онъ рожденъ, брошенъ на паперти St.-Jean-le-Rond, отъ котораго онъ получилъ свое имя; взятъ изъ родовоспитательнаго дома, выкормленъ грудью доброй стекольщицы, г-жи Руссо; выросъ крѣпкій тѣломъ и душой, сталъ литераторомъ, инженеромъ, геометромъ. Чѣмъ обусловливается все это? Принятіемъ пищи и другими чисто-механическими дѣйствіями. Вотъ въ четырехъ словахъ общая формула; ѣшьте, переваривайте, перегоняйте in vasi licito и fiat homo secundum artem.

И тому, кто сталъ бы излагать въ Академіи процессъ образованія человѣка или животнаго, пришлось бы прибѣгать только къ матеріальнымъ агентамъ, послѣдовательнымъ результатомъ дѣйствія которыхъ являлось бы существо инертное, чувствующее, мыслящее, разрѣшающее проблему прецессіи равноденствій, величественное, достойное удивленія, старѣющее, угасающее, умирающее, разлагающееся и возвращающееся въ землю.

Д'Аламберъ. Вы, слѣдовательно, не вѣрите въ предустановленные *) зародыши?

Дидро. Нѣтъ.

Д'Аламберъ. Ахъ, какъ это хорошо!

Дидро. Это не согласуется ни съ опытомъ, ни съ разумомъ: опытъ безуспѣшно ищетъ ихъ въ яйцѣ и у большинства животныхъ до извѣстнаго возраста;

---

*) Собственно: *предсуществующіе* (préexistant) но въ нашей литературѣ чаще встрѣчается терминъ: «предустановленный». *Перев.*

а разумъ учитъ, что въ природѣ есть предѣлъ дѣлимости матеріи, хотя мысленно она дѣлима до безконечности; а потому ни съ чѣмъ несообразно представленіе о томъ, что въ атомѣ содержится вполнѣ сформированный слонъ, а въ атомѣ этого снова—другой слонъ и такъ далѣе до безконечности.

Д'Аламберъ. Но безъ нихъ невозможно объяснить появленіе перваго поколѣнія животныхъ.

Дидро. Если васъ смущаетъ вопросъ о пріоритетѣ яйца предъ курицей, или курицы предъ яйцомъ, то это происходитъ оттого, что вы предполагаете животныхъ въ началѣ такими же, какими мы ихъ видимъ теперь. Какая безсмыслица! Вѣдь совершенно же неизвѣстно, чѣмъ они были прежде, равно, какъ неизвѣстно и то, чѣмъ они будутъ впослѣдствіи. Невидимый червячокъ, который возится въ грязи, находится, можетъ быть, на пути къ превращенію въ большое животное, а огромное животное, которое ужасаетъ насъ своей громадой, является, можетъ быть, необычнымъ, мимолетнымъ произведеніемъ нашей планеты и превратится, можетъ быть, въ червячка.

Д'Аламберъ. Какъ это такъ?

Дидро. Я сказалъ бы вамъ... Но это отвлечетъ насъ въ сторону отъ предмета нашей дискуссіи.

Д'Аламберъ. Такъ что же изъ этого? Отъ насъ зависитъ вернуться или не вернуться къ нему.

Дидро. Позволите ли вы отступить мнѣ на нѣсколько тысячелѣтій назадъ?

Д'Аламберъ. Отчего нѣтъ? Для природы время ничто.

Дидро. Вы, слѣд., соглашаетесь, чтобы я потушилъ наше солнце?

Д'Аламберъ. Тѣмъ охотнѣе, что до него другія потухали.

Дидро. Солнце потухло. Что же произойдетъ? Планеты и животныя погибнутъ и земля превратится въ нѣмую пустыню. Зажгите вновь это свѣтило, и въ мигъ возстановится дѣйствіе причины, необходимой для зарожденія безконечной цѣпи новыхъ поколѣній, и я не осмѣлился бы утверждать: возродятся или не возродятся, спустя вѣка, современныя намъ животныя и растенія.

Д'Аламберъ. Но почему бы однимъ и тѣмъ же элементамъ, разсѣяннымъ во вселенной, не дать одних и тѣхъ же результатовъ, когда они соединятся?

Дидро. Потому что все зависитъ отъ природы, и кто въ своихъ построеніяхъ предполагаетъ какой-нибудь новый феноменъ или вводитъ одинъ изъ моментовъ прошлаго, тотъ возсоздаетъ новый міръ.

Д'Аламберъ. Глубокій мыслитель не станетъ отрицать это. Но—чтобы вернуться къ человѣку, которому отведено мѣсто въ общемъ порядкѣ—припомните, что мы остановились на переходѣ отъ чувствующаго существа къ мыслящему.

Дидро. Припоминаю.

Д'Аламберъ. Откровенно скажу, вы много обяжете меня, выведя меня изъ этого затрудненія. Я немного забѣгаю впередъ въ своихъ мысляхъ.

Дидро. Если бы мнѣ не удалось до конца развить свою мысль, развѣ на основаніи этого можно было бы что-нибудь возразить противъ совокупности безспорныхъ фактовъ?

Д'Аламберъ. Ничего, намъ пришлось бы только задержаться на нѣсколько минутъ на этомъ вопросѣ!

Дидро. И позволительно ли изобрѣтать какого-то

противорѣчиваго въ своихъ аттрибутахъ агента, какое-то непонятное, лишенное смысла слово, чтобы итти дальше?

Д'Аламберъ. Нѣтъ.

Дидро. Можете ли вы сказать, въ чемъ выражается бытіе чувствующаго существа по отношенію къ самому себѣ?

Д'Аламберъ. Въ сознаніи себя таковымъ съ перваго момента пробужденія его мышленія и до настоящаго времени.

Дидро. А на чемъ основано это сознаніе?

Д'Аламберъ. На памяти о своихъ дѣйствіяхъ.

Дидро. А что было бы, если бы не было памяти?

Д'Аламберъ. Безъ памяти не было бы сознанія себя, такъ какъ, чувствуя свое существованіе только въ моментъ воспріятія ощущенія, существо не имѣло бы исторіи своей жизни. Его жизнь представляла бы изъ себя безпрерывный рядъ чувствованій, ничѣмъ не связанныхъ между собою.

Дидро. Очень хорошо. А что такое память? откуда происходитъ она?

Д'Аламберъ. Отъ опредѣленной организаціи, которая сначала растетъ и крѣпнетъ, потомъ слабѣетъ и въ извѣстный моментъ цѣликомъ погибаетъ.

Дидро. Если существо, которое чувствуетъ и имѣетъ такую способную къ памяти организацію, связываетъ получаемыя ощущенія, создаетъ, благодаря этой связи, исторію своей жизни и пріобрѣтаетъ сознаніе своего я, то, слѣдовательно, оно можетъ отрицать, утверждать, заключать, мыслить.

Д'Аламберъ. Кажется, такъ; у меня остается одно только затрудненіе.

Дидро. Вы ошибаетесь: у васъ остается ихъ гораздо больше.

Д'Аламберъ. Но главное одно; мнѣ кажется, что мы можемъ мыслить заразъ только объ одной вещи, и, чтобы составить, не скажу, безконечную цѣпь разсужденій, охватывающихъ въ своемъ развитіи тысячи идей, но одно простое предложеніе, нужно, пожалуй, имѣть на лицо слѣдующее условіе: предметъ долженъ повидимому оставаться какъ бы передъ взорами разума все время, пока разумъ занятъ разсмотрѣніемъ его свойства, наличность котораго онъ подтвердитъ или отвергнетъ.

Дидро. Я того же мнѣнія. Это-то обстоятельство заставляло меня иногда сравнивать фибры нашихъ органовъ съ чувствительными вибрирующими струнами. Чувствительная вибрирующая струна дрожитъ, звучитъ еще долго спустя послѣ того, какъ ударили по ней. Вотъ, именно, такое дрожаніе, нѣчто въ родѣ такого резонанса необходимо для того, чтобы предметъ стоялъ предъ разумомъ въ то время, какъ разумъ занятъ разсмотрѣніемъ присущаго ему свойства. Но вибрирующія струны имѣютъ еще другое свойство: онѣ заставляютъ звучать другія струны, и точно такимъ же образомъ первая мысль вызываетъ вторую, онѣ обѣ—третью, всѣ три—четвертую и т. д., такъ что нельзя поставить границъ мыслямъ, пробуждающимся и сцѣпляющимся въ головѣ у философа, который размышляетъ или прислушивается къ своимъ мыслямъ въ тиши полумрака. Этотъ инструментъ дѣлаетъ удивительные скачки, и пробудившаяся мысль вызываетъ иногда цѣлую гармонію мыслей, стоящихъ съ первоначальной въ непонятной связи. Если такое явленіе наблюдается у звуковыхъ струнъ, инертныхъ

и отдѣленныхъ другъ отъ друга, то почему бы не имѣть ему мѣста среди точекъ, одаренныхъ жизнью и связанныхъ между собою, среди фибръ, безпрерывныхъ и одаренныхъ чувствительностью?

Д'Аламберъ. Если это и невѣрно, то, во всякомъ случаѣ, очень остроумно. Но мнѣ хочется думать, что вы незамѣтно сталкиваетесь съ затрудненіемъ, котораго вы хотѣли избѣжать.

Дидро. Съ какимъ?

Д'Аламберъ. Вы не миритесь съ мыслью о существованіи двухъ различныхъ субстанцій.

Дидро. Я не скрываю этого.

Д'Аламберъ. Присмотрѣвшись поближе, вы увидите, что изъ ума философа вы дѣлаете существо, отличное отъ инструмента, нѣчто въ родѣ музыканта, который прислушивается къ вибрирующимъ струнамъ и высказывается въ то же время на счетъ согласованности или несогласованности ихъ звуковъ.

Дидро. Возможно, что я далъ вамъ поводъ къ такому возраженію, котораго вы, можетъ быть, не сдѣлали бы, если бы приняли въ соображеніе разницу, существующую между инструментомъ-философомъ и музыкальнымъ инструментомъ. Инструментъ-философъ одаренъ чувствительностью, онъ — музыкантъ и инструментъ въ одно и то же время. Какъ въ существѣ чувствующемъ, въ немъ возникаетъ сознаніе звука тотчасъ же, какъ только онъ производитъ его, а какъ животное, онъ удерживаетъ его въ памяти. Эта органическая способность, связывающая въ немъ звуки, производитъ и сохраняетъ въ немъ мелодію. Предположите музыкальный инструментъ, одаренный чувствительностью и памятью, и скажите, развѣ онъ самостоятельно не будетъ повторять арій, которыя

вы раньше исполнили на его клавишахъ. Мы—инструменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства—клавиши, по которымъ ударяетъ окружающая насъ природа и которые часто ударяютъ сами по себѣ; вотъ что́, по моему мнѣнію, происходитъ въ музыкальномъ инструментѣ, организованномъ такъ, какъ вы и я. Причиной, лежащей въ инструментѣ или внѣ его, вызывается извѣстное впечатлѣніе; отъ впечатлѣнія рождается ощущеніе, болѣе или менѣе длительное, такъ какъ невозможно представить, чтобы оно возникало и замирало въ недѣлимо-кратчайшій мигъ; за нимъ слѣдуетъ другое впечатлѣніе, причина котораго равнымъ образомъ кроется внѣ или внутри инструмента, другое ощущеніе и голоса, выражающіе ихъ въ естественныхъ или условныхъ звукахъ.

Д'Аламберъ. Понимаю. Слѣдовательно, если бы этотъ чувствующій и одушевленный инструментъ былъ къ тому же одаренъ способностью питаться и воспроизводиться, онъ жилъ бы и производилъ бы, одинъ или вмѣстѣ со своей самкой, маленькіе одаренные жизнью и звучащіе музыкальные инструменты.

Дидро. Безъ сомнѣнія. Что же иное, по - вашему, представляютъ изъ себя зябликъ, соловей, музыкантъ, человѣкъ? И какую иную разницу находите вы между чижомъ и органчикомъ, съ помощью котораго чижъ научается пѣть? Возьмите, напр., яйцо. Оно ниспровергаетъ всѣ теологическія школы и храмы на землѣ. А что такое яйцо? Безчувственная масса, пока не введенъ туда зародышевый пузырекъ, а когда онъ введенъ туда, что оно представляетъ изъ себя? Опять таки безчувственную массу, такъ какъ зародышевый пузырекъ самъ по себѣ является лишь инертной и простой жидкостью. Что̀ можетъ сообщить этой массѣ другую

организацію, чувствительность, жизнь? Теплота. Что создастъ теплоту? Движеніе. Каковы будутъ послѣдовательные эффекты движенія? Не торопитесь отвѣчать, присядьте и будемъ наблюдать за стадіями развитія. Сначала это—колеблющаяся точка, затѣмъ—ниточка, которая растягивается, окрашивается; потомъ—формирующееся тѣло, у котораго появляется клювъ, концы крыльевъ, глаза, лапки; желтоватая матерія, которая развертывается и производитъ внутренности; наконецъ, это—животное. Животное движется, волнуется, кричитъ; я слышу его крики сквозь скорлупу; оно покрывается пушкомъ, видитъ. Отъ тяжести голова его качается, клювъ постоянно приходитъ въ соприкосновеніе съ внутренней оболочкой его тюрьмы. Но вотъ оболочка пробита: оно выходитъ, бѣгаетъ, летаетъ, раздражается, отбѣгаетъ, приближается, жалуется, страдаетъ, любитъ, желаетъ, наслаждается; оно подвержено такимъ же аффектамъ и совершаетъ такія же дѣйствія, какъ и вы. Будете ли вы вмѣстѣ съ Декартомъ утверждать, что это настоящая одаренная способностью подражанія машина? Но дѣти осмѣютъ васъ, а философы возразятъ вамъ, что если это машина, то вы тоже машина. Если вы признаете, что между животнымъ и вами разница только въ организаціи, вы обнаружите здравый смыслъ и разумность, вы окажетесь добросовѣстнымъ мыслителемъ, но отсюда сдѣлаютъ противъ васъ тотъ выводъ, что инертная матерія, извѣстнымъ образомъ расположенная, пропитанная другой инертной матеріей, теплотой и движеніемъ, получаетъ чувствительность, жизнь, память, сознаніе, страсти, мысль. И вамъ придется остановиться на одномъ изъ двухъ выводовъ: либо представить себѣ наличность

въ инертной массѣ яйца скрытаго элемента, который ждетъ процесса развитія, чтобы обнаружить свое присутствіе; либо предположить, что въ опредѣленный моментъ развитія этотъ невидимый элементъ проникаетъ туда чрезъ скорлупу. Но что это за элементъ? Занимаетъ онъ пространство или нѣтъ? Какъ онъ проникаетъ туда или развертывается тамъ, не двигаясь? Гдѣ былъ онъ? Что дѣлалъ тамъ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Былъ ли онъ созданъ въ моментъ необходимости или существовалъ раньше и ждалъ жилища? Въ качествѣ однороднаго тѣла онъ былъ матеріальнымъ, въ качествѣ разнороднаго онъ не сознаетъ ни своей инертности до процесса развитія, ни своей энергіи въ развившемся животномъ. Довѣрьтесь себѣ и вы проникнетесь сожалѣніемъ къ своей особѣ: вы почувствуете, что для того, чтобы не допустить простого все объясняющаго предположенія—чувствительности, какъ общаго свойства матеріи или продукта организаціи, вы противорѣчите здравому смыслу и низвергаетесь въ пропасть, полную тайнъ, противорѣчій и абсурдныхъ выводовъ.

Д'Аламберъ. Предположеніе! Легко сказать. Но если это свойство по существу своему несовмѣстимо съ матеріей?

Дидро. А откуда вы знаете, что чувствительность по существу своему несовмѣстима съ матеріей, — вы, который не знаетъ сущности какой бы то ни было вещи: ни матеріи, ни чувствительности? Развѣ вашему разуму въ бо̀льшей степени доступно пониманіе природы движенія, его существованія въ тѣлѣ и перехода изъ одного тѣла въ другое?

Д'Аламберъ. Не понимая ни природы чувствительности, ни природы матеріи, я вижу, что чувствитель-

ность свойство простое, единое, недѣлимое и несовмѣстимое съ предметомъ или членомъ дѣлимымъ.

Дидро. Метафизико - теологическая галиматья. Какъ? Развѣ вы не видите, что всѣ свойства, всѣ осязаемыя формы, въ которыя облекается матерія, по существу недѣлимы? Не существуетъ ни больше ни меньше непроницаемости. Существуетъ половина круглаго стола, но несуществуетъ половины круглоты; существуетъ движеніе въ большей или меньшей степени, но движенія, какъ понятія, нѣтъ ни въ большей, ни въ меньшей степени; не существуетъ ни половины, ни трети, ни четверти головы, уха, пальца, равно какъ половины, трети, четверти мысли. Если во вселенной нѣтъ молекулы, похожей па другую, а въ молекулѣ нѣтъ точки, похожей на другую точку, то согласитесь, что даже атомъ одаренъ свойствомъ недѣлимости, недѣлимой формой; согласитесь, что дѣлимость несовмѣстима съ сущностью формъ, потому что она уничтожаетъ ихъ. Будьте физикомъ и примиритесь со слѣдствіемъ, когда оно возникаетъ на вашихъ глазахъ, хотя вы и не можете объяснить связи его съ причиной. Слѣдуйте правиламъ логики и не подставляйте на мѣсто одной причины, которая существуетъ и все объясняетъ, другую, которая не понятна, связь которой со слѣдствіемъ еще менѣе понятна, которая таитъ въ себѣ безконечное множество трудностей и не разрѣшаетъ ни одной изъ нихъ.

Д'Аламберъ. Такъ что же, если я откажусь отъ этой причины?

Дидро. Останется признать существованіе только одной субстанціи во вселенной, въ человѣкѣ, въ животномъ. Органчикъ для чижа сдѣланъ изъ дерева, ьеловѣкъ—изъ тѣла, чижъ—изъ тѣла, музыкантъ

тоже изъ тѣла, только иначе организованъ; но оба они одного происхожденія, одной формаціи, съ одинаковыми функціями и ждетъ ихъ одинъ конецъ.

Д'Аламберъ. Но какъ же устанавливается условность звуковъ между вашими двумя музыкальными инструментами?

Дидро. Если животное—чувствующій инструментъ, совершенно похожее на другое животное, одной съ нимъ конформаціи, съ одними и тѣми же струнами, одинаково съ нимъ подверженное радости, боли, голоду, жаждѣ, болѣзни, удивленію, ужасу, то невозможно допустить, чтобы на полюсѣ или подъ экваторомъ оно издавало различные звуки. Поэтому-то вы находите почти одинаковыя междометія во всѣхъ мертвыхъ и живыхъ языкахъ. Происхожденіе условныхъ звуковъ слѣдуетъ объяснить необходимостью и сродствомъ. Чувствующій инструментъ или животное по опыту узнало, что, когда оно издавало опредѣленный звукъ, за нимъ слѣдовалъ внѣ его опредѣленный результатъ, что, напр., другіе подобные ему чувствующіе инструменты или животныя подходили, уходили, просили, давали, обижали, ласкали, и всѣ такіе результаты связывались въ его памяти и въ памяти другихъ для образованія звуковъ. Замѣтьте, что люди въ общеніи между собою прибѣгаютъ только къ звукамъ и дѣйствіямъ. А чтобы признать за моей системой всю присущую ей силу, замѣтьте еще то, что она считается съ той непреоборимой трудностью, на которую натолкнулся Беркли въ вопросѣ о существованіи вещей. Однажды въ минуту бреда чувствующій инструментъ вообразилъ, что онъ единственный инструментъ въ мірѣ и что вся міровая гармонія происходитъ въ немъ.

Д'Аламберъ. По этому поводу многое можно сказать.

Дидро. Это вѣрно.

Д'Аламберъ. Напр., не совсѣмъ понятно, какъ, согласно вашей системѣ, мы образуемъ силлогизмы и выводимъ слѣдствія.

Дидро. Мы не выводимъ ихъ: всѣ они выводятся природой. Мы только регистрируемъ соприкасающіяся, извѣстныя намъ изъ опыта явленія, между которыми существуетъ необходимая или условная связь,—необходимая въ математикѣ, физикѣ и др. точныхъ наукахъ, условная—въ морали, въ политикѣ и др. неточныхъ наукахъ.

Д'Аламберъ. Развѣ связь между явленіями въ одномъ случаѣ менѣе необходима, чѣмъ въ другомъ?

Дидро. Нѣтъ, но причина подвержена слишкомъ многимъ особымъ, ускользающимъ отъ нашего вниманія колебаніямъ, чтобы можно было безошибочно разсчитывать на ожидаемое отъ нея слѣдствіе. Что обида приведетъ въ гнѣвъ вспыльчиваго человѣка,—объ этомъ мы можемъ сказать съ меньшей увѣренностью, чѣмъ о томъ, что какое-нибудь мельчайшее тѣло, при прикосновеніи, вызоветъ въ немъ нѣкоторое движеніе.

Д'Аламберъ. А что вы скажете объ аналогіи?

Дидро. Въ самыхъ сложныхъ случаяхъ аналогія не что иное, какъ тройное правило въ примѣненіи къ одаренному чувствительностью инструменту. Если за извѣстнымъ въ природѣ явленіемъ слѣдуетъ другое извѣстное явленіе, то спрашивается, каково будетъ четвертое явленіе, которое соотвѣтствовало бы третьему, данному природой или вымышленному въ подражаніе природѣ? Если копье обыкновеннаго воина

длиною въ десять футъ, какой длины будетъ копье Аякса? Если я могу бросить четырехфунтовымъ камнемъ, то Діомедъ долженъ метнуть цѣлую каменную глыбу. Размѣры шаговъ боговъ и скачковъ ихъ лошадей будутъ въ соотвѣтствующемъ воображаемомъ отношеніи роста боговъ къ росту человѣка. Аналогія, это четвертая струна, созвучная и соотвѣтствующая тремъ другимъ, резонанса которыхъ ожидаетъ животное; этотъ резонансъ всегда происходитъ въ немъ, но не всегда въ природѣ. Поэту нѣтъ до этого никакого дѣла, для него онъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Иное дѣло для философа: ему необходимо спросить природу, которая часто даетъ явленіе, совершенно отличное отъ того, которое онъ предполагалъ, и тогда онъ замѣчаетъ, что аналогія ввела его въ заблужденіе.

Д'Аламберъ. Adieu, мой другъ, спокойной ночи.

Дидро. Вы шутите, но вамъ приснится этотъ разговоръ; если же онъ не оставитъ въ васъ прочнаго слѣда, тѣмъ хуже для васъ,—вы будете принуждены придерживаться очень вздорныхъ гипотезъ.

Д'Аламберъ. Вы ошибаетесь: лягу я скептикомъ и встану скептикомъ.

Дидро. Скептикомъ! Развѣ существуютъ скептики?

Д'Аламберъ. Что за вопросъ? Уже не будете ли вы убѣждать меня, что я не скептикъ? Кто же знаетъ это лучше меня?

Дидро. Подождите минутку.

Д'Аламберъ. Поскорѣе, мнѣ хочется спать.

Дидро. Я буду кратокъ. Думаете ли вы, что есть хотя одинъ спорный вопросъ, при обсужденіи котораго были бы у человѣка въ одинаковой мѣрѣ вѣскіе доводы за и противъ?

Д'Аламберъ. Нѣтъ, это было бы положеніе Буриданова осла.

Дидро. Въ такомъ случаѣ не существуетъ скептиковъ, такъ какъ, за исключеніемъ математическихъ вопросовъ, гдѣ ни въ малѣйшей степени неумѣстно колебаніе, во всѣхъ остальныхъ умѣстны за и противъ, и никогда нѣтъ между ними равновѣсія; невозможно допустить, чтобы вѣсы, на которыхъ вы взвѣшиваете за и противъ, не склонялись въ ту сторону, гдѣ, по вашему предположенію, больше вѣроятія.

Д'Аламберъ. Но я вижу утромъ вѣроятіе на правой сторонѣ, а послѣ обѣда на лѣвой.

Дидро. Т. е. утромъ вы настроены догматически за, а послѣ обѣда догматически противъ.

Д'Аламберъ. А вечеромъ, когда я вспоминаю скоропалительность своихъ рѣшеній, я ни во что не вѣрю: ни въ утреннее за, ни въ послѣобѣденное противъ.

Дидро. Т. е. вы не помните, за какимъ изъ двухъ мнѣній, между которыми вы колебались, остается перевѣсъ; этотъ перевѣсъ вамъ кажется слишкомъ ничтожнымъ, чтобы фиксировать прочное сужденіе, и вы рѣшаете не заниматься больше такими спорными предметами, предоставить разрѣшеніе ихъ другимъ, а самому не вмѣшиваться въ споръ.

Д'Аламберъ. Это возможно.

Дидро. Но если бы кто-нибудь отвелъ васъ въ сторону и подружески спросилъ, къ какому рѣшенію вамъ по совѣсти легче всего склониться, развѣ вы затруднились бы отвѣтить и изобразили бы изъ себя Буриданова осла?

Д'Аламберъ. Думаю, что нѣтъ.

Дидро. Такъ вотъ, другъ мой, если вы хорошо подумаете объ этомъ, вы найдете, что во всемъ нашимъ

истиннымъ мнѣніемъ является не то, надъ принятіемъ котораго мы никогда не колебались, а то, къ которому мы пришли самымъ обычнымъ путемъ.

Д'Аламберъ. Кажется, вы правы.

Дидро. И мнѣ тоже кажется. Добрый вечеръ, мой другъ, и memento quia pulvis es, et in pulverem reverteris (помни, что ты прахъ и въ прахъ возвратишься).

Д'Аламберъ. Это печально.

Дидро. И необходимо. Дайте человѣку, не скажу, безсмертіе, а только вдвое бо̀льшую продолжительность жизни, и вы увидите, что случится.

Д'Аламберъ. Чего же вы хотите? Но какое мнѣ дѣло до всего этого? Что бы ни случилось, а я хочу спать. Добрый вечеръ!

Сонъ Д'Аламбера.

(Собесѣдники: *Д'Аламберъ, дѣвица Леспинасъ, докторъ Борде*).

Бордё. Ну, что новаго? Боленъ?

Леспинасъ. Боюсь, что боленъ: метался всю ночь.

Бордё. Проснулся?

Леспинасъ. Нѣтъ еще.

Бордё (подойдя къ постели Д'Аламбера и взявъ пульсъ). Ничего.

Леспинасъ. Вы думаете?

Бордё. Ручаюсь. Пульсъ хорошъ... немного слабоватъ... кожа потноватая... дыханіе легкое *).

Леспинасъ. Ничего не нужно прописывать?

Бордё. Ничего.

Леспинасъ. Тѣмъ лучше: онъ ненавидитъ лѣкарства.

Бордё. Я тоже. Что ѣлъ онъ за ужиномъ?

Леспинасъ. Ничего не хотѣлъ ѣсть. Не знаю, гдѣ онъ провелъ вечеръ; вернулся домой въ угнетенномъ настроеніи.

Бордё. Легкое лихорадочное состояніе, которое скоро пройдетъ.

---

*) Борде—авторъ «Изслѣдованій пульса» (1756 г.)

Леспинасъ. Придя домой, онъ надѣлъ халатъ, ночной колпакъ, бросился въ кресло и заснулъ.

Бордё. Спать хорошо повсюду, но все-таки лучше въ постели.

Леспинасъ. Онъ вспылилъ, когда Антуань сказала ему объ этомъ. Пришлось цѣлые полчаса расталкивать его, чтобы заставить лечь въ постель.

Бордё. То же самое случается со мной каждый день, хотя я совсѣмъ здоровъ.

Леспинасъ. Въ постели, вмѣсто того, чтобы погрузиться, по своему обыкновенію, въ глубокій сонъ (онъ спитъ, какъ дитя), онъ началъ ворочаться съ боку на бокъ, размахивать руками, сбрасывать одѣяло и громко разговаривать.

Бордё. О чемъ же онъ говорилъ? о геометріи?

Леспинасъ. Нѣтъ, это былъ, по всей вѣроятности, бредъ... Какая то галиматья о вибрирующихъ струнахъ и чувствующихъ фибрахъ... Мнѣ показалось это столь дикимъ, что я рѣшила не оставлять его на ночь одного и, не зная, что дѣлать, пододвинула къ его кровати маленькій столикъ и сѣла записывать то, что могла схватить изъ бреда.

Бордё. Хорошо задумано: это похоже на васъ. А можно посмотрѣть, что вы записали?

Леспинасъ. Пожалуйста, но я готова умереть, если вы поймете что-нибудь тамъ.

Бордё. Можетъ быть.

Леспинасъ. Докторъ, вы готовы слушать?

Бордё. Да.

Леспинасъ. Слушайте... «Живая точка... Нѣтъ, не такъ. Сначала ничего, потомъ живая точка... Къ этой живой точкѣ прививается другая, затѣмъ еще третья и, какъ слѣдствіе этихъ послѣдовательныхъ приви-

вокъ, является нѣкое существо, единое, ибо я единое существо,—въ этомъ я не усомнился бы (*При этомъ онъ началъ ощупывать себя*). Но какъ сложилось это единство? (Э, мой другъ,—сказала я ему, какое вамъ дѣло до этого? спите... Онъ смолкъ. Помолчавъ минуту, онъ снова началъ, какъ бы обращаясь къ кому-то). Вотъ, философъ, я вижу нѣкій аггрегатъ, нѣкую ткань маленькихъ чувствующихъ существъ, но животное!.. цѣлое! систему единаго, моего я, сознающаго свое единство! Этого я не вижу, нѣтъ, не вижу»... Докторъ, вы понимаете что-нибудь?

Бордё. Великолѣпно.

Леспинасъ. Вы очень счастливы... «Мои затрудненія вытекаютъ, можетъ быть, изъ ложной идеи».

Бордё. Это вы говорите?

Леспинасъ. Нѣтъ, спящій.

Я продолжаю... Обращаясь къ самому себѣ, онъ прибавилъ; «Другъ мой, Д'Аламберъ, будьте осторожны, вы предполагаете лишь наличность смежности тамъ, гдѣ существуетъ безпрерывность... Да, онъ довольно золъ, чтобы говорить мнѣ объ этомъ... А образованіе этой безпрерывности? Оно почти не затруднитъ его... Какъ капля меркурія смѣшивается съ другой каплей меркурія, такъ чувствующая и живая молекула смѣшивается съ другой чувствующей и живой молекулой... Вначалѣ было двѣ капли, послѣ соприкосновенія стала лишь одна... До ассимиляціи было двѣ молекулы, послѣ ассимиляціи стала лишь одна молекула... Чувствительность становится общей въ общей массѣ... Дѣйствительно, почему нѣтъ?.. Мысленно я могу представить въ фибрѣ животнаго произвольное количество частей, но фибра останется безпрерывной, единой... да, единой... Соприкосновеніе

двухъ однородныхъ молекулъ, совершенно однородныхъ, образуетъ безпрерывность... и это есть случай соединенія, сочетанія, комбинаціи, самаго полнаго тождества, какое только можно себѣ представить... Да, философъ, если это элементарныя и простыя молекулы; но если это аггрегаты, сложныя тѣла?.. Сочетаніе тѣмъ не менѣе произойдетъ, а, слѣдовательно, и тождество и безпрерывность... И затѣмъ обычныя дѣйствія и противодѣйствія... Ясно, что контактъ двухъ живыхъ молекулъ—нѣчто иное, чѣмъ смежность двухъ инертныхъмассъ... Дальше, дальше... Можно было бы васъ огорчить, но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого, я никогда не порицаю... Однако, продолжимъ. Нить чистѣйшаго золота,—помню, онъ такое сравненіе привелъ... однородная сѣть, между молекулами которой располагаются другія и образуютъ, можетъ быть, другую однородную сѣть; ткань чувствующей матеріи, ассимилирующій контактъ, дѣятельная чувствительность здѣсь, инертная тамъ, которыя, подобно движенію, сообщаются другъ съ другомъ, не говоря уже, какъ онъ очень хорошо сказалъ, о томъ, что здѣсь должна быть разница между контактомъ двухъ чувствующихъ молекулъ и контактомъ двухъ нечувствующихъ молекулъ; а какова можетъ быть эта разница?.. обычныя дѣйствія, противодѣйствія... и эта акція и реакція съ особымъ характеромъ... Словомъ, все направлено къ тому, чтобы произвести особый родъ единства, существующаго только въ животномъ... Клянусь честью, если это не истина, то очень похоже на нее...» Вы смѣетесь, докторъ, находите ли вы смыслъ въ этомъ?

Бордё. Большой.

Леспинасъ. Такъ онъ не сумасшедшій?

Бордё. Нисколько.

Леспинасъ. Послѣ такого вступленія, онъ началъ кричать; „Д-ца Леспинасъ, д-ца Леспинасъ!—Что вамъ угодно?—Видѣли ли вы когда-нибудь, какъ рой пчелъ вылетаетъ изъ своего улья? Міръ, или вся масса матеріи, это—улей?.. Вы видѣли, какъ онѣ образуютъ на концѣ вѣтки длинную гроздь маленькихъ крылатыхъ животныхъ, схватившихся другъ за друга лапками?.. Эта гроздь—существо, индивидъ, нѣкое животное... Но эти гроздья должны были бы всѣ походить другъ на друга... Да, если предположить только одну однородную матерію... Вы видѣли ихъ?—Да, видѣла.—Вы ихъ видѣли?—Да, мой другъ, говорю, что видѣла.—Если одна изъ этихъ пчелъ вздумаетъ ужалить какимъ-нибудь образомъ другую пчелу, за которую она ухватилась,—какъ вы думаете, что произойдетъ тогда? Скажите ка.—Совершенно не знаю.—Скажите все-таки... Вы, значитъ, не знаете, а философъ-то знаетъ. Если вы когда нибудь увидите его,—а вы его увидите, ибо онъ обѣщалъ мнѣ это,—онъ скажетъ вамъ, что другая ужалитъ слѣдующую, что во всей грозди будетъ столько укусовъ, сколько въ ней маленькихъ животныхъ, что все заволнуется, задвигается, измѣнитъ положеніе и форму, что поднимется шумъ, пискъ, и что человѣкъ никогда не видѣвшій, какъ образуется подобная гроздь, приметъ ее за животное съ 5—6 стами головъ и съ 1000—1200 крыльевъ...» Ну, докторъ?

Бордё. Ну-съ, знаете ли, это прекрасный сонъ, и вы хорошо сдѣлали, что записали его.

Леспинасъ. Вы тоже грезите?

Бордё. Такъ мало, что я, пожалуй, готовъ сказать вамъ продолженіе.

Леспинасъ. Вамъ не удастся сдѣлать это.

Бордё. Не удастся?

Леспинасъ. Да.

Бордё. Но если я угадаю?

Леспинасъ. Если вы угадаете, я обѣщаю... я обѣщаю... я обѣщаю считать васъ величайшимъ безумцемъ въ мірѣ.

Бордё. Смотрите въ ваши записки и слушайте меня: Человѣкъ, который принялъ бы эту гроздь за животное, ошибся бы. Но я предупреждаю васъ, м-ль, что онъ продолжалъ обращаться съ рѣчью къ вамъ. Хотите ли вы, чтобы онъ судилъ болѣе здраво? Хотите ли вы превратить гроздь пчелъ въ одно единственное животное? Уничтожьте лапки, которыми онѣ держатся; изъ смежныхъ сдѣлайте ихъ безпрерывными. Между этимъ новымъ состояніемъ грозди и предыдущимъ есть, конечно, нѣкоторая значительная разница; но въ чемъ иномъ состоитъ эта разница, какъ не въ томъ, что теперь гроздь—нѣчто цѣлое, единое животное, между тѣмъ какъ раньше была совокупность животныхъ?.. Всѣ наши органы...

Леспинасъ. Всѣ наши органы!

Бордё. Для того, кто занимался медициною и дѣлалъ наблюденія...

Леспинасъ. Потомъ!

Бордё. Потомъ?.. не что иное, какъ различныя животныя, между которыми законъ безпрерывности поддерживаетъ общую симпатію, единство, тождество.

Леспинасъ. Я смущена: именно такъ и почти слово въ слово. Теперь я могу засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ, что нѣтъ никакой разницы между бодрствующимъ врачомъ и спящимъ философомъ

Бордё. Объ этомъ догадывались. Это все?

Леспинасъ. О, нѣтъ, это не все. Послѣ этого вашего или своего вздора, онъ сказалъ мнѣ; «М-ль?—Другъ мой.—Подойдите поближе... еще... еще... Мнѣ хочется кое-что предложить вамъ.—Что?—Вотъ эта гроздь, вы видите ее, вотъ она. Произведемъ опытъ.—Какой?—Возьмите ножницы. Хорошо ли рѣжутъ онѣ?—Восхитительно.—Подойдите тихо, тихо и разрѣжьте пчелъ, но только осторожно, не угодите по тѣлу какой-нибудь пчелы, рѣжьте какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ сцѣпляются лапками. Не бойтесь ничего, вы немного раните ихъ, но не убьете... Очень хорошо, вы ловкая, какъ фея... Видите, какъ онѣ взлетаютъ? По одной, по двѣ, по три. Сколько ихъ! Если вы хорошо поняли меня... вы хорошо поняли меня?—Очень хорошо. — Предположите теперь... предположите...» Дальше, признаться, докторъ, я такъ плохо слышала все то, что здѣсь записала, онъ такъ тихо говорилъ, и это мѣсто моихъ записокъ такъ перепачкано, что я едва ли сумѣю прочесть.

Бордё. Я дополню его, если хотите.

Леспинасъ. Если вы можете.

Бордё. Нѣтъ ничего легче. Представьте пчелъ такими маленькими, такими маленькими, что ихъ тѣло ускользаетъ отъ грубаго острія вашихъ ножницъ; вы можете продолжать ваше сѣченіе, сколько угодно, но вы не умертвите ни одной изъ нихъ, и это цѣлое, образованное изъ невидимыхъ пчелъ, будетъ настоящимъ полипомъ, котораго вы сможете уничтожить не иначе, какъ раздавивъ его. Разница между гроздью безпрерывныхъ пчелъ и гроздью смежныхъ пчелъ точно такая же, какая существуетъ между обыкновенными животными вродѣ насъ и рыбъ и червями, змѣями и полиповыми животными; въ эту теорію

можно внести еще нѣкоторыя модификаціи... (*въ этотъ моментъ д-ца Леспинасъ внезапно встаетъ и направляется къ звонку*). Тише, тише, м-ль, вы разбудите его; ему нужно еще отдохнуть.

Леспинасъ. Я такъ ошеломлена, что и не подумала объ этомъ. (*Вошедшему слугѣ*). Кто изъ васъ былъ у доктора?

Слуга. Я, м-ль.

Леспинасъ. Давно?

Слуга. Не прошло часа, какъ я вернулся.

Леспинасъ. Вы ничего не носили туда?

Слуга. Нѣтъ.

Леспинасъ. Записокъ не носили?

Слуга. Никакихъ.

Леспинасъ. Хорошо, идите... Не настаиваю на этомъ. Видите ли, докторъ, я подозрѣвала, что одинъ изъ нихъ показалъ вамъ мою пачкотню.

Бордé. Ничего подобнаго, увѣряю васъ.

Леспинасъ. Теперь, когда я освѣдомлена насчетъ вашего таланта, вы будете мнѣ очень полезны въ обществѣ. Его бредъ не останавливается на этомъ...

Бордé. Тѣмъ лучше.

Леспинасъ. Вы не видите въ этомъ ничего непріятнаго?

Бордé. Ничуть.

Леспинасъ. Онъ продолжалъ; «Ну, философъ, вы имѣете въ виду всякихъ полиповъ, даже человѣческихъ?.. Но природа не даетъ вамъ образцовъ послѣднихъ».

Бордé. Онъ не зналъ о тѣхъ двухъ дѣвушкахъ, сросшихся головой, плечами, спиной, ягодицами и

бедрами, которыя жили въ такомъ состояніи до 22 л и умерли обѣ почти одновременно *). Затѣмъ?

Леспинасъ. Несообразности, встрѣчающіяся только въ домахъ умалишенныхъ. Онъ сказалъ: «Было или будетъ. Кто же знаетъ положеніе вещей на другихъ планетахъ?»

Бордё. Можетъ быть, не нужно ходить такъ далеко.

Леспинасъ. «Человѣческіе полипы на Юпитерѣ или Сатурнѣ! Самцы, разрѣшающіеся самцами, самки— самками, это забавно... (*При этомъ онъ началъ такъ хохотать, что я испугалась*). Человѣкъ, разрѣшающійся безконечнымъ количествомъ людей-атомовъ, которыхъ складываютъ, какъ яйца насѣкомыхъ, между листами бумаги, которые вырабатываютъ свою скорлупу, остаются нѣкоторое время куколками, пробиваютъ скорлупу и вылетаютъ бабочками,—такъ образуется цѣлое общество людей, цѣлая населенная провинція на развалинахъ одного! Забавно!.. (*И снова взрывъ хохота*). Если гдѣ-нибудь человѣкъ разрѣшается безконечнымъ количествомъ людей-атомовъ, тамъ смерть должна вызывать меньше отвращенія, тамъ такъ легко возстанавливается утрата человѣка, что смерть должна причинять мало сожалѣнія».

Бордё. Это вздорное предположеніе—почти подлинная исторія всѣхъ видовъ существующихъ и будущихъ животныхъ. Если человѣкъ и не разрѣшается безконечнымъ количествомъ людей, то все-таки онъ разрѣшается безконечнымъ количествомъ маленькихъ животныхъ, метаморфозы и будущую окончательную организацію которыхъ невозможно предвидѣть. Кто

---

*) Елена и Юдифь. См. L'Histoire naturelle de l'homme dans Buffon Sur les moustres.

знаетъ, не является ли человѣкъ разсадникомъ другого поколѣнія существъ, отдѣленнаго отъ перваго непостижимо безконечнымъ и длиннымъ промежуткомъ вѣковъ и послѣдовательныхъ развитій?

Леспинасъ. Что вы бормочете про себя, докторъ?

Бордé. Ничего, ничего, я тоже началъ бредить. Продолжайте читать, м-ль.

Леспинасъ. «Однако, хорошо обдумавъ все это, я предпочитаю нашъ способъ размноженія, прибавилъ онъ... Философъ, вы, который знаетъ, что происходитъ здѣсь и повсюду, скажите мнѣ, раствореніе различныхъ частей не производитъ ли людей съ различнымъ характеромъ?... Мозгъ, сердце, грудь, ноги, руки... О, какъ это упростило бы мораль!.. Родился мужчина, женщина... (*Докторъ, позвольте мнѣ пропустить это...*) Теплая комната, уставленная маленькими баночками, и на каждой баночкѣ надпись: воины, судьи, философы, поэты, баночка куртизановъ, негодяевъ, королей...»

Бордé. Очень забавно и очень сумасбродно. Вотъ это называется бредить, это видѣніе опять-таки наводитъ меня на мысль о нѣкоторыхъ довольно странныхъ явленіяхъ.

Леспинасъ. Затѣмъ онъ началъ бормотать о какихъ-то зернахъ, о частяхъ тѣла, намокшихъ въ водѣ, о различныхъ расахъ животныхъ, послѣдовательную смѣну, рожденіе и гибель которыхъ онъ наблюдалъ. Въ правой рукѣ у него будто бы былъ микроскопъ, а въ лѣвой—какой-то сосудъ. Онъ смотрѣлъ въ сосудъ чрезъ микроскопъ и говорилъ: «Вольтеръ можетъ, сколько угодно, смѣяться, а Ангійаръ *)

*) Такъ Вольтеръ называлъ Нидхэма,—который, довѣряя своему микроскопу и не зная остроумныхъ объясненій панспермистовъ на-

правъ: я вѣрю своимъ глазамъ, я вижу ихъ. Сколько ихъ! какъ они бѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ!...» Сосудъ, въ которомъ онъ наблюдалъ столько мимолетныхъ поколѣній, онъ сравнивалъ со вселенной. Въ каплѣ воды онъ видѣлъ исторію міра. Эта мысль казалось ему великой; онъ находилъ ее совершенно умѣстной въ истинной философіи, изучающей большія тѣла на основаніи наблюденій надъ малыми. Онъ говорилъ: «Въ каплѣ воды Нидхэма все совершается, все происходитъ въ мгновеніе ока. Въ мірѣ то же явленіе занимаетъ немного больше времени; но что такое продолжительность нашего времени по сравненію съ вѣчностью? Меньше, чѣмъ капля, которую я взялъ концомъ иголки, по сравненію съ окружающимъ меня безграничнымъ пространствомъ. Безконечная цѣпь маленькихъ животныхъ въ атомѣ, находящемся въ состояніи броженія, точно также безконечная цѣпь маленькихъ животныхъ въ другомъ атомѣ, который называется Землей! Кто знаетъ породы животныхъ, которыя были до насъ? кто знаетъ породы, которыя смѣнятъ нынѣ существующія? Все измѣняется, все исчезаетъ, только цѣлое остается. Міръ зарождается и умираетъ безпрерывно, каждый моментъ онъ находится въ состояніи зарожденія и смерти; никогда не было другого міра, никогда и не будетъ другого.

«Въ этомъ безмѣрномъ океанѣ матеріи нѣтъ ни одной молекулы, похожей на другую, ни одной моле-

---

шихъ дней, наивно думалъ, что червячки, зарожденіе которыхъ онъ наблюдалъ въ подмоченной и разлагающейся мукѣ, происходятъ отъ муки, а не отъ зародышей червячковъ, которыми, повидимому, наполненъ воздухъ. См. Questions sur les miracles, 17 lettre.

кулы, похожей на себя самое въ каждый послѣдующій моментъ. Rerum novus nascitur ordo (рождается новый порядокъ вещей),—вотъ его вѣчный девизъ...» Затѣмъ, вздохнувъ, онъ прибавилъ; «О, тщета нашихъ мыслей! о, мизерность нашей славы и нашихъ трудовъ! о, бѣднота, о ничтожество нашихъ взглядовъ! Пить, ѣсть, жить, любить и спать,—нѣтъ ничего прочнѣе этого!.. М-ль Леспинасъ, гдѣ вы?—Здѣсь».—Лицо у него побагровѣло. Я хотѣла пощупать пульсъ, но не знала, куда дѣлась у него рука. Судорога, повидимому, схватила его. Ротъ былъ полуоткрытъ, дыханіе сдавлено; онъ глубоко вздохнулъ, потомъ вздохнулъ послабѣе и еще разъ поглубже, поворочалъ головой на подушкѣ и заснулъ. Я внимательно смотрѣла на него, страшно волнуясь, сама не знаю, почему; сердце у меня билось, но я ничего не боялась. Чрезъ нѣсколько минутъ легкая улыбка пробѣжала по его губамъ, и онъ тихо заговорилъ: «На планетѣ, гдѣ люди оплодотворялись бы, какъ рыбы, гдѣ икра мужчины, прижавшись къ икрѣ женщины... я меньше сожалѣлъ бы объ этомъ... Ничего не слѣдуетъ терять изъ того, что можетъ быть полезно. М-ль, если бы это можно было собрать, влить въ флаконъ и отослать Нидхэму...» И вы, докторъ, не назовете это безсмыслицей?

Бордё. Около васъ, безусловно.

Леспинасъ. Около меня, вдали отъ меня, это все равно; вы не знаете, что̀ вы говорите. Я надѣялась, что къ утру будетъ поспокойнѣе.

Бордё. Послѣ этого обыкновенно наступаетъ успокоеніе.

Леспинасъ. Не тутъ-то было: въ два часа онъ вернулся къ своей каплѣ воды, которую онъ называлъ ми... кро...

Бордё. Микрокосмомъ.

Леспинасъ. Это его, именно, выраженіе. Онъ удивлялся проницательности древнихъ философовъ, говорилъ или заставлялъ говорить своего философа,— не знаю, что изъ двухъ: «Что отвѣтили бы Эпикуру, если бы онъ, увѣряя, что земля содержитъ въ себѣ зародыши всего сущаго, и что животныя—продуктъ броженія, предложилъ бы показать въ маломъ видѣ изображеніе того, что̀ дѣлалось большимъ отъ начала временъ?.. Но вотъ оно предъ вами это изображеніе, и оно ничему не научаетъ васъ... Кто знаетъ, истощились ли броженіе и его продукты? Кто знаетъ, къ какому моменту въ послѣдовательной цѣпи этихъ поколѣній животныхъ относимся мы? Кто знаетъ, не является ли образомъ погибающаго вида то обезформившееся двуногое существо, ростомъ только въ 4 фута, которое около полюса называютъ еще человѣкомъ, но которое, обезформившись еще немного, тотчасъ же потеряетъ это имя? Кто знаетъ, не то ли же самое происходитъ со всѣми видами животныхъ? Кто знаетъ, не стремится ли все свестись къ инертному и неподвижному осадку? Кто знаетъ, какова будетъ продолжительность этой инерціи? Кто знаетъ, какая новая раса можетъ вновь возникнуть изъ такой громадной совокупности чувствующихъ и живыхъ точекъ? А, можетъ быть, только одно животное? Чѣмъ былъ слонъ вначалѣ? Можетъ быть, огромнымъ животнымъ, какимъ мы видимъ его, а, можетъ быть, атомомъ,—одинаково возможно то и другое, такъ какъ и то и другое предполагаетъ лишь движеніе и различныя свойства матеріи... Слонъ, эта огромная организованная масса — внезапный продуктъ броженія! Почему нѣтъ? Связь между этимъ громаднымъ четвероногимъ и его пер-

вичной маткой менѣе замѣтна, чѣмъ между червячкомъ и произведшей его молекулой муки; но червячокъ только червячокъ..., т. е. мизерность его организаціи, трудно поддающейся наблюденію, не позволяетъ намъ судить, насколько чудесно его существованіе... Чудо, это—жизнь и чувствительность, иныхъ чудесъ нѣтъ.

Если я наблюдалъ, какъ матерія переходитъ изъ состоянія инертности въ состояніе чувствительности, то я ничему больше не долженъ удивляться... Какое сравненіе между маленькимъ количествомъ элементовъ въ состояніи броженія, умѣщающихся въ горсти моей руки, и этимъ безграничнымъ резервуаромъ различныхъ элементовъ, разсѣянныхъ въ нѣдрахъ земли, на поверхности ея, въ глубинахъ морей, въ безвѣстности воздушныхъ слоевъ!.. Но почему же слѣдствія должны быть иными, если причины остаются однѣ и тѣ же? Почему же мы не видимъ больше быка, пронзившаго своимъ рогомъ землю, упершагося ногами въ нее, и напрягающаго всѣ свои силы, чтобы высвободить изъ нея свое грузное тѣло?.. * Пусть исчезнетъ порода существующихъ нынѣ животныхъ; предоставьте громадному инертному осадку свободно дѣйствовать въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ вѣковъ.

Для возрожденія видовъ потребуется, быть можетъ, въ десять разъ больше времени, чѣмъ отпущено имъ на существованіе. Подождите, не спѣшите съ заключеніемъ насчетъ великаго дѣла природы. У васъ имѣются два великихъ явленія: переходъ изъ состоянія инертности въ состояніе чувствительности, и са-

---

*) См. Лукреція De rerum natura, кн. V.

мозарождающіяся поколѣнія животныхъ. Довольно съ васъ этого. Сдѣлайте изъ нихъ надлежащіе выводы и остерегитесь отъ эфемернаго софизма на счетъ порядка вещей, въ которомъ нѣтъ ни абсолютно великаго, ни малаго, ни абсолютно вѣчнаго, ни преходящаго...» Докторъ, что такое эфемерный софизмъ?

Бордё. Это софизмъ преходящаго существа, которое вѣритъ въ безсмертіе вещей.

Леспинасъ. Вродѣ розы Фонтенеля, которая говорила, что никогда, насколько она помнитъ, еще не видѣла, какъ умираетъ садовникъ.

Бордё. Точно такъ. Легко и глубоко.

Леспинасъ. Почему ваши философы не выражаются такъ граціозно, какъ Фонтенель? Намъ легче было бы понимать ихъ.

Бордё. Откровенно скажу: не знаю, приличенъ ли такой фривольный тонъ въ серьезныхъ предметахъ.

Леспинасъ. Что относите вы къ серьезнымъ предметомъ?

Бордё. Всеобщую чувствительность, образованіе чувствующаго существа, его единство, происхожденіе животныхъ, продолжительность ихъ существованія и всѣ связанные съ этимъ вопросы.

Леспинасъ. Я же называю все это безсмыслицей, которой, допускаю, можно бредить во время сна, но которой никогда не будетъ заниматься здравомыслящій человѣкъ въ бодромъ состояніи.

Бордё. Почему?

Леспинасъ. Потому, что одни изъ этихъ предметовъ такъ ясны, что безполезно разыскивать основанія ихъ, а другіе такъ темны, что въ нихъ ничего не разберешь, а всѣ они вмѣстѣ въ высокой степени безполезны.

Бордѐ. Развѣ вы думаете, что для васъ безразлично допускать или отрицать существованіе высшаго разума?

Леспинасъ. Нѣтъ.

Бордѐ. Развѣ вы думаете, что можно рѣшить вопросъ о высшемъ разумѣ, не зная, какого мнѣнія держаться по вопросу о вѣчности матеріи и ея свойствахъ, о различіи двухъ субстанцій, о природѣ человѣка и происхожденіи животныхъ?

Леспинасъ. Нѣтъ.

Бордѐ. Значитъ, это не праздные, какъ вы сказали, вопросы.

Леспинасъ. Но какое мнѣ дѣло до ихъ важности, если я не сумѣю разрѣшить ихъ?

Бордѐ. А какъ вы разрѣшите ихъ, если вы не занимаетесь ими? Но могу ли я спросить васъ о тѣхъ, которые вы находите столь ясными, что вамъ кажется излишнимъ изслѣдованіе ихъ?

Леспинасъ. Это, напримѣръ, вопросы о моемъ единствѣ, о моемъ я. Клянусь, мнѣ кажется, нѣтъ необходимости такъ много болтать, чтобы знать, что я—я, была я и никогда не буду иной.

Бордѐ. Несомнѣнно, фактъ ясенъ, но основаніе факта никоимъ образомъ не является таковымъ, особенно въ гипотезѣ тѣхъ, кто допускаетъ только одну субстанцію и объясняетъ образованіе человѣка или животнаго послѣдовательнымъ приращеніемъ многочисленныхъ чувствующихъ молекулъ. У каждой чувствующей молекулы до прививки было свое я; какъ она лишилась его и какъ изъ всѣхъ этихъ утратъ составилось сознаніе цѣлаго?

Леспинасъ. Мнѣ кажется, достаточно одного контакта. Вотъ опытъ, который я производила сотню разъ..

но подождите... Нужно пойти посмотрѣть, что дѣлается тамъ, за этими занавѣсками... спитъ... Когда я прикладываю руку къ бедру, я хорошо сначала чувствую, что̀ рука не то, что бедро, но спустя нѣкоторое время, когда теплота станетъ одинаковой въ обѣихъ частяхъ, я перестаю различать ихъ: границы обѣихъ частей смѣшиваются и дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто единое.

Бордѐ. Да, пока не уколешь ту или другую часть: тогда возобновляется различіе. Есть, слѣдовательно, въ васъ нѣчто, что̀ знаетъ: руку или бедро вамъ укололи, и это нѣчто ни ваша нога, ни даже ваша уколотая рука; ваша рука страдаетъ, но знаетъ объ этомъ нѣчто другое, что не страдаетъ.

Леспинасъ. Это, думается мнѣ, моя голова.

Бордѐ. Вся ваша голова?

Леспинасъ. Нѣтъ, докторъ, но я поясню мою мысль сравненіемъ. Сравненія почти исключительный доводъ у женщинъ и поэтовъ. Представьте себѣ паука...

Д'Аламберъ. Кто это тамъ?..Это вы, м-ль Леспинасъ?

Леспинасъ. Т-съ! т-съ... (*нѣкоторое время Леспинасъ и докторъ хранятъ молчаніе, затѣмъ Леспинасъ говоритъ тихо*:) Кажется, снова заснулъ.

Бордѐ. Нѣтъ, я что-то, кажется, слышу.

Леспинасъ. Вы правы. Не началъ ли снова бредить?

Бордѐ. Послушаемъ.

Д'Аламберъ. Почему я такой,? развѣ нужно было, чтобы я былъ такимъ... Здѣсь, да, а въ другомъ мѣстѣ? на полюсѣ? подъ экваторомъ? на Сатурнѣ?. Если на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ льё мой видъ измѣняется, то что же можетъ произойти на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ земныхъ діаметровъ?.. Если все находится въ общемъ водоворотѣ, то что могутъ произвести здѣсь и въ другихъ мѣстахъ продолжитель-

ность и смѣна нѣсколькихъ милліоновъ вѣковъ? Кто знаетъ, что такое мыслящее и чувствующее существо на Сатурнѣ?.. Но есть ли на Сатурнѣ чувство и мысль?.. почему нѣтъ?.. Больше ли чувствъ у мыслящаго и чувствующаго существа на Сатурнѣ, чѣмъ у меня?.. Если это такъ,—о,—какъ онъ несчастенъ, этотъ житель Сатурна!.. Чѣмъ больше чувствъ, тѣмъ больше потребностей.

Борде. Онъ правъ: органы производятъ потребности и, наоборотъ, потребности производятъ органы. *).

Леспинасъ. Докторъ, вы тоже бредите?

Борде. Почему это кажется вамъ невѣроятнымъ? Я видѣлъ, какъ изъ двухъ зачатковъ съ теченіемъ времени выросли двѣ руки.

Леспинасъ. Вы лжете.

Борде. Нѣтъ. Я видѣлъ, какъ, за отсутствіемъ руки, плечевыя кости удлинялись, двигались на подобіе клешни и превращались въ зачатки рукъ.

Леспинасъ. Какая безсмыслица!

Борде. Это фактъ. Предположите длинный рядъ безрукихъ поколѣній, предположите наличность безпрестанныхъ усилій и вы увидите, какъ обѣ эти оконечности все больше и больше удлиняются, скрещиваются на спинѣ, вытягиваются напереди, образуютъ, можетъ быть, пальцы и превращаются въ руки. Первоначальная конформація ихъ измѣняется или совершенствуется подъ вліяніемъ необходимости и отправленія обычныхъ для нихъ функцій. Мы такъ

---

*) Мысль Ламарка въ его Philosophie zoologique (1809) Майэ, Робинэ, Дидро развили ее. А еще раньше эту же мысль развивалъ въ своихъ произведеніяхъ де-Ламетри.

мало ходимъ, такъ мало занимаемся физическимъ трудомъ и такъ много работаемъ умственно, что, по моему мнѣнію, человѣкъ будетъ представлять изъ себя въ концѣ концовъ одну голову.

Леспинасъ. Одну голову? одной головы мало! Надѣюсь, что развязная любезность... Вы наводите меня на очень игривыя мысли.

Борде. Т-съ!

Д'Аламберъ. Я, слѣдовательно, сталъ такимъ потому, что нужно было, чтобы я былъ такимъ. Измѣните все и вы безусловно измѣните и меня; все безпрерывно измѣняется... Человѣкъ—обычное явленіе, уродъ—явленіе исключительное, но оба одинаково естественны, одинаково необходимы, одинаково въ порядкѣ вещей во вселенной... Что же удивительнаго въ этомъ?.. Всѣ существа взаимно скрещиваются, слѣдовательно, и всѣ виды ихъ... и все находится въ состояніи безпрерывной измѣнчивости!.. Всякое животное болѣе или менѣе человѣкъ; всякій минералъ болѣе и менѣе растеніе; всякое растеніе болѣе или менѣе животное. Нѣтъ ничего постояннаго въ природѣ... Лента отца Кастеля... Да, отецъ Кастель, это ваша лента, не больше. Всякая вещь болѣе или менѣе представляетъ изъ себя что-нибудь, это есть или болѣе или менѣе земля, или вода, или воздухъ, или огонь, болѣе или менѣе то или другое царство... нѣтъ ничего, что по своей сущности было бы особымъ существомъ... Несомнѣнно, нѣтъ, такъ какъ нѣтъ въ природѣ вещей такого свойства, къ которому не было бы причастно всякое существо...

А вы говорите объ индивидахъ, бѣдные философы! оставьте вашихъ индивидовъ и отвѣчайте мнѣ. Существуетъ ли въ природѣ хотя одинъ атомъ, безусловно

похожій на другой?.. Нѣтъ... Развѣ вы не согласны, что все въ природѣ взаимно обусловлено и невозможно допустить, чтобы въ цѣпи вещей недоставало одного звена? Что же вы хотите сказать своими индивидами? Ихъ вовсе нѣтъ, нѣтъ, они не существуютъ... Есть только одинъ великій индивидъ, цѣлое. Въ этомъ цѣломъ, какъ въ машинѣ, какъ въ какомъ-нибудь животномъ, есть одна какая-нибудь часть, которую вы назовете такъ или иначе, но, называя эту часть цѣлаго индивидомъ, вы поступаете такъ же неправильно, какъ въ томъ случаѣ, когда вы дасте названіе индивида птичьему крылу, перу отъ крыла... И вы говорите о сущностяхъ, бѣдные философы! оставьте ваши сущности. Окиньте взоромъ всю громаду мірозданія; если же у васъ слишкомъ ограниченное воображеніе, остановитесь мысленно на началѣ вашего происхожденія и на вашей конечной фазѣ... О, Архитъ, измѣрившій земной шаръ, что̀ ты теперь? горсть пепла.. Что такое существо?.. Совокупность извѣстныхъ тенденцій...? Могу ли я быть чѣмъ-нибудь инымъ?.. нѣтъ, я иду къ опредѣленному предѣлу... А виды?.. Виды не что иное, какъ только тенденціи съ общимъ свойственнымъ имъ предѣломъ... А жизнь?.. Жизнь—послѣдовательный рядъ дѣйствій и противодѣйствій... Живымъ, я дѣйствую и противодѣйствую въ формѣ массы... мертвымъ, я дѣйствую и противодѣйствую въ формѣ молекулы... Слѣдовательно, я вовсе не умираю?.. Несомнѣнно нѣтъ, въ этомъ смыслѣ я совершенно не умираю, ни я, ничто другое... Родиться, жить, исчезать, это значитъ—мѣнять формы... А не все ли равно: та или другая форма? Съ каждой формой связано свойственное ей счастье и несчастье. Отъ слона до мушки,, отъ мушки до чувствующей и живой моле-

кулы, начала всего, нѣтъ во всей природѣ ни одной точки, которая не страдаетъ или не наслаждается.

Леспинасъ. Больше ничего не говоритъ.

Бордé. Нѣтъ. Онъ совершилъ довольно хорошую экскурсію. Вотъ, по-истинѣ, возвышенная философія; приведенная въ систему въ данный моментъ, она тѣмъ болѣе будетъ оправдывать свое назначеніе, чѣмъ больше будутъ прогрессировать человѣческія знанія.

Леспинасъ. Гдѣ же мы остановились?

Бордé. Ужъ, не помню, право: столько явленій пришло мнѣ на память, пока я слушалъ его!

Леспинасъ. Подождите, подождите... я остановилась на моемъ паукѣ.

Бордé. Да, да.

Леспинасъ. Подойдите, докторъ. Представьте себѣ паука, сидящаго въ центрѣ паутины. Разорвите одно волоконце и вы увидите, какъ проворно подскочитъ къ этому мѣсту паукъ. Ну-съ, если бы волокна паутины, которыя насѣкомое произвольно выматываетъ изъ своихъ внутренностей и опять втягиваетъ въ себя, если бы эти волокна составляли чувствующую часть его самого?..

Борде. Понимаю. Вы представляете себѣ, что гдѣ-то внутри васъ, въ какомъ-то уголкѣ вашей головы, въ томъ, напримѣръ, который называется мозговыми оболочками, есть одинъ или нѣсколько пунктовъ, куда сносятся всѣ ощущенія, вызванныя въ волокнахъ.

Леспинасъ. Такъ.

Бордé. Ваша мысль, какъ нельзя болѣе, вѣрна; но развѣ вы не видите, что это почти то же, что извѣстная гроздь пчелъ?

Леспинасъ. Ахъ, это правда! я говорила прозой, сама не подозрѣвая этого.

Бордé. И очень хорошей прозой, какъ вы увидите. Кто знаетъ человѣка только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется при рожденіи, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о немъ. Его голова, ноги, руки, всѣ его члены, всѣ его сосуды, всѣ его органы, носъ, глаза, уши, сердце, легкія, внутренности, мускулы, кости, нервы, перепонки, собственно говоря, не что иное, какъ простые отпрыски ткани, которая развивается, растетъ, расширяется, разбрасываетъ множество невидимыхъ волоконцевъ.

Леспинасъ. Такъ вотъ возьмемъ паутину; исходнымъ пунктомъ всѣхъ ея волоконъ является паукъ.

Бордé. Великолѣпно.

Леспинасъ. Гдѣ находятся волокна, и гдѣ помѣщается паукъ?

Бордé. Волокна повсюду; нѣтъ ни одного пункта на поверхности вашего тѣла, куда бы онѣ ни проникали; а паукъ гнѣздится въ той части вашей головы, которую я назвалъ мозговыми оболочками, и къ которой невозможно почти прикоснуться безъ того, чтобы не вызвать онѣмѣнія во всей машинѣ.

Леспинасъ. Но когда какой-нибудь атомъ вызываетъ колебаніе въ одномъ изъ волоконъ паутины, тогда паукъ бьетъ тревогу, безпокоится, убѣгаетъ или прибѣгаетъ. Находясь въ центрѣ, онъ освѣдомленъ обо всемъ, что происходитъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ его обширнаго искусно сотканнаго аппартамента. Почему же я не знаю, что происходитъ въ моемъ аппартаментѣ или мірѣ, если я клубокъ чувствительныхъ точекъ, если все запечатлѣвается на мнѣ, и я запечатлѣваюсь на всемъ.

Бордѐ. Потому что впечатлѣнія ослабѣваютъ по мѣрѣ удаленія отъ исходнаго пункта.

Леспинасъ. Если дать самый легонькій ударъ по одному концу длиннаго бревна, я услышу его, приложивъ ухо къ другому концу. Тотъ же самый эффектъ долженъ бы получиться, если однимъ концомъ бревна коснуться земли, а другимъ Сиріуса. Если все, такимъ образомъ, соединено, связано другъ съ другомъ, т. е. , если бревно дѣйствительно существуетъ, то почему мнѣ не услышать, что происходитъ въ обширномъ, окружающемъ меня пространствѣ, въ особенности, когда я прислушаюсь къ нему?

Бордѐ. Кто же вамъ сказалъ, что вы не услышали бы кое-чего? Разстояніе-то слишкомъ большое, впечатлѣніе, перекрещивающееся по дорогѣ съ другими, слишкомъ слабое,... васъ окружаетъ и оглушаетъ столь разнообразный и сильный шумъ... къ тому же, на всемъ разстояніи отъ Сатурна до васъ, между тѣлами существуетъ только смежность, а не безпрерывность....

Леспинасъ. Очень жаль.

Бордѐ. Это такъ, иначе вы были бы Богомъ. Благодаря тождеству со всѣми существами природы, вы знали бы все, что происходитъ; благодаря памяти, вы знали бы все, что произошло.

Леспинасъ. А то, что̀ произойдетъ?

Бордѐ. Насчетъ будущаго вы строили бы вѣроятныя, но подверженныя ошибкамъ догадки, точно такъ, какъ если бы вы старались догадаться, что произойдетъ въ васъ, на оконечности вашей ноги или руки.

Леспинасъ. Но кто сказалъ вамъ, что у этого міра нѣтъ своихъ мозговыхъ оболочекъ, или что въ какомъ-нибудь углу пространства не живетъ большой или маленькій паукъ, протягивающій повсюду свои нити?

Бордé. Никто, и еще менѣе я знаю, былъ ли и будетъ ли онъ.

Леспинасъ. Какъ, это подобіе Бога...

Бордé. Единое мыслимое...

Леспинасъ. Можетъ быть, когда-то существовало, или появилось и исчезло?

Бордé. Несомнѣнно, оно старѣло и умирало, поскольку матерія во вселенной, какъ частица вселенной, подвержена измѣненіямъ.

Леспинасъ. Но вотъ мнѣ приходитъ въ голову еще другая странность.

Бордé. Можете не говорить,—я знаю ее.

Леспинасъ. Какая же именно?

Бордé. Вы представляете себѣ разумъ соединеннымъ съ самыми дѣятельными частями матеріи и возможность появленія самыхъ разнообразныхъ чудесныхъ феноменовъ. Другіе думали такъ же, какъ вы.

Леспинасъ. Вы догодались, но отъ этого не возрасло мое уваженіе къ вамъ. Надо думать, что вы великолѣпно предрасположены къ сумасшествію.

Бордé. Согласенъ. Но что ужаснаго въ этой мысли? Былъ бы урожай на добрыхъ и злыхъ геніевъ, самые постоянные законы природы нарушались бы естественными агентами; стали бы болѣе тяжелыми общія условія нашего физическаго существованія, но совершенно не было бы чудесъ.

Леспинасъ. По-истинѣ, нужно очень критически относиться къ тому, что утверждаютъ или отрицаютъ.

Бордé. Такъ вотъ тотъ, кто разсказывалъ бы вамъ объ явленіи такого рода, былъ бы похожъ на большого лжеца. Однако, оставимъ всѣ эти воображаемыя существа вмѣстѣ съ паукомъ въ безпредѣльныхъ сѣтяхъ и вернемся къ вашему пауку и его образованію.

Леспинасъ. Согласна.

Д'Аламберъ. М-ль Леспинасъ, съ кѣмъ разговариваете вы?

Леспинасъ. Съ докторомъ.

Д'Аламберъ. Здравствуйте, докторъ. Что вы дѣлаете здѣсь такъ рано?

Борде. Узнаете потомъ; спите.

Д'Аламберъ. Право, мнѣ хочется спать. Кажется, я никогда еще не спалъ такъ безпокойно. Вы не уйдете, пока я не встану?

Борде. Нѣтъ. Бьюсь объ закладъ, м-ль, что, по вашему мнѣнію, вы всегда были женщиной данной формы, хотя въ двѣнадцать лѣтъ вы были ростомъ на половину меньше, въ четыре года еще меньше, зародышемъ—маленькой женщиной, въ яичникѣ вашей матери совсѣмъ маленькой, такъ что только послѣдовательно взятыя нами стадіи роста производили разницу между вами въ періодѣ зарожденія и вами въ настоящемъ видѣ.

Леспинасъ. Согласна.

Борде. Однако, нѣтъ ничего ошибочнѣе этой мысли. Сначала вы ничѣмъ не были. Затѣмъ, въ самомъ началѣ возникновенія вы были неуловимой точкой, образованной изъ мельчайшихъ молекулъ, разсѣянныхъ въ крови, лимфѣ вашего отца или матери; затѣмъ эта точка стала тонкимъ волоконцемъ, потомъ пучкомъ волоконцевъ. До этого момента нѣтъ ни малѣйшаго слѣда той милой формы, какую вы имѣете сейчасъ: ваши глаза, ваши прекрасные глаза, такъ же мало походили на глаза, какъ конецъ зубка вѣтряницы на вѣтряницу. Каждый побѣгъ пучка трансформировался, благодаря только питанію и своей конформаціи, въ особый органъ; исключеніе пред-

ставляють тѣ органы, въ которыхъ происходятъ съ побѣгами эти метаморфозы и которымъ они даютъ начало. Пучокъ,—это цѣлая система непосредственныхъ чувствъ; если бы онъ всегда оставался въ такомъ видѣ, онъ былъ бы способенъ къ воспріятію всѣхъ доступныхъ непосредственной чувствительности впечатлѣній, какъ-то: холода, теплоты, мягкости, жесткости. Эти послѣдовательныя впечатлѣнія, взаимно варіируясь и измѣняясь въ своей интенсивности, произвели бы, можетъ быть, память, сознаніе своего я, очень ограниченный умъ. Но эта непосредственная и простая чувствительность, этотъ комплексъ осязанія, разнообразится въ зависимости отъ органовъ, образующихся изъ побѣговъ: побѣгъ, образующій ухо, даетъ начало особому роду осязанія, которое вызывается въ насъ шумомъ или звукомъ; другой побѣгъ, образующій нёбо, даетъ начало другому роду осязанія, называемому нами вкусомъ; третій, образующій носъ, даетъ начало третьему роду осязанія—запаху, четвертый, образующій глазъ, даетъ начало четвертому роду осязанія, который мы называемъ цвѣтомъ.

Леспинасъ. Въ такомъ случаѣ, если я хорошо поняла васъ, безразсудны тѣ, которые отрицаютъ возможность существованія шестого чувства, истиннаго гермафродита. Кто имъ сказалъ, что природа не можетъ образовать пучокъ съ особеннымъ побѣгомъ, который далъ бы начало неизвѣстному намъ органу?

Бордё. Или съ двумя побѣгами, характеризующими два пола? Вы правы. Пріятно разговаривать съ вами: вы не только быстро схватываете, что̀ вамъ говорятъ, но и дѣлаете правильные выводы, которые меня удивляютъ.

Леспинасъ. Вы подбадриваете меня, докторъ.

Борде. Нѣтъ, право, я говорю, что думаю.

Леспинасъ. Я хорошо вижу, какія функціи выполняютъ нѣкоторые побѣги пучковъ, но что происходитъ съ другими?

Борде. А другая на вашемъ мѣстѣ задумалась бы надъ этимъ вопросомъ?

Леспинасъ. Навѣрное.

Борде. Вы не тщеславная. Остальные побѣги образуютъ столько другихъ видовъ осязанія, сколько существуетъ разнообразныхъ органовъ и частей тѣла.

Леспинасъ. Какъ называютъ ихъ? Я никогда не слыхала о нихъ.

Борде. У нихъ нѣтъ названія.

Леспинасъ. Почему?

Борде. Потому что между ощущеніями, вызванными при ихъ посредствѣ, нѣтъ такой разницы, какая существуетъ между ощущеніями, вызванными при посредствѣ другихъ органовъ.

Леспинасъ. Вы самымъ серьезнымъ образомъ думаете, что нога, рука, бедро, животъ, желудокъ, грудь, легкія, сердце имѣютъ свои особыя ощущенія?

Борде. Думаю. Осмѣлюсь ли спросить васъ, нѣтъ ли между этими ощущеніями, у которыхъ нѣтъ названія...

Леспинасъ. Я понимаю васъ. Нѣтъ. То совсѣмъ особаго рода ощущеніе и это, очень жаль. Но какое у васъ основаніе для предположенія такого многообразія ощущеній, скорѣе непріятныхъ, чѣмъ пріятныхъ, которыми вамъ угодно осчастливить насъ?

Борде Основаніе? мы хорошо распознаемъ ихъ. Если бы не существовало этого безконечнаго разнообразія въ осязаніи, мы знали бы, что испытываемъ

удовольствіе или боль, но не знали бы, куда ихъ отнести. Нужна была бы помощь зрѣнія; но это было бы уже не дѣло ощущенія, это было бы дѣло опыта и наблюденія.

Леспинасъ. Если я, предположимъ, сказала бы, что у меня болитъ палецъ, и меня спросили бы, почему я увѣряю, что именно въ пальцѣ боль, нужно было бы отвѣтить не то, что я чувствую это, а то, что я чувствую боль и вижу, что мой палецъ боленъ.

Бордé. Такъ. Позвольте обнять васъ.

Леспинасъ. Съ удовольствіемъ.

Д'Аламберъ. Докторъ, вы обнимаете м-ль, это очень похоже на васъ.

Бордé. Я много размышлялъ надъ этимъ, и мнѣ казалось, что недостаточно одного мѣста и направленія боли для того, чтобы составить себѣ слишкомъ поспѣшное заключеніе о началѣ пучка.

Леспинасъ. Я ничего этого не знаю.

Бордé. Ваше сомнѣніе мнѣ нравится. У насъ такъ обычно принимаютъ естественныя свойства за пріобрѣтенныя и почти такія же старыя, какъ мы, привычки.

Леспинасъ. И наоборотъ.

Бордé. Какъ бы тамъ ни было, но вы видите, что въ вопросѣ о первообразованіи животнаго слишкомъ недальновидно останавливать свой взглядъ и размышленія на окончательно сформировавшемся животномъ, что слѣдуетъ восходить до его первоначальныхъ зачатковъ, и что вамъ необходимо отвлечься отъ вашей настоящей организаціи и вернуться къ тому моменту, когда вы были только мягкой, волокнистой, безформенной, червообразной субстанціей, скорѣе похожей на луковицу и корень растенія, чѣмъ на животное.

Леспинасъ. Если бы существовалъ обычай ходить

по улицамъ совсѣмъ голой, мнѣ пришлось бы сообразоваться съ нимъ. Такъ дѣлайте изъ меня, что хотите, лишь бы вы просвѣтили меня. Вы мнѣ сказали, что каждый побѣгъ пучка образуетъ особый органъ, но какъ доказать это?

Борде́. Сдѣлайте мысленно то, что иногда дѣлаетъ природа: отнимите у пучка одинъ изъ побѣговъ, напримѣръ, тотъ, который образуетъ глаза; какъ вы думаете, что̀ произойдетъ?

Леспинасъ. У животнаго, можетъ быть, не будетъ глазъ.

Борде́. Или будетъ только одинъ посрединѣ лба.

Леспинасъ. Это будетъ Циклопъ.

Борде́. Циклопъ.

Леспинасъ. Слѣдовательно, Циклопъ можетъ оказаться вовсе не миѳическимъ существомъ.

Борде́. До такой степени не миѳическимъ, что я готовъ, когда вамъ угодно, показать одного такого циклопа. *)

Леспинасъ. А кто знаетъ причину такой странной особенности?

Борде́. Тотъ, кто дѣлалъ диссекцію этого чудовища и нашелъ у него только одинъ зрительный нервъ. Сдѣлайте мысленно то, что дѣлаетъ иногда природа. Уничтожьте другой побѣгъ пучка, который долженъ образовать, напримѣръ, носъ, и животное будетъ безъ носа. Уничтожьте побѣгъ, который долженъ образовать ухо, и животное будетъ безъ ушей или съ однимъ ухомъ, и анатомъ не найдетъ при диссекціи ни обонятельныхъ, ни слуховыхъ нервовъ или найдетъ

---

*) Бюффонъ ссылается на Mercure de France» 1766 г. въ доказательство существованія такого циклопа. Это была дѣвушка.

только по одному. Продолжайте дальше уничтожать побѣги, и животное будетъ безъ головы, безъ ногъ, безъ рукъ; жизнь его станетъ короче, но оно будетъ жить.

Леспинасъ. Существуютъ ли въ дѣйствительности такіе примѣры?

Бордé. Безусловно. Но это не все. Удвойте число нѣкоторыхъ побѣговъ у пучка, и у животнаго будетъ двѣ головы, четыре глаза, четыре уха, три ноги, четыре руки, по шести пальцевъ на каждой рукѣ. Перемѣстите побѣги пучка, и органы размѣстятся иначе: голова займетъ мѣсто по срединѣ груди, легкія окажутся на лѣвой сторонѣ, сердце—на правой. Склейте вмѣстѣ два побѣга, и органы сольются: руки—съ тѣломъ, ноги, бедра соединятся вмѣстѣ, и у васъ получатся всевозможные уроды.

Леспинасъ. Но мнѣ кажется, что такая сложная машина, какъ животное, которая родится отъ одной точки, отъ одной взбудораженной, а, можетъ быть, отъ двухъ наугадъ смѣшанныхъ жидкостей,—ибо въ тотъ моментъ почти не знаешь, что̀ дѣлаешь,—что машина, которая движется къ своему совершенству по безконечному ряду ступеней послѣдовательнаго развитія, правильное или неправильное образованіе которой зависитъ отъ пучка тонкихъ, несвязанныхъ между собою и эластичныхъ волоконцевъ, отъ нѣкоего клубка, гдѣ безъ вреда для цѣлаго не можетъ быть порвана, нарушена, смѣщена одна малѣйшая частичка,—что такая машина должна была бы еще чаще приходить въ замѣшательство, сбиваться съ ходу въ мѣстѣ своего образованія, чѣмъ мой шелкъ на прялкѣ.

Бордé И она страдаетъ отъ этого чаще, чѣмъ дума-

ютъ. Не достаточно часто прибѣгаютъ къ диссекціи и потому наши представленія объ ея образованіи очень далеки отъ истины.

Леспинасъ. Кромѣ горбатыхъ и хромыхъ, есть ли другіе выдающіеся примѣры такихъ природныхъ аномальностей, которыя можно было бы приписать какому-нибудь наслѣдственному недостатку?

Бордé. Безчисленное множество. Еще совсѣмъ недавно умеръ въ парижскомъ госпиталѣ отъ воспаленія легкихъ Жанъ-Баптистъ Масе, 25 л., плотникъ изъ Труа, у котораго внутренніе органы грудной и брюшной полости были не на своемъ мѣстѣ: сердце на правой сторонѣ точно такъ же, какъ оно у васъ на лѣвой; печень—на лѣвой сторонѣ; желудокъ, селезенка, поджелудочная железа въ правомъ подреберьѣ... Подите—говорите послѣ этого о конечныхъ причинахъ!

Леспинасъ. Удивительно.

Бордé. Если бы Жанъ-Баптистъ Масе былъ женатъ и имѣлъ дѣтей...

Леспинасъ. Ну, докторъ, эти дѣти...

Бордé. Имѣли бы нормальное строеніе, но такъ какъ эти неправильности проявляются скачками, то, по истеченіи сотни лѣтъ, у кого-нибудь изъ дѣтей ихъ дѣтей снова обнаружилось бы причудливое строеніе его предка.

Леспинасъ. А отчего происходятъ эти скачки?

Бордé. Кто знаетъ? Чтобы произвести одного ребенка, необходима, какъ вамъ извѣстно, наличность двухъ агентовъ. Можетъ быть, одинъ изъ агентовъ исправляетъ недостатки другого, и надѣленная дефектами ткань нарождается вновь только въ тотъ моментъ, когда господствуетъ и предписываетъ форми-

рующейся ткани свои законы потомокъ уродливой расы. Въ пучкѣ волоконцевъ создается первоначальная разница между всѣми видами животныхъ. Разнообразія, таящіяся въ пучкѣ вида, вызываютъ всѣ уродливыя разнообразія этого вида.

Леспинасъ (*послѣ долгаго молчанія выходитъ изъ состоянія задумчивости и нарушаетъ размышленія доктора слѣдующимъ вопросомъ*:) Мнѣ приходитъ въ голову одна очень глупая мысль.

Бордѐ. Какая?

Леспинасъ. Мужчина, можетъ быть, не больше, какъ уродливый образъ женщины, а женщина — уродливый образъ мужчины.

Бордѐ. Эта мысль еще скорѣе пришла бы вамъ, если бы вы знали, что у женщины имѣются всѣ части мужчины; что единственная разница между ними состоитъ въ положеніи мѣшочка, который у мужчины виситъ снаружи, а у женщины обращенъ внутрь; что женскій зародышъ похожъ на мужской такъ, что ихъ не различишь; что у женскаго зародыша часть, которая вводитъ въ заблужденіе, опадаетъ по мѣрѣ того, какъ расширяется внутренній мѣшочекъ; что она никогда не стирается до такой степени, чтобы утратить свой первоначальный видъ; что она воспріимчива къ тѣмъ же самымъ движеніямъ; что она играетъ ту же роль стимула страсти; что она имѣетъ свою железу, и что на оконечности ея замѣчается точка, которая, повидимому, была бы отверстіемъ формирующагося мочевого канала; что женщины, у которыхъ чрезмѣрный клиторисъ, имѣютъ бороду; что у евнуховъ нѣтъ бороды, что ляжки у нихъ становятся сильнѣе, бедра шире, колѣни круглѣе, и что, утрачивая характерныя черты организаціи одного пола, они, повидимому, возвра-

щаются къ характерной конформаціи другого. Тѣ изъ арабовъ, которые не разстаются съ лошадью, становятся скопцами, лишаются бороды, пріобрѣтаютъ тонкій голосъ, одѣваются по-женски, располагаются среди женщинъ на арбахъ, мочатся, сидя на корточкахъ, и во всемъ ведутъ себя, какъ женщины... Однако мы слишкомъ уклонились отъ нашего предмета. Вернемся къ нашему пучку живыхъ и одушевленныхъ волоконъ.

Д'Аламберъ. Вы, кажется, говорите пакости д-ръ Леспинасъ.

Борде. Приходится прибѣгать къ техническимъ выраженіямъ, когда говоришь о научныхъ предметахъ.

Д'Аламберъ. Правильно; тогда отъ этихъ выраженій отпадаетъ ихъ дополнительный смыслъ, благодаря которому они становятся неприличными. Продолжайте, докторъ. Итакъ, вы говорили, что матка не что иное, какъ скротумъ, обращенный извнѣ внутрь, что клиторисъ—мужской членъ въ миніатюрѣ, что этотъ мужской членъ у женщины уменьшается по мѣрѣ того, какъ расширяется матка или обращенный внутрь скротумъ, и что...

Леспинасъ. Да, да, молчите и не вмѣшивайтесь въ нашъ разговоръ.

Борде. Вы видите, м-ль, что при разсмотрѣніи нашихъ ощущеній, которыя вообще являются не чѣмъ инымъ, какъ варіирующимся осязаніемъ, приходится растаться съ послѣдовательными формами, принимаемыми тканью, и довольствоваться только тканью.

Леспинасъ. Каждое чувствующее волоконце ткани можно поранить или пощекотать на всемъ ея про-

тяженіи. Удовольствіе или боль тутъ или тамъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ одной изъ длинныхъ лапъ моего паука,—я все возвращаюсь къ моему пауку, вѣдь это паукъ является общимъ началомъ всѣхъ лапъ, и онъ посылаетъ въ то или другое мѣсто радость или боль, не испытывая ихъ самъ...

Бордé. Постоянное, неизмѣнное сообщеніе всѣхъ впечатлѣній этому общему началу устанавливаетъ единство животнаго.

Леспинасъ. Память обо всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ впечатлѣніяхъ создаетъ исторію жизни каждаго животнаго и его я.

Бордé. А память и сравненіе, по необходимости сопутствующія всѣмъ этимъ впечатлѣніямъ, создаютъ мысль и разумъ.

Леспинасъ. А сравненіе гдѣ зарождается?

Борде. У начала ткани.

Леспинасъ. А ткань?

Бордé. У ея начала нѣтъ никакого присущаго ей чувства: она не видитъ, не слышитъ, не страдаетъ. Она родится, питается, исходитъ изъ нѣжной нечувствующей, инертной субстанціи, которая служитъ ей изголовьемъ, и на ней она возсѣдаетъ, выслушиваетъ, судитъ и выноситъ приговоры.

Леспинасъ. Она не страдаетъ?

Бордé. Нѣтъ. Малѣйшее впечатлѣніе прерываетъ ея засѣданіе, и животное приходитъ въ состояніе смерти. Прекратите доступъ впечатлѣнію, она вернется къ своимъ функціямъ, и животное оживетъ.

Леспинасъ. Откуда вы знаете все это? Развѣ когда-нибудь произвольно оживляли и умерщвляли какого-нибудь человѣка?

Бордé. Да.

Леспинасъ. Какъ же это?

Бордё. Я вамъ скажу. Это очень интересный фактъ. Ла-Пейрони позвали къ одному больному, который получилъ тяжелый ударъ въ голову. Больной чувствовалъ въ мѣстѣ пораненія пульсацію. Хирургъ не сомнѣвался, что можетъ образоваться на мозгѣ нарывъ, и что нельзя терять ни одной минуты. Онъ бреетъ больного и производитъ трепанацію черепа. Остріе инструмента какъ разъ угождаетъ въ средину нарыва. Онъ удаляетъ гной и спринцовкой очищаетъ нарывъ. Какъ только онъ вводитъ жидкость въ нарывъ, больной закрываетъ глаза, въ его членахъ прекращается всякая дѣятельность, всякое движеніе, не видно ни малѣйшаго признака жизни; но какъ только хирургъ снова вбираетъ въ спринцовку жидкость, и освобождаетъ начало пучка отъ тяжести и давленія введенной жидкости, больной снова открываетъ глаза, приходитъ въ движеніе, говоритъ, чувствуетъ, возрождается и живетъ.

Леспинасъ. Странно. И что же, больной выздоровѣлъ?

Бордё. Выздоровѣлъ, и когда онъ сталъ здоровымъ, къ нему вернулась способность размышленія, онъ началъ мыслить, разсуждать, къ нему вернулся прежній умъ, прежняя разсудительность и чуткость.

Леспинасъ. Этотъ вотъ судья вашъ—весьма необыкновенное существо.

Бордё. Онъ самъ иногда ошибается; гнетъ привычки господствуетъ надъ нимъ: чувствуютъ, напримѣръ, боль въ членѣ, котораго больше уже нѣтъ. Обманываютъ его, когда хотятъ: скрестите, напримѣръ, два ваши пальца одинъ надъ другимъ, дотроньтесь

до какого-нибудь маленькаго шарика, и онъ произнесетъ, что ихъ два.

Леспинасъ. Слѣдовательно, съ нимъ происходитъ то же, что со всѣми судьями въ мірѣ, и онъ нуждается въ опытѣ, безъ котораго онъ принималъ бы ощущеніе холода за ощущеніе отъ огня.

Борде. Онъ дѣлаетъ еще кое-что: онъ принимаетъ въ индивидѣ почти безграничные размѣры или, наоборотъ, концентрируется почти въ одной точкѣ.

Леспинасъ. Не понимаю.

Борде. Что ограничиваетъ вашу реальную протяженность, истинную сферу вашей чувствительности?

Леспинасъ. Мое зрѣніе и осязаніе.

Борде. Днемъ. А ночью, въ темнотѣ, особенно, когда вы размышляете надъ какимъ-нибудь отвлеченнымъ вопросомъ, или даже днемъ, когда вашъ умъ чѣмъ-нибудь занятъ?

Леспинасъ. Ничто. Я существую тогда какъ бы въ одной точкѣ; я почти перестаю быть матеріей; я чувствую только мою мысль; для меня не существуетъ больше ни мѣста, ни движенія, ни тѣлъ, ни разстоянія, ни пространства: вселенная исчезаетъ для меня, и я исчезаю для нея.

Борде. Вотъ это послѣдній предѣлъ концентраціи вашего существованія, но его воображаемое расширеніе можетъ быть безграничнымъ. Когда превзойдены истинные предѣлы вашей чувствительности, благодаря ли тому, что вы конденсируетесь въ себѣ самой или благодаря тому, что вы распространяетесь во внѣ, тогда неизвѣстно, что можетъ случиться.

Леспинасъ. Вы правы, докторъ. Много разъ во время думъ мнѣ казалось...

Борде. ...и больнымъ въ припадкѣ паралича...

Леспинасъ. ...что я становлюсь огромной...

Бордё... что своей ногой они касаются...

Леспинасъ. ...что мои руки и ноги удлинняются до безконечности; что другіе мои члены становятся такими же огромными; что миөическій Анселадъ въ сравненіи со мной не больше, какъ пигмей, что Овидіева Амфитрита, длинныя руки которой опоясывали землю, карлица, и что я взбираюсь по небу и обнимаю оба полушарія.

Бордё. Очень хорошо. А я зналъ одну женщину, у которой то же самое происходило въ обратномъ направленіи.

Леспинасъ. Какъ! она постепенно уменьшалась и вбиралась въ себя самое?

Бордё. До такой степени, что она чувствовала себя съ иголку. Она видѣла, слышала, мыслила, разсуждала, смертельно боялась, чтобы не погибнуть, тряслась при малѣйшемъ шорохѣ и не рѣшалась двигаться съ мѣста.

Леспинасъ. Вотъ странное видѣніе, очень прискорбное и очень неудобное.

Бордё. Это не видѣніе, это одно изъ послѣдствій прекращенія періодическихъ истеченій.

Леспинасъ. И долго ли оставалась она въ такой крошечной, незамѣтной формѣ маленькой женщины?

Бордё. Часъ, два часа, послѣ чего она начинала послѣдовательно возвращаться къ своему естественному размѣру.

Леспинасъ. Какова же причина такого страннаго перерыва въ истеченіяхъ?

Бордё. Побѣги пучка въ своемъ естественномъ и спокойномъ состояніи имѣютъ опредѣленное напряженіе, соотвѣтствующую крѣпость и силу, которая

очерчиваетъ реальную или мнимую протяженность тѣла. Я говорю: «реальную» или «мнимую», такъ какъ при измѣнчивости этого напряженія, этой крѣпости и силы, наше тѣло не всегда сохраняетъ одинъ и тотъ же объемъ.

Леспинасъ. Такимъ образомъ, подверженные одинаково какъ вліянію физики, такъ и вліянію морали, мы воображаемъ себя болѣе великими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ?

Бордé. Холодъ уменьшаетъ насъ, теплота увеличиваетъ, и тотъ или другой индивидъ можетъ всю жизнь считать себя большимъ или меньшимъ, чѣмъ онъ въ дѣйствительности. Когда случается массѣ пучка приходить въ состояніе страшнаго раздраженія, побѣгамъ его испытывать возбужденіе, безграничному множеству ихъ оконечностей переступать обычные для нихъ предѣлы, тогда голова, ноги, другіе члены, всѣ точки поверхности тѣла уносятся на огромное разстояніе, и индивидъ чувствуетъ себя гигантомъ. Произойдетъ обратное явленіе, если безчувственность, апатія, инертность овладѣваютъ оконечностями побѣговъ и добираются мало-по-малу до начала пучка.

Леспинасъ. Я не представляю себѣ, чтобы это расширеніе можно было измѣрить, и я понимаю, что эта безчувственность, эта апатія, эта инертность оконечностей побѣговъ, это онѣмѣніе, прогрессируя, могутъ фиксироваться, остановиться..:

Бордé. Какъ это случилось съ Ла-Кондаминъ; въ такомъ состояніи индивидъ чувствуетъ какъ бы гири у себя на ногахъ.

Леспинасъ. Онъ пребываетъ за предѣлами своей чувствительности, а если бы онъ былъ объятъ этой

апатіей всецѣло, онъ намъ представилъ бы примѣръ маленькаго живого человѣчка, пребывающаго въ формѣ мертваго.

Бордé. Сдѣлайте отсюда такое заключеніе: животное, которое при началѣ своемъ было не больше, какъ точкой , еще не знаетъ, представляетъ ли оно изъ себя въ дѣйствительности что-нибудь большее. Однако, вернемся...

Леспинасъ. Къ чему?

Бордé. Къ чему? къ трепанаціи Ла-Пейрони... Вотъ это хорошо вы сдѣлали, что попросили меня привести примѣръ человѣка, который то жилъ, то умиралъ... Но есть еще лучше.

Леспинасъ. Что же это такое?

Бордé. Осуществился миѳъ о Касторѣ и Поллуксѣ на двухъ дѣтяхъ: какъ только одно изъ нихъ оживало, другое тотчасъ же умирало и наоборотъ.

Леспинасъ. О, сказка! И долго ли это продолжалось?

Бордé. Продолжительность этого существованія была два дня, которые они распредѣлили между собой поровну и въ нѣсколько пріемовъ, такъ что каждое имѣло на свою долю день жизни и день смерти.

Леспинасъ. Я боюсь, докторъ, что вы немного злоупотребляете моимъ довѣріемъ. Берегитесь: если вы обманете меня разъ, я больше не буду вѣрить вамъ.

Борде. Читаете ли вы когда-нибудь Gazette de France?

Леспинасъ. Никогда, хотя это шедевръ двухъ умныхъ людей.

Бордé. Достаньте номеръ отъ 4 сентября и вы найдете тамъ, что въ Рабастенѣ (діосезъ Альби) родились двѣ дѣвочки, сросшіяся спинами, въ поясничныхъ поз-

вонкахъ, въ ягодицахъ и въ подвздошной области. Одну нельзя было поставить безъ того, чтобы другая не оказалась головой внизъ. Когда онѣ лежали, то глядѣли другъ на друга. Ихъ бедра были согнуты между корпусами, а ноги подняты. Посреди общей кругообразной линіи, которая связывала ихъ въ подвздошной области, различали ихъ полъ, и между правымъ бедромъ одной сестры, которому соотвѣтствовало лѣвое бедро другой, въ полости былъ маленькій задній проходъ, чрезъ который протекалъ меконій.

Леспинасъ. Дѣйствительно, странное явленіе.

Бордё. Онѣ принимали молоко съ ложки. Онѣ жили, какъ я говорилъ, 12 часовъ: одна впадала въ обморочное состояніе, а другая выходила изъ него, одна была мертвой, въ то время, какъ другая жила. Первый припадокъ обморока одной и первые моменты жизни другой продолжались 4 часа, послѣдующіе обмороки и моменты жизни были менѣе продолжительны; наступали они одновременно. Было также замѣчено, что ихъ пупки то втягивались внутрь, то выходили наружу: у той, которая впадала въ обморокъ, онъ втягивался внутрь, а у той, которая возвращалась къ жизни, онъ выступалъ наружу.

Леспинасъ. Что же скажете вы объ этихъ послѣдовательныхъ смѣнахъ жизни и смерти?

Бордё. Можетъ быть, ничего цѣннаго; но такъ какъ на все смотришь сквозь призму своей системы, и такъ какъ я не хочу дѣлать исключенія изъ общаго правила, то я скажу, что здѣсь наблюдается то же явленіе, что у больного Ла-Пейрони, только въ формѣ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ существъ; что ткани этихъ двухъ дѣтей такъ перемѣшались, что они поддавались вза-

нимному воздѣйствію: когда брало верхъ начало ткани одной дѣвочки, оно увлекало за собой ткань другой, которая впадала на моментъ въ обморокъ. Происходило противоположное, когда начинала господствовать надъ всей системой ткань послѣдней. У больного Ла-Пейрони давленіе производилось тяжестью жидкости сверху внизъ, у рабастеновскихъ же близнецовъ—снизу вверхъ, благодаря тягѣ извѣстнаго количества волоконъ ткани,—предположеніе, опирающееся на фактъ послѣдовательныхъ движеній втягиванія внутрь и выступленія наружу ихъ пупковъ.

Леспинасъ. И вотъ двѣ слившихся души...

Бордé. ...животное, надѣленное принципомъ двойного сознанія и двойной чувствительности...

Леспинасъ. ...однако пользующееся въ каждый данной моментъ только однимъ. Но кто знаетъ, что случилось бы, если бы это животное жило?

Бордé. Какого рода сношеніе установилъ бы между этими двумя мозгами ежеминутный опытъ жизни,—сильнѣйшая изъ привычекъ, какую только можно себѣ вообразить?

Леспинасъ. Двойная чувствительность, двойная память, двойное воображеніе, двойное усвоеніе; одна половина существа наблюдаетъ, читаетъ, размышляетъ, между тѣмъ, какъ другая покоится; затѣмъ вторая принимаетъ на себя эти функціи, когда ея спутница устаетъ,—двойная жизнь двойного существа!

Бордé. Разъ это возможно, то ужъ природа, сведя со временемъ въ одно все, что имѣется въ ея распоряженіи, съумѣетъ образовать нѣкую странную совокупность.

Леспинасъ. Какъ мы были бы бѣдны въ сравненіи съ подобнымъ существомъ!

Бордё. А почему? Если столько колебаній, противорѣчій, безумства въ одномъ умѣ, то я уже не знаю, что было бы при наличности двойного... Но уже полчаса одиннадцатаго, слышу: бьютъ часы; больной меня ждетъ.

Леспинасъ. Развѣ уже такъ опасно оставаться ему безъ вашей помощи?

Бордё. Можетъ быть, менѣе опасно, чѣмъ съ моей помощью. Если природа не выполнитъ своей задачи безъ меня, мы постараемся сдѣлать ее вмѣстѣ, но безъ помощи природы я ужъ навѣрное ея не выполню.

Леспинасъ. Посидите еще.

Д'Аламберъ. Еще одно слово, докторъ, и я отпущу васъ къ паціенту. Какимъ образомъ я могъ остаться особымъ существомъ и для другихъ и для себя, послѣ столькихъ превратностей, перенесенныхъ мною въ жизни, и не имѣя, можетъ быть, теперь ни одной изъ тѣхъ молекулъ, которыя я принесъ съ собой при рожденіи?

Бордё Вы намъ сказали объ этомъ во время бреда.

Д'Аламберъ. Развѣ я бредилъ?

Леспинасъ. Всю ночь, и были въ такомъ кошмарѣ, что я послала утромъ за докторомъ.

Д'Аламберъ. И все изъ-за лапокъ паука, которыя двигались сами собой, подавали сигналы пауку и заставляли его говорить. Что же животное говорило?

Бордё. Что, благодаря памяти, оно осталось отдѣльнымъ существомъ для другихъ и для себя, а я прибавилъ бы: и благодаря длительности перенесенныхъ вами превратностей. Если бы вы въ одно мгновеніе ока перешли изъ дѣтскаго возраста въ старческій, вы очутились бы на свѣтѣ такимъ, какимъ вы были въ первый моментъ вашего рожденія; вы не существовали бы ни

для другихъ, ни для себя, и другіе не существовали бы для васъ. Всѣ связи были бы нарушены, погибла бы вся исторія вашей жизни для меня и вся исторія моей жизни для васъ. Какимъ образомъ вы могли бы знать, что этотъ вотъ, опирающійся на палку, человѣкъ, съ угасшими глазами, съ трудомъ влачащій ноги, носящій въ себѣ еще большій контрастъ, чѣмъ во внѣ, былъ тѣмъ самымъ, который наканунѣ такъ легко шагалъ, поднималъ довольно большія тяжести, могъ отдаваться глубочайшимъ размышленіямъ, предаваться самымъ пріятнымъ и самымъ бурнымъ упражненіямъ? Вы не поняли бы своихъ собственныхъ работъ, не узнали бы самого себя, не узнали бы никого, и никто васъ не узналъ бы, измѣнился бы весь свѣтъ. Подумайте, что между вами въ моментъ рожденія и вами—ребенкомъ разница бо̀льшая, чѣмъ между вами—ребенкомъ и вами, вдругъ ставшимъ дряхлымъ человѣкомъ. Подумайте, что хотя ваше рожденіе было связано съ первыми годами вашего дѣтства цѣлымъ рядомъ безпрерывныхъ ощущеній, однако, три первые года вашего существованія никогда не составятъ части исторіи вашей жизни. Что же представляло бы для васъ время вашего дѣтства, которое ничѣмъ не было бы связано съ моментомъ вашей дряхлости? У дряхлаго Д'Аламбера не было бы ни малѣйшаго воспоминанія о Д'Аламберѣ—дитяти.

Леспинасъ. Въ грозди пчелъ не было бы ни одной, которая имѣла бы время освоиться съ духомъ цѣлаго организма.

Д'Аламберъ. Что вы тамъ говорите?

Леспинасъ. Я говорю, что монастырскій духъ сохраняется, потому что самъ монастырь мало-по-малу обновляется, и когда поступаетъ новый монахъ, онъ

находитъ тамъ сотню старыхъ, которые заставляютъ его думать и чувствовать, какъ они. Въ грозди на мѣсто одной улетѣвшей пчелы появляется другая, которая тотчасъ же осваивается съ цѣлымъ.

Д'Аламберъ. Ну, вы говорите пустяки о вашихъ монахахъ, о пчелахъ, о грозди и о монастырѣ.

Бордё. Не такіе пустяки, какъ вы думаете. Если въ животномъ одно только сознаніе, зато въ немъ множественность воли: у каждаго органа своя.

Д'Аламберъ. Какъ вы сказали?

Бордё. Я сказалъ, что желудокъ хочетъ пищи, а нёбо не хочетъ ея, и что разница между всѣмъ животнымъ и желудкомъ состоитъ въ томъ, что животное знаетъ, чего оно хочетъ, а желудокъ и нёбо хотятъ, не зная этого; что желудокъ и нёбо относятся другъ къ другу приблизительно такъ же, какъ человѣкъ къ скоту. Пчелы теряютъ свое сознаніе и сохраняютъ свой аппетитъ или волю. Фибра—животное простое, а человѣкъ—животное сложное, но оставимъ это до другого раза. Достаточно наступить какому-нибудь событію, менѣе важному, чѣмъ дряхлость, чтобы отнять у человѣка сознаніе себя. Умирающій принимаетъ дары съ глубокимъ благочестіемъ; онъ раскаивается въ своихъ грѣхахъ, проситъ прощенія у своей жены, обнимаетъ своихъ дѣтей, созываетъ своихъ друзей, говоритъ со своимъ врачомъ, дѣлаетъ наказъ своей челяди, диктуетъ свою послѣднюю волю, приводитъ въ порядокъ свои дѣла, и все это продѣлываетъ въ вполнѣ здравомъ умѣ и съ полнымъ присутствіемъ пуха. Онъ выздоравливаетъ, силы возвращаются къ е му, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія одтомъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ во время своей болѣзни. Этотъ промежутокъ, иногда очень длинный,

исчезъ изъ его жизни. Есть даже примѣры, когда нѣкоторыя лица возвращались къ тому разговору или дѣйствію, которые были прерваны внезапнымъ приступомъ болѣзни.

Д'Аламберъ. Я припоминаю, какъ въ одномъ публичномъ спорѣ одинъ педантъ изъ коллежа, преисполненный сознаніемъ собственной учености, былъ, что называется, посаженъ въ калошу однимъ презираемымъ имъ капуциномъ. Онъ, и вдругъ посаженъ въ калошу! И кѣмъ? Капуциномъ! И по какому вопросу? По вопросу о будущемъ предопредѣленіи, надъ которымъ онъ размышлялъ всю жизнь. И при какихъ обстоятельствахъ? Предъ многочисленнымъ собраніемъ! Предъ своими учениками! Позоръ! Его голова такъ усиленно работаетъ надъ этимъ, что онъ впадаетъ въ состояніе летаргіи, которая лишаетъ его всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ знаній.

Леспинасъ. Но это счастье для него.

Д'Аламберъ. Клянусь, вы правы. Разсудокъ остался у него, но онъ все забылъ. Его снова научили говорить, читать, и онъ умеръ, когда начиналъ очень бѣгло разбирать слова. Этотъ человѣкъ былъ не безъ способностей, его признавали даже до нѣкоторой степени краснорѣчивымъ.

Леспинасъ. Такъ какъ докторъ прослушалъ вашу сказку, то слѣдуетъ, чтобы онъ прослушалъ и мою. Одинъ молодой человѣкъ 18—20 лѣтъ, имя котораго я не припомню...

Бордё. Это г. Шулленбергъ изъ Винтертура; ему было только 15—16 лѣтъ.

Леспинасъ. Этотъ молодой человѣкъ упалъ и при паденіи получилъ страшное сотрясеніе въ головѣ.

Бордё. Страшное сотрясеніе! Онъ упалъ съ высо-

каго амбара, разбилъ себѣ голову и шесть недѣль оставался безъ сознанія.

Леспинасъ. Какъ бы тамъ ни было, но знаете ли вы, каковы были послѣдствія этого случая? Такіе же, какъ у вашего педанта: онъ забылъ все, что зналъ, вернулся къ своимъ младенческимъ годамъ, впалъ въ дѣтство, изъ котораго долго не выходилъ. Сдѣлался боязливымъ и малодушнымъ, началъ забавляться игрушками. Если онъ дѣлалъ какую-нибудь шалость и его бранили, онъ уходилъ и прятался гдѣ-нибудь углу. Его научили читать и писать, но я забыла сказать вамъ, что пришлось снова учить его ходить. Впослѣдствіи онъ сталъ человѣкомъ, и способнымъ человѣкомъ, и оставилъ послѣ себя трудъ по естественной исторіи.

Бордѐ. Вы говорите объ атласѣ насѣкомыхъ г-на Zulyer, составленномъ по системѣ Линнея. Я зналъ этотъ фактъ; это было въ Цюрихскомъ кантонѣ въ Швейцаріи. Есть много подобныхъ примѣровъ. Нарушьте начало пучка и вы измѣните животное, которое заключается въ немъ, какъ бы цѣликомъ, то господствуя надъ развѣтвленіями пучка, то подчиняясь имъ.

Леспинасъ. И животное находится подъ гнетомъ деспотизма или въ состояніи анархіи.

Бордѐ. Подъ гнетомъ деспотизма, это слишкомъ сильно сказано. Начало пучка отдаетъ приказанія, а все остальное повинуется. Животное—господинъ надъ собой, mentis compos.

Леспинасъ. Въ состояніи анархіи, когда всѣ волокна ткани взбунтовались противъ своего господина, и когда нѣтъ больше высшей власти.

Бордѐ. Великолѣпно. Когда господинъ въ моментъ сильнаго приступа страсти, въ тискахъ кошмара

или предъ лицомъ грозной опасности стягиваетъ всѣ силы своихъ подданыхъ къ одному пункту, то самое слабое животное проявляетъ невѣроятную силу.

Леспинасъ. Особенно характерна анархія, наступающая во время припадковъ.

Бордé. Это картина административной слабости, когда каждый присваиваетъ себѣ власть господина. Я знаю только одно средство излѣчиться отъ этого, тяжелое, но вѣрное; оно состоитъ въ томъ, чтобы начало чувствующей ткани этой конституирующей личность части было одержимо непреодолимымъ желаніемъ возстановить свой авторитетъ.

Леспинасъ. И что же получается?

Бордé. Получается то, что оно дѣйствительно возстановляетъ свою власть, или животное погибаетъ. Если бы у меня было время,я привелъ бы вамъ по этому поводу два необыкновенныхъ факта.

Леспинасъ. Но, докторъ, часъ вашего визита уже прошелъ, и больной васъ не ждетъ больше.

Бордé. Сюда нужно приходить только тогда, когда нечего дѣлать: не скоро выберешься отъ васъ.

Леспинасъ. Вотъ приступъ совершенно честной откровенности. А ваши факты?

Бордé. На сегодня вы удовлетворитесь вотъ этимъ:

Одна женщина вслѣдствіе родовъ впала въ состояніе страшнѣйшей припадочной болѣзни: непроизвольные слезы и смѣхъ смѣнялись припадками одышки, конвульсій, спазмъ въ горлѣ, мрачнымъ молчаніемъ, пронзительными криками,—всѣмъ, что только можно представить себѣ наихудшаго. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Она страстно любила, и ей показалось, что ея возлюбленный, которому надоѣла ея болѣзнь, сталъ избѣгать ея; тогда она рѣшила выз-

доровѣть или умереть. Въ ней поднялась гражданская война, въ которой одерживали верхъ то власть, то подданные. Если случалось, что дѣйствіе волоконъ ткани было равно противодѣйствію ея начала, женщина падала за-мертво, ее укладывали въ постель, гдѣ она оставалась цѣлыми часами безъ движенія и почти мертвой. Въ другой разъ у ней наступала такая усталость, такой упадокъ силъ, такое общее изнеможеніе, что, казалось, наступалъ конецъ. Шесть мѣсяцевъ продолжалась такая борьба. Бунтъ начинался всегда съ волоконъ. Она чувствовала приближеніе его. При первыхъ же симптомахъ она вставала, начинала бѣгать, предаваться самымъ рискованнымъ упражненіямъ: бѣгала по лѣстницамъ, пилила дрова, рыла землю. Органъ ея воли, начало пучка укрѣплялись, она говорила себѣ: побѣдить или умереть. Послѣ безконечнаго количества побѣдъ и пораженій господинъ остался у власти и подданные сдѣлались такими послушными, что не было больше рѣчи о припадкахъ, хотя эта женщина исполняла всякаго рода домашнія работы и переносила различныя болѣзни.

Леспинасъ. Молодецъ. Мнѣ кажется, что я поступила бы такъ же, какъ она.

Бордѐ. Это значитъ, что вы любили бы сильно, если бы полюбили, и что вы сильный человѣкъ.

Леспинасъ. Понимаю. Люди бываютъ сильными, если, вслѣдствіе привычки или благодаря организаціи, начало пучка господствуетъ надъ волокнами, и, наоборотъ, слабыми, если надъ нимъ господствуютъ.

Бордѐ. Можно еще другіе выводы сдѣлать отсюда.

Леспинасъ. А вашъ другой фактъ? Выводы вы сдѣлаете потомъ.

Бордѐ. Одна молодая женщина немного свихну-

лась. Однажды она приняла рѣшеніе отказаться отъ удовольствій. И вотъ она одна, задумчива и угрюма. Она позвала меня. Я посовѣтовалъ ей одѣться по-крестьянски, копать цѣлый день землю, спать на соломѣ и питаться черствымъ хлѣбомъ. Такой режимъ не понравился ей. Ну отправляйтесь путешествовать, говорю я ей. Она объѣхала всю Европу и во время путешествія обрѣла свое здоровье.

Леспинасъ. Это не то, что вы имѣли сказать, но не важно, вернемся къ вашимъ выводамъ.

Бордѐ. Этому конца не будетъ.

Леспинасъ. Тѣмъ лучше. Говорите, говорите безъ конца.

Бордѐ. У меня не хватаетъ смѣлости.

Леспинасъ. Почему?

Бордѐ. Потому что при такомъ темпѣ, съ какимъ мы идемъ, можно слегка коснуться всего, но нельзя углубиться.

Леспинасъ. Развѣ это важно? Мы не сочиняемъ; а говоримъ.

Бордѐ. Если, напримѣръ, начало пучка стягиваетъ всѣ силы къ себѣ, если вся система начинаетъ, такъ сказать, обратное движеніе, какъ это происходитъ, думается мнѣ, въ человѣкѣ, погруженномъ въ размышленія, въ фанатикѣ, видящемъ отверстыя небеса, въ дикарѣ, поющемъ въ объятіяхъ пламени, во время экстаза, вольнаго или невольнаго безумія...

Леспинасъ. Ну?

Бордѐ. Ну, животное становится безстрастнымъ, оно существуетъ только въ одной точкѣ. Я не видѣлъ того каламскаго священника, о которомъ говоритъ св. Августинъ, который углублялся въ себя до такой степени, что не чувствовалъ пылающихъ углей. Я не

видѣлъ на кострѣ тѣхъ дикарей, которые улыбаются своимъ врагамъ, издѣвающимся надъ ними и готовящимъ имъ еще болѣе изысканныя пытки, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ они страдаютъ; я не видѣлъ въ циркѣ тѣхъ гладіаторовъ, которые, умирая, припоминали позы и уроки гимнастики, но я вѣрю всѣмъ этимъ фактамъ, потому что я видѣлъ своими собственными глазами такое необычайное напряженіе силъ, какого нѣтъ ни въ одномъ приведенномъ случаѣ.

Леспинасъ. Разскажите мнѣ объ этомъ, докторъ. Я, какъ дитя, люблю чудеса, особенно, когда они дѣлаютъ честь человѣческому роду; мнѣ рѣдко приходится заниматься разысканіемъ истины.

Бордё. Въ одномъ шампанскомъ городѣ, въ Лангрѣ, жилъ кюрэ, по имени Мони, очень убѣжденный, исполненный религіозной истины. Съ нимъ приключилась каменная болѣзнь: нужно было оперировать. Въ назначенный день хирургъ, его помощники и я отправляемся къ нему. Онъ принимаетъ насъ со спокойнымъ видомъ, раздѣвается, ложится; его хотятъ связать, онъ отказывается. «Только положите меня, какъ слѣдуетъ», говоритъ онъ. Его кладутъ. Онъ проситъ подать ему большой крестъ, стоявшій въ ногахъ у кровати. Ему даютъ; онъ сжимаетъ его въ рукахъ, прикладываетъ къ нему губы. Производится операція; онъ лежитъ неподвижно: ни слезъ, ни вздоха, и такъ вынули у него камень, о которомъ онъ ничего не зналъ.

Леспинасъ. Прекрасно. Подите — сомнѣвайтесь послѣ этого, что тотъ, которому разбили грудную клѣтку, не видѣлъ отверстыхъ небесъ.

Бордё. Знаете ли вы, что такое ушная боль?

Леспинасъ. Нѣтъ.

Бордѐ. Тѣмъ лучше. Это самая жестокая изъ всѣхъ болѣзней.

Леспинасъ. Хуже ли болѣзни зубовъ, которую я, къ несчастью, знаю?

Бордѐ. Никакого сравненія. Недѣли двѣ тому назадъ она начала мучить одного изъ вашихъ друзей, философа. Однажды утромъ онъ сказалъ своей женѣ: Я чувствую, силы оставятъ меня на цѣлый день... Онъ рѣшилъ, что у него остается одна надежда: обмануть боль. Мало-по-малу онъ такъ углубился въ вопросы метафизики или геометріи, что забылъ про свое ухо. Ему подавали ѣсть; онъ ѣлъ, не замѣчая, что ѣстъ; въ свое время шелъ ко сну, не чувствуя страданій. Ужасная болѣзнь вернулась къ нему только тогда, когда прекратилось умственное напряженіе, и набросилась на него съ неслыханной яростью, потому ли, что, дѣйствительно, усталость вызвала ее, или потому, что его слабость сдѣлала ее невыносимой.

Леспинасъ. Изъ такого состоянія, должно быть, дѣйствительно, выходишь въ изнеможеніи. Это иногда случается съ тѣмъ господиномъ.

Бордѐ. Это опасно, пусть остерегается.

Леспинасъ. Я не перестаю говорить ему объ этомъ, но онъ не слушаетъ.

Бордѐ. Онъ не владѣетъ собой; такова его жизнь, онъ долженъ погибнуть.

Леспинасъ. Ваше сужденіе пугаетъ меня.

Бордѐ. Что доказываютъ это изнеможеніе, эта усталость? То, что побѣги пучка не оставались бездѣятельными, и что во всей системѣ была страшная тяга къ общему центру.

Леспинасъ. Если эта страшная тяга или тяготѣніе долго длится, если она становится обычной?..

Бордё. Тогда это значитъ, что начало пучка поражено тикомъ, животное становится безумнымъ и почти безнадежнымъ.

Леспинасъ. Почему?

Бордё. Потому что тикъ начала не то, что тикъ одного изъ побѣговъ. Голова можетъ распоряжаться ногами, но нога не можетъ распоряжаться головой, начало—побѣгами, а не побѣгъ—началомъ.

Леспинасъ. А какая, скажите, пожалуйста, разница? Дѣйствительно, почему я думаю не всѣми частями тѣла? Этотъ вопросъ долженъ былъ бы придти мнѣ въ голову давно.

Бордё. Потому что сознаніе находится только въ одномъ мѣстѣ.

Леспинасъ. Быстро сказано.

Бордё. Оно можетъ быть только въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ всѣхъ ощущеній: тамъ, гдѣ находится память; тамъ, гдѣ дѣлаются сравненія. Каждый побѣгъ способенъ воспринять только опредѣленное число впечатлѣній, ощущеній, послѣдовательныхъ, изолированныхъ, незадерживающихся. Начало воспринимаетъ ихъ всѣ, регистрируетъ, хранитъ въ памяти или безпрерывно ощущаетъ ихъ, и животное съ перваго момента своей формаціи связывается съ ними, фиксируетъ ихъ въ себѣ и существуетъ съ ними.

Леспинасъ. А если бы мой палецъ могъ имѣть память?

Бордё. Вашъ палецъ мыслилъ бы.

Леспинасъ. Что же такое память?

Бордё. Свойство центра, специфическое чувство начала ткани, подобно тому, какъ зрѣніе есть свойство глаза, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что

память не сосредоточена въ глазу, какъ неудивительно то, что зрѣніе не находится въ ухѣ.

Леспинасъ. Докторъ, вы скорѣе уклоняетесь отъ моихъ вопросовъ, чѣмъ отвѣчаете на нихъ.

Бордё. Я вовсе не уклоняюсь, я говорю вамъ то, что я знаю, и я зналъ бы больше, если бы организація начала ткани мнѣ была такъ же извѣстна, какъ организація ея побѣговъ, если бы я могъ съ такой же легкостью наблюдать ее. Но если я слабъ по части частныхъ явленій, зато я силенъ въ явленіяхъ общихъ.

Леспинасъ. Каковы же эти общія явленія?

Бордё. Разумъ, способность сужденія, воображеніе, безуміе, глупость, дикость и инстинктъ.

Леспинасъ. Понимаю. Всѣ эти свойства не что иное, какъ слѣдствія первоначальнаго или пріобрѣтеннаго привычкой отношенія начала пучка къ своимъ развѣтвленіямъ.

Бордё. Чудесно. Разъ принципъ или стволъ слишкомъ могучъ по сравненію съ вѣтвями, появляются поэты, артисты, люди, одаренные воображеніемъ, малодушные люди, энтузіасты, безумцы. Отъ системы слабой, вялой, неэнергичной рождаются глупцы. Система энергичная, хорошо организованная и согласованная даетъ хорошихъ мыслителей, философовъ, мудрецовъ.

Леспинасъ. И смотря по тому, какая тираническая вѣтвь стоитъ у власти: инстинктъ ли, варьирующійся у животныхъ, или умъ, варьирующійся у людей, получаются различные результаты: у собаки развивается обоняніе, у рыбы слухъ, у орла зрѣніе, Д'Аламберъ становится геометромъ, Вокансонъ—инженеромъ, Гретри музыкантомъ, Вольтеръ—поэтомъ.

Бордё... привычки, гнетущія людей... старецъ, лю-

бящій женщинъ, Вольтеръ, все еще пишущій трагедіи (*докторъ погрузился въ думы*)...

Леспинасъ. Докторъ, вы думаете?

Бордé. Да.

Леспинасъ. О чемъ думаете вы?

Бордé. По поводу Вольтера.

Леспинасъ. Ну?

Бордé. Я думаю о томъ, какъ происходятъ великіе люди.

Леспинасъ. Какъ же?

Бордé. Какимъ образомъ чувствительность...

Леспинасъ. Чувствительность?

Бордé. Или крайняя подвижность нѣкоторыхъ волоконъ ткани является преоблацающимъ свойствомъ посредственностей...

Леспинасъ. Ахъ, какое святотатство, докторъ!

Бордé. Я ждалъ этого. Но что такое чувствующее существо? Существо, отданное въ распоряженіе діафрагмы. Трогательное слово коснулось уха, необычное явленіе поразило глазъ, и вотъ вамъ внутри поднимается шумъ, всѣ побѣги пучка въ ажитаціи, разливается по всему тѣлу ознобъ, охватываетъ страхъ, льются слезы, душатъ вздохи, прерывается голосъ; начало пучка не знаетъ, что дѣлать; нѣтъ больше ни хладнокровія, ни разума, ни разсудительности, ни инстинкта, ни надежды.

Леспинасъ. Узнаю себя.

Бордé. Если великій человѣкъ, по несчастной случайности, получилъ отъ природы такое предрасположеніе, онъ безъ замедленія направитъ свои старанія на то, чтобы ослабить его, подчинить его себѣ, сдѣлаться господиномъ своихъ душевныхъ движеній и сохранить свою власть надъ началомъ пучка. И тог-

да среди величайшихъ опасностей онъ будетъ владѣть собой, будетъ разсуждать холодно, но здраво. Отъ его вниманія не ускользнетъ все то, что можетъ служить его цѣлямъ. Его не легко будетъ удивить; въ 45 лѣтъ онъ будетъ великимъ королемъ, великимъ министромъ, великимъ политикомъ, великимъ артистомъ, въ особенности, великимъ актеромъ, великимъ философомъ, великимъ поэтомъ, великимъ музыкантомъ, великимъ врачемъ, онъ будетъ господствовать надъ собой и надъ всѣмъ, что его окружаетъ. Онъ не будетъ бояться смерти, для него не будетъ страха, этого, по прекрасному выраженію стоика, буксира, за который берется сильный, чтобы вести слабаго повсюду, куда онъ захочетъ. Онъ порветъ этотъ буксиръ и въ то же время сброситъ съ себя всякую тиранію. Чувствительныя существа или сумасшедшіе—на сценѣ, а онъ въ партерѣ,—это онъ—мудрецъ.

Леспинасъ. Боже сохрани меня отъ общества такого мудреца!

Бордé. Принимая мѣры къ тому, чтобы не походить на него, вы будете испытывать то безумныя страданія, то безумныя наслажденія, будете проводить вашу жизнь то въ смѣхѣ, то въ слезахъ и навсегда останетесь ребенкомъ.

Леспинасъ. Я готова на это.

Бордé. И вы надѣетесь быть отъ этого болѣе счастливой?

Леспинасъ. Не знаю.

Бордé. М-ль, это столь цѣнимое качество въ своихъ сильныхъ проявленіяхъ почти всегда причиняетъ боль, а проявляясь слабо, оно нагоняетъ скуку: съ нимъ или зѣваешь или опьяняешься страстями. Вы то безъ мѣры отдаетесь наслажденіямъ роскошной

музыкой, красотой патетической сцены, то ваше веселье прошло, ваша діафрагма сжалась, и цѣлый вечеръ васъ душатъ спазмы въ горлѣ.

Леспинасъ. Но что же дѣлать, если только при такихъ условіяхъ я могу наслаждаться красивой музыкой и трогательными сценами?

Бордé. Ошибаетесь. Я тоже умѣю наслаждаться и восхищаться, но я никогда не страдаю, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда у меня колика. Я испытываю чистое наслажденіе, моя оцѣнка гораздо болѣе строга, моя похвала болѣе осмыслена и болѣе соблазнительна. Есть ли хоть одна плохая трагедія для такихъ впечатлительныхъ душъ, какъ ваша? Сколько разъ, при чтеніи трагедіи, вы краснѣли за тѣ восторги, которые вы испытывали въ театрѣ на представленіи ея и наоборотъ.

Леспинасъ. Это случалось со мной.

Бордé. Слѣдовательно, не вамъ, существу чувствительному, а мнѣ, спокойному и холодному, надлежитъ сказать: вѣрно, хорошо, прекрасно!.. Будемъ укрѣплять начало ткани: это лучшее, что можемъ мы сдѣлать. Знаете ли вы, что здѣсь идетъ дѣло о жизни?

Леспинасъ. О жизни! О, это дѣло серьезное, докторъ.

Бордé. Да, о жизни. Нѣтъ ни одного человѣка, который не имѣлъ бы иногда отвращенія къ ней. Одного какого-нибудь событія достаточно, чтобы такое настроеніе превратилось въ непроизвольное и обычное. Тогда не помогутъ ни увеселенія, ни разнообразіе наслажденій, ни совѣты друзей, ни собственныя усилія; побѣги съ неотвратимой силой наносятъ началу пучка гибельныя потрясенія; несчастный можетъ, сколько угодно, отбиваться; мракомъ застилается вселенная

предъ нимъ; тучи роковыхъ идей неотвязно шествуютъ за нимъ и онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Леспинасъ. Вы пугаете меня, докторъ.

Д'Аламберъ. (*Поднявшись въ халатѣ и ночномъ колпакѣ*). А что скажете вы, докторъ, о снѣ?

Бордé. Сонъ, это такое состояніе, когда, вслѣдствіе ли усталости, или благодаря привычкѣ, вся ткань отдыхаетъ и остается неподвижной, но когда, какъ во время болѣзни, каждое волоконце ткани волнуется, движется, передаетъ къ общему началу массу часто несвязныхъ, отрывочныхъ, неясныхъ ощущеній; а иногда эти ощущенія столь связны, столь послѣдовательны, столь отчетливы, что человѣкъ, проснувшись, лишается и разума, и рѣчи, и воображенія; временами они столь бурны, столь дики, что человѣкъ, проснувшись, теряетъ представленіе о реальности окружающаго...

Леспинасъ. Ну, такъ что такое сонъ?

Бордé. Это такое состояніе животнаго, когда не существуетъ больше цѣлаго; вся гармонія нарушается, всякое подчиненіе прекращается. Властелинъ отданъ во власть своихъ вассаловъ и необузданной энергіи своей собственной активности. Затронутъ глазной нервъ,—начало ткани стало видѣть; оно начинаетъ слышать, если толчокъ идетъ отъ слухового нерва. Только дѣйствіе и противодѣйствіе взаимно перемежаются, что является результатомъ центральнаго свойства системы, закона смежности и привычки. Если дѣйствіе начинается съ полового побѣга, который природа предназначила для наслажденія любовью и для продолженія рода, то послѣдствіемъ реакціи въ началѣ пучка будетъ воскресшій образъ любимаго предмета. Если же, наоборотъ, этотъ образъ воскреснетъ сначала у начала пучка, то по-

слѣдствія реакціи выразятся въ напряженіи полового побѣга, и бурномъ истеченіи сѣмянной жидкости.

Д'Аламберъ. Такимъ образомъ, возбужденіе во время сна бываетъ въ восходящей и нисходящей степени; я испыталъ такое состояніе въ эту ночь, но какое у него было направленіе,—я не знаю.

Бордé. Въ бодромъ состояніи ткань подчиняется впечатлѣніямъ отъ внѣшняго предмета. Во время сна все, что происходитъ въ ней, рождается въ игрѣ ея собственной чувствительности. Во время сна вниманіе человѣка ничѣмъ не отвлекается: отсюда —интенсивность сна, которая почти всегда является показателемъ мимолетнаго приступа болѣзни или слѣдствіемъ возбужденія. У начала ткани—безпрерывная попеременная смѣна состояній отъ пассивности къ активности, отсюда —безпорядочность сна. Концепціи во снѣ временами бываютъ такъ отчетливы, такъ связны, какъ у бодрствующаго животнаго, отдающагося впечатлѣніямъ природы. Только картины природы, вновь воскресшія во снѣ, снова возсоздаютъ впечатлѣнія отъ нихъ,—отсюда—правдоподобность сна, невозможность отличить его отъ состоянія бодрствованія, и нѣтъ иного средства распознать ихъ, кромѣ опыта.

Леспинасъ. А съ помощью опыта всегда можно распознать?

Бордé. Нѣтъ, не всегда.

Леспинасъ. Если сонъ даетъ мнѣ образъ друга, котораго я потеряла, правдоподобный образъ, какъ бы существующій въ дѣйствительности; если онъ говоритъ со мной, и я слышу его, если я дотрагиваюсь до него, и въ моихъ рукахъ остается впечатлѣніе отъ его тѣла; если я просыпаюсь съ душой, полной нѣж-

ности и боли, съ ручьями слезъ на глазахъ; если мои руки еще простерты къ тому мѣсту, гдѣ онъ являлся мнѣ,—кто скажетъ мнѣ, что я на самомъ дѣлѣ не видѣла его, не слышала его голоса, не дотрагивалась до него?

Бордё. Его отсутствіе. Но если невозможно отличить состояніе бодрствованія отъ сна, то кто опредѣлитъ продолжительность его? Спокойный сонъ, это—короткій промежутокъ забытья между моментомъ, когда ложатся спать, и моментомъ, когда встаютъ. Безпокойный,—онъ тянется иногда цѣлые годы. Въ первомъ случаѣ безусловно цѣликомъ прекращается сознаніе себя. Назовете ли вы такое состояніе сномъ?

Леспинасъ. Да, потому что существуетъ другое.

Д'Аламберъ. Во-второмъ случаѣ не имѣется только сознанія себя, но имѣется сознаніе и своей воли и своей свободы. Что такое свобода, что такое воля спящаго человѣка?

Бордё. Что? То же самое, что свобода или воля бодрствующаго: конечный импульсъ желанія или нежеланія, конечный результатъ всего, что было съ рожденія до настоящаго момента, и я отказываюсь признать, чтобы самый проницательный умъ способенъ былъ открыть здѣсь малѣйшую разницу.

Д'Аламберъ. Вы думаете?

Бордё. И это вы задаете мнѣ такой вопросъ! Вы, отдавшійся глубочайшимъ спекуляціямъ, проведшій двѣ трети своей жизни въ бреду съ открытыми глазами и въ дѣятельности вопреки своей волѣ, да, вопреки своей волѣ, хотя и въ бреду. Въ бреду вы распоряжались, отдавали приказанія, вамъ повиновались, вы были довольны или недовольны, вы испытывали противорѣчія, наталкивались на препятствія, возму-

щались, любили, ненавидѣли, порицали, уходили, приходили. По утрамъ, едва открывъ глаза, вы возвращались къ прерваннымъ наканунѣ размышленіямъ, одѣвались, садились за столъ, думали, чертили фигуры, дѣлали вычисленія, обѣдали, снова принимались за свои математическія комбинаціи, иногда вставали изъ-за стола, чтобы провѣрить ихъ въ разговорѣ съ другими, отдавали приказанія своимъ слугамъ, ужинали, ложились спать, засыпали, не проявляя никакой воли. Вы были не больше, какъ точка, вы дѣйствовали, но вы не проявляли воли. Развѣ желаніе зарождается само по себѣ? Волевой актъ всегда вызывается какимъ-нибудь мотивомъ внутреннимъ или внѣшнимъ, какимъ-нибудь впечатлѣніемъ въ настоящемъ или безсознательнымъ воспоминаніемъ изъ прошлаго, какой-нибудь страстью, проектомъ на будущее. Послѣ всего этого о свободѣ я скажу вамъ только одно слово. Всякое дѣйствіе наше есть необходимый эффектъ одной единственной причины: насъ, очень сложнаго цѣлаго, но цѣлаго.

Леспинасъ. Необходимый?

Бордé. Несомнѣнно. Попытайтесь представить себѣ одновременное возникновеніе какого-нибудь иного акта у того же самаго дѣйствующаго лица.

Леспинасъ. Онъ правъ. Поскольку я дѣйствую опредѣленнымъ образомъ, тотъ, кто хочетъ дѣйствовать иначе, уже не я, и увѣрять, что въ тотъ моментъ когда я дѣлаю или говорю одно, я могу дѣлать или говорить другое, значитъ увѣрять, что я въ одно и тс же время и я и нѣкто другой. Но порокъ и добродѣтель, докторъ? Добродѣтель,—это святое слово во всѣхъ языкахъ, эта священная идея у всѣхъ націй.

Бордé. Это слово нужно замѣнить другимъ: *благо-*

дѣяніемъ, а противоположное ему: *злодѣяніемъ*. Люди, къ счастью или несчастью, родятся, и общій потокъ уноситъ однихъ къ славѣ, другихъ къ безславію.

Леспинасъ. А собственное достоинство, а позоръ, а угрызенія совѣсти?..

Бордé. Мелочи, коренящіяся въ невѣждествѣ и тщеславіи лица, принимающаго на свой счетъ заслуги или неудачи момента.

Леспинасъ. А награды и наказанія?

Бордé. Средства исправленія измѣнчиваго существа, называемаго злымъ, и поощренія того, кого называютъ добрымъ.

Леспинасъ. Въ этой доктринѣ нѣтъ ничего опаснаго?

Бордé. Истина это или ложь?

Леспинасъ. Думаю, что истина.

Бордé. Т. е., вы думаете, что у лжи есть свои выгодныя стороны, а у истины—свои неудобства.

Леспинасъ. Думаю.

Бордé. Я тоже. Но выгодныя стороны лжи минутны, а выгоды истины вѣчны, зато неудобныя послѣдствія истины, когда они имѣются у нея, проходятъ быстро, а неудобныя послѣдствія лжи прекращаются только вмѣстѣ съ ней. Прослѣдите послѣдствія лжи въ головѣ человѣка и въ его поведеніи. Въ головѣ его ложь или переплетается такъ или иначе съ истиной, и голова непослѣдовательно работаетъ, или она стройно и послѣдовательно связывается съ другой ложью, и голова заблуждается. Но какого поведенія можете вы ожидать отъ головы или непослѣдовательной въ своихъ разсужденіяхъ, или послѣдовательной въ своихъ заблужденіяхъ?

Леспинасъ. Послѣдняго недостатка, менѣе достой-

наго презрѣнія, нужно, можетъ быть, больше бояться, чѣмъ перваго.

Д'Аламберъ. Очень хорошо. Такимъ образомъ, все сведено къ чувствительности, къ памяти, къ органическимъ движеніямъ. Съ этимъ я согласенъ. Но воображеніе и абстракціи?

Бордé. Воображеніе...

Леспинасъ. Одинъ моментъ, докторъ. Подведемъ итогъ. Мнѣ кажется, что, согласно вашимъ принципамъ, прибѣгая къ чисто механическимъ операціямъ, я сведу генія міра къ массѣ неорганизованнаго тѣла, у которой осталось только одна чувствительность, и что эту безформенную массу можно опять вывести изъ состоянія невыразимо-глубокой безсмысленности и поднять до степени человѣка-генія. Первая изъ этихъ операцій состоитъ въ томъ, чтобы искалѣчить первоначальный мотокъ побѣговъ и внести безпорядокъ во все остальное, а вторая въ томъ, чтобы возстановить въ моткѣ разорванные побѣги и предоставить все прочее свободному развитію. Примѣръ. Я отнимаю у Ньютона оба слуховыхъ побѣга, и онъ не воспринимаетъ больше звуковъ; я отнимаю у него носовые и онъ не чувствуетъ запаха; я отнимаю зрительные, и онъ не видитъ цвѣтовъ; я отнимаю вкусовые, и онъ лишается вкуса; затѣмъ я разрушаю или спутываю остальные, и гибнетъ вся организація мозга, память, способность сужденія, желаніе, страсти, воля, сознаніе себя, и вотъ вамъ безформенная масса, въ которой сохранилась лишь жизнь и чувствительность.

Бордé. Два свойства почти идентичныя: жизнь—аггрегатъ, чувствительность—ея элементъ.

Леспинасъ. Я снова беру эту массу и возстановляю

послѣдовательно побѣги: носовые—она чувствуетъ запахъ, слуховые—она слышитъ, зрительные—она видитъ, вкусовые—у ней чувство вкуса. Я предоставляю свободу развитія остальнымъ побѣгамъ и вижу, какъ возраждается память, способность сравненія и сужденія, разумъ, желанія, страсти, талантъ, всѣ способности организма, и вотъ снова предо мной человѣкъ-геній, и все это сдѣлано безъ вмѣшательства какого-нибудь посторонняго и непонятнаго агента.

Бордё. Чудесно. Придерживайтесь этихъ принциповъ, а остальное галиматья... Но абстракціи и воображеніе. Воображеніе, это память о формахъ и цвѣтахъ. Зрѣлище какой-нибудь сцены, какого-нибудь предмета по необходимости настраиваетъ извѣстнымъ образомъ чувствующій инструментъ, а затѣмъ онъ или самъ по себѣ уже настраивается на воспоминаніе объ этомъ, или какая-нибудь посторонняя причина вызываетъ въ немъ это воспоминаніе, и онъ тихо звучитъ внутри или громко гремитъ наружи, безшумно перерабатываетъ въ себѣ полученныя впечатлѣнія или изливается въ соотвѣтствующихъ звукахъ.

Д'Аламберъ. Но въ его разсказѣ есть преувеличенія; онъ игнорируетъ нѣкоторыя обстоятельства, прибавляетъ другія, искажаетъ фактъ или прикрашиваетъ его; смежные чувствующіе инструменты воспринимаютъ впечатлѣнія, заимствованныя у инструмента, который звучитъ, а не отъ исчезнувшей вещи.

Бордё. Правда. Разсказъ бываетъ историческимъ или поэтическимъ.

Д'Аламберъ. Но какъ эта поэзія или эта ложь вводится въ разсказъ?

Бордё. Съ помощью послѣдовательно пробуждаю-

щихся идей: онѣ пробуждаются одна за другой, потому что онѣ всегда связаны одна съ другой. Если вы взяли на себя смѣлость сравнивать животное съ клавесинами, то вы, конечно, позволите мнѣ сравнить поэтическій разсказъ съ пѣніемъ.

Д'Аламберъ. Сравненіе правильное.

Бордé. Въ каждой мелодіи есть гамма, у гаммы,— свои интервалы, у каждой струны—созвучныя ей струны. Такимъ образомъ вводятся въ мелодію модуляціи, и пѣснь обогощается разнообразіемъ звуковъ. Данъ только извѣстный мотивъ и ужъ каждый музыкантъ чувствуетъ его по-своему.

Леспинасъ. Но для чего затемнять вопросъ этимъ фигуральнымъ стилемъ? Я сказала бы, что каждый, имѣя свои глаза, видитъ и разсказываетъ различно. Я сказала бы, что каждая идея пробуждаетъ другія идеи, и что каждый человѣкъ, сообразно съ своей головой или своимъ характеромъ, придерживается идей, точно воспроводящихъ фактъ, или вводитъ въ нихъ воскресшія въ немъ идеи; что можно сдѣлать выборъ между идеями; что можно написать цѣлую книгу по одному этому предмету, если основательно разсматривать его.

Д'Аламберъ. Вы правы. Это не помѣшаетъ мнѣ спросить доктора, убѣжденъ ли онъ въ томъ, что форма, ни на что не похожая, никогда не зародится въ воображеніи и не воспроизведется въ разсказѣ.

Бордé. Убѣжденъ. Порождаемый этой способностью энтузіазмъ играетъ роль таланта у тѣхъ шарлатановъ, которые изъ множества раскромсанныхъ животныхъ создаютъ въ своемъ воображеніи чудовище, никогда не видѣнное въ природѣ.

Д'Аламберъ. А абстракціи?

Бордé. Ихъ не существуетъ. Существуютъ только обычныя фигуры умолчанія, эллипсисы, которые дѣлаютъ предложенія болѣе общими и рѣчь болѣе быстрой и удобной. Словесные знаки языка породили абстрактныя науки. Качество, общее многимъ дѣйствіямъ, дало начало словамъ: порокъ, добродѣтель; качество, общее многимъ существамъ, дало начало словамъ: уродливость и красота. Сначала говорили: одинъ человѣкъ, одна лошадь, два животныхъ, а потомъ стали говорить: одинъ, два, три; отсюда зародилась вся наука о числахъ. Представленія объ абстрактномъ словѣ у людей нѣтъ. Были подмѣчены во всѣхъ тѣлахъ три измѣренія: длина, ширина, высота; занялись каждымъ изъ нихъ,—отсюда всѣ математическія науки. Всякая абстракція не что иное, какъ пустой знакъ идеи. Идею исключили, отдѣливъ знакъ отъ физическаго предмета, и познаніе идей становится возможнымъ только при условіи сведенія знаковъ къ физическимъ предметамъ; отсюда необходимость часто прибѣгать въ разговорахъ и въ литературныхъ работахъ къ примѣрамъ. Когда вы, прослушавъ пространную комбинацію словесныхъ знаковъ, просите примѣра, вы обязываете вашего собесѣдника не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы онъ придалъ своимъ звукамъ тѣлесную оболочку, оформилъ ихъ, сдѣлалъ ихъ реальными, сведя ихъ къ испытаннымъ ощущеніямъ.

Д'Аламберъ. Ясно ли это для васъ, м-ль?

Леспинасъ. Не совсѣмъ, но докторъ вѣдь объяснитъ?

Бордé. Вамъ понятно и безъ объясненій. Остается, можетъ быть, внести кое-какія поправки и многое прибавить къ тому, что я сказалъ, но сейчасъ пол-

часа двѣнадцатаго, а у меня въ полдень консультація на Болотѣ.

Д'Аламберъ. Рѣчь болѣе быстрая и болѣе удобная! Развѣ люди точно понимаютъ и понимали другъ друга, докторъ?

Бордё. Почти всякій разговоръ есть отчетъ... Гдѣ же моя палка... не имѣю никакого представленія объ этомъ... а шапка... И умомъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ совершенно похожъ на другого; мы никогда точно не понимаемъ и никогда не были точно поняты; есть всегда кое-что больше или меньше того, что понято; наша рѣчь всегда или не исчерпываетъ ощущенія или переступаетъ предѣлы его. Всякій замѣчаетъ, какое существуетъ различіе въ сужденіяхъ людей; на самомъ дѣлѣ оно въ тысячу разъ больше, но мы не замѣчаемъ его и, къ счастью, можетъ быть, не замѣтимъ... До свиданія.

Леспинасъ. Еще одно слово, пожалуйста, докторъ.

Бордё. Говорите поскорѣе.

Леспинасъ. Вы помните о скачкахъ, о которыхъ вы говорили мнѣ?

Бордё. Да.

Леспинасъ. Думаете ли вы, что глупцы и умные люди дѣлаютъ такіе скачки въ рядѣ поколѣній?

Бордё. Почему нѣтъ?

Леспинасъ. Тѣмъ лучше для нашихъ внуковъ,—можетъ быть, вернется какой-нибудь Генрихъ IV.

Бордё. Можетъ быть, все вернется.

Леспинасъ. Докторъ, вы должны придти къ намъ обѣдать.

Бордѐ. Сдѣлаю, что смогу, не обѣщаю; вы примите меня, если я приду.

Леспинасъ. Мы будемъ ждать васъ до 2 часовъ.

Бордѐ. Согласенъ *).

---

*) Окончаніе произведенія „Сонъ д'Аламбера", носитъ названіе „Продолженіе разговора"; по нѣкоторымъ причинамъ оно помѣщено въ концѣ книги; см. стр. 308. *Прим. издателя.*

Разговоръ философа съ супругой маршала де ***

(1776 г.).

У меня было какое-то дѣло до маршала де ***. Я пошелъ утромъ къ нему на квартиру. Его не было дома, и я велѣлъ доложить о себѣ супругѣ маршала. Это милая женщина; она прелестна и набожна, какъ ангелъ: кротость написана на ея лицѣ; интонація голоса и наивность ея рѣчи,—все это такъ гармонировало съ ея наружностью.

Она была за туалетомъ. Я сажусь на придвинутое кресло, и мы начинаемъ разговоръ. Въ отвѣтъ на нѣсколько замѣчаній съ моей стороны, освѣдомившихъ ее о моей личности и изумившихъ ее (ибо она была убѣждена, что человѣкъ, непризнающій Пресвятой Троицы, каторжникъ, который кончитъ висѣлицей), она говоритъ мнѣ:

Вы не господинъ ли Крюдели?

Крюдели. Да, мадамъ.

Супруга маршала. Такъ это вы ни во что не вѣрите?

Крюдели. Я.

Супруга маршала. Однако у васъ мораль вѣрующаго человѣка.

Крюдели. Почему нѣтъ, если я честный человѣкъ?

Супруга маршала. И вы сообразуетесь съ этой моралью въ своей жизни?

Крюдели. Наилучшимъ образомъ.

Супруга маршала. Какъ! вы не воруете, не убиваете, не грабите?

Крюдели. Очень рѣдко.

Супруга маршала. Что же выигрываете вы, не вѣруя въ Бога?

Крюдели. Ничего, мадамъ. Развѣ вѣруютъ въ Бога изъ-за какой-нибудь выгоды?

Супруга маршала. Не знаю; но соображенія выгоды нисколько не вредятъ дѣламъ ни этого ни другого міра.

Крюдели. Поэтому-то я немножко огорченъ за нашъ бѣдный человѣческій родъ. Поэтому-то мы не стоимъ большаго.

Супруга маршала. Какъ! вы не воруете?

Крюдели. Нѣтъ, клянусь честью.

Супруга маршала. Если вы не воръ, не убійца, то согласитесь, по крайней мѣрѣ, что вы непослѣдовательны.

Крюдели. Почему же?

Супруга маршала. Мнѣ кажется, что если бы не на что было надѣяться и нечего было бояться, когда меня здѣсь не будетъ, то я не отказывалась бы отъ тѣхъ маленькихъ наслажденій, которыхъ такъ много представляется въ этой жизни. Признаюсь, я ссужаю Богу деньги подъ ростовщическіе проценты.

Крюдели. Вы воображаете?

Супруга маршала. Это не воображеніе, а фактъ.

Крюдели. А можно ли васъ спросить, что еще вы позволили бы себѣ, если бы были невѣрующей?

Супруга маршала. Извините, это предметъ моей исповѣди.

Крюдели. Что касается меня, то я получаю со своего капитала ренту.

Супруга маршала. Нищенскій доходъ.

Крюдели. Развѣ вы предпочитаете видѣть во мнѣ ростовщика?

Супруга маршала. Ну, да вѣдь... тутъ можно, сколько угодно, заниматься ростовщичествомъ... не разоришь. Я знаю хорошо, что это нѣсколько неделикатно, но что же дѣлать? Вся суть въ томъ, чтобы попасть на небо, хитростью или силой, не все ли равно: нужно все поставить въ счетъ, не пренебрегать никакой выгодой. Увы! намъ предстоитъ много хлопотъ, нашъ вкладъ всегда будетъ очень скуденъ по сравненію съ ожидаемымъ доходомъ. А вы ничего не ждете?

Крюдели. Ничего.

Супруга маршала. Печально. Согласитесь же, что вы или очень злы или очень безумны!

Крюдели. По правдѣ сказать, не знаю, мадамъ.

Супруга маршала. Какое побужденіе можетъ быть у невѣрующаго быть добрымъ, если онъ не безуменъ? Я очень хотѣла бы знать это.

Крюдели. И я скажу вамъ.

Супруга маршала. Вы обяжете меня.

Крюдели. Представляете ли вы себѣ, что можно быть такъ счастливо рожденнымъ, что будешь находить большое удовольствіе дѣлать добро?...

Супруга маршала. Представляю.

Крюдели. ...что можно получить превосходное воспитаніе, которое укрѣпляетъ естественную склонность къ благодѣяніямъ?

Супруга маршала. Конечно.

Крюдели. ...и что въ зрѣломъ возрастѣ мы по

опыту узнаемъ, что для нашего собственнаго счастья въ этомъ мірѣ лучше быть въ концѣ концовъ честнымъ человѣкомъ, чѣмъ мошенникомъ?

Супруга маршала. О, да, но какъ можно быть честнымъ человѣкомъ, когда дурные принципы вкупѣ со страстями влекутъ насъ ко злу?

Крюдели. По непослѣдовательности; что можетъ быть проще, какъ быть непослѣдовательнымъ?

Супруга маршала. Увы, къ несчастью, нѣтъ ничего проще этого: вѣруешь, а ведешь себя ежедневно, какъ невѣрующій!

Крюдели. И не вѣруя, ведешь себя, почти какъ вѣрующій.

Супруга маршала. Въ добрый часъ, но развѣ есть какое-нибудь неудобство имѣть однимъ поводомъ больше—религію—дѣлать добро и однимъ поводомъ меньше—невѣріе—дѣлать зло?

Крюдели. Никакого, если бы религія была поводомъ дѣлать добро, а невѣріе—поводомъ дѣлать зло.

Супруга маршала. Развѣ есть какое-нибудь сомнѣніе въ этомъ? Развѣ духъ религіи не способенъ сдерживать нашу мерзкую развращенную природу и духъ невѣрія, избавляя ее отъ страха, не предоставляетъ ее собственнымъ дурнымъ наклонностямъ?

Крюдели. Это, мадамъ, поведетъ насъ къ длинной дискуссіи.

Супруга маршала. Что же изъ этого? Маршалъ не скоро вернется, а для насъ лучше говорить умныя вещи, чѣмъ сплетничать о ближнихъ.

Крюдели. Придется начать немного издалека.

Супруга маршала. Какъ хотите, лишь бы я поняла васъ.

Крюдели. Моя будетъ вина, если вы не поймете меня.

Супруга маршала. Это предупредительно съ вашей стороны, но вы должны знать, что я никогда ничего, кромѣ часослова, не читала и занималась почти исключительно тѣмъ, что̀ выполняла предписанія Евангелія и родила дѣтей.

Крюдели. Эти обѣ обязанности вы исполнили прекрасно.

Супруга маршала. Да, что касается дѣтей: ихъ шесть у меня, а седьмой стучится въ дверь. Однако, начинайте.

Крюдели. Мадамъ, есть ли въ этомъ мірѣ какое-нибудь добро, которое не влекло бы за собой нѣкотораго неудобства?

Супруга маршала. Нѣтъ.

Крюдели. ...и какое-нибудь зло, которое не приносило бы нѣкоторой выгоды?

Супруга маршала. Нѣтъ.

Крюдели. Что же вы называете зломъ или добромъ?

Супруга маршала. Зло, это—то, что создаетъ больше неудобствъ, чѣмъ даетъ пользы, а добро, наоборотъ, создаетъ больше выгодъ, чѣмъ неудобствъ.

Крюдели. Будете ли вы, мадамъ, любезны потомъ припомнить свое опредѣленіе добра и зла?

Супруга маршала. Припомню. Вы называете это опредѣленіемъ?

Крюдели. Да.

Супруга маршала. Слѣдовательно, это философія?

Крюдели. Превосходная!

Супруга маршала. И я философствую?

Крюдели. Такимъ образомъ, вы убѣждены, что ре-

лигія даетъ больше выгодъ, чѣмъ неудобствъ, и потому вы называете ее благомъ?

Супруга маршала. Да.

Крюдели. Что касается меня, то я не сомнѣваюсь, что вашъ управляющій обворовываетъ васъ наканунѣ Пасхи немного меньше, чѣмъ послѣ, и что отъ времени до времени религія мѣшаетъ совершиться цѣлому ряду маленькихъ золъ и создаетъ цѣлый рядъ маленькихъ благъ.

Супруга маршала. Мало-по-малу создается великое.

Крюдели. Но думаете ли вы, что ужасныя опустошенія, произведенныя религіей въ протекшія времена, и тѣ, которыя она произведетъ въ будущемъ, въ достаточной степени компенсируются этими нищенскими выгодами? Подумайте: она создала и поддерживаетъ самую разнузданную вражду между націями. Нѣтъ мусульманина, который не воображалъ бы, что, искореняя христіанъ, которые, со своей стороны, не болѣе его вѣротерпимы, онъ дѣлаетъ угодное Богу и святому Пророку дѣло. Подумайте: она создала и поддерживаетъ такіе раздоры среди народовъ одной и той же страны, которые рѣдко утихаютъ безъ пролитія крови. Наша исторія представляетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ свѣжіе и слишкомъ мрачные примѣры. Подумайте: она создала и питаетъ сильнѣйшую и упорнѣйшую вражду въ обществѣ между гражданами, въ семьѣ между родными. Христосъ сказалъ, что онъ пришелъ отдѣлить мужа отъ жены, мать отъ дѣтей, брата отъ сестры, друга отъ друга, и его предсказаніе исполнилось слишкомъ точно.

Супруга маршала. Вотъ это какъ разъ и есть злоупотребленія, это не то.

Крюдели. Это—то, если злоупотребленія не отдѣлимы отъ нея.

Супруга маршала. А какъ вы докажете, что злоупотребленія религіей неотдѣлимы отъ нея?

Крюдели. Очень легко. Скажите мнѣ: если бы какой-нибудь мизантропъ задался цѣлью создать роду человѣческому несчастье, что могъ бы онъ изобрѣсти лучше вѣры въ непостижимое существо, на счеть пониманія котораго люди никогда не могли бы согласиться и котораго они ставили бы выше своей жизни? Возможно ли, такимъ образомъ, отдѣлить отъ понятія божества представленіе о глубочайшей непостижимости и величайшей важности?

Супруга маршала. Нѣтъ.

Крюдели. Сдѣлайте же выводъ.

Супруга маршала. Я сдѣлала тотъ выводъ, что такая мысль въ головѣ безумцевъ не остается безъ выводовъ.

Крюдели. И прибавьте, что безумцы всегда были и будутъ въ большинствѣ, и что самые опасные изъ нихъ тѣ, которыхъ дѣлаетъ религія, и изъ которыхъ умѣютъ при случаѣ извлечь выгоду общественные смутьяны.

Супруга маршала. Но нужно же имѣть что-нибудь, что̀ устрашало бы людей и удерживало бы ихъ отъ дурныхъ поступковъ, ускользающихъ отъ строгости законовъ. Что же вы поставите на мѣсто религіи, когда вы уничтожите ее?

Крюдели. Все-таки было бы однимъ ужаснымъ предразсудкомъ меньше, если бы даже я не имѣлъ, чѣмъ замѣнить ее. Я уже не говорю о томъ, что ни въ одну эпоху и ни у какой націи религіозныя мнѣнія не служили основой для національныхъ нравовъ.

Боги, которымъ поклонялись древніе греки и ри-

мляне, честнѣйшіе на землѣ люди, были разнузданнымъ хулиганьемъ: Юпитера нужно было заживо сжечь, Венеру заключить вмѣстѣ съ проститутками въ Сальпетріэръ, Меркурія—вмѣстѣ съ бродягами въ Бисэтръ.

Супруга маршала. И вы думаете, что совершенно безразлично: христіане мы или язычники; будучи язычниками, мы не стали бы отъ этого хуже и, какъ христіане, мы не стоимъ бо́льшаго?

Крюдели. Право, я убѣжденъ, что, помимо всего прочаго, мы были бы къ тому же еще немного веселѣе.

Супруга маршала. Это невозможно?

Крюдели. Но, мадамъ, развѣ есть среди насъ христіане?

Супруга маршала. И это вы говорите мнѣ?

Крюдели. Нѣтъ, не вамъ, мадамъ. Это я говорю одной моей сосѣдкѣ, честной и благочестивой, какъ вы, женщинѣ, мнящей себя, какъ вы же, лучшей христіанкой въ мірѣ.

Супруга маршала. И вы показали ей, что она ошибалась?

Крюдели. Въ одинъ моментъ.

Супруга маршала. Какъ вамъ удалось это?

Крюдели. Я развернулъ Новый Завѣтъ, который она часто читала,—книга была сильно потрепана,—и прочелъ ей нагорную проповѣдь. По прочтеніи каждаго стиха я спрашивалъ ее:

«Это вы исполняете? А это? а вотъ это?»

Я пошелъ еще дальше.

Она прекрасна, и, хотя она очень благонравна и очень набожна, она хорошо знаетъ это. У ней очень бѣлая кожа, и, хотя она не придаетъ большого значенія этому преходящему качеству, однако, она не обижает-

ся, когда ей дѣлаютъ комплиментъ за это; у ней роскошнѣйшая шея, и, хотя она очень скромна, ей нравится, когда замѣчаютъ это.

Супруга маршала. Лишь бы объ этомъ знали только она и мужъ.

Крюдели. Я думаю, что мужъ ея знаетъ это лучше кого-либо другого; но для женщины, которая рисуется своей религіозностью, этого не достаточно.

«Не написано ли въ Евангеліи», сказалъ я ей, «что пожелавшій жену ближняго своего совершилъ прелюбодѣяніе съ ней въ сердцѣ своемъ?»

Супруга маршала. Она вамъ отвѣтила: да?

Крюдели. «И не осуждаетъ ли оно», прибавилъ я, «прелюбодѣяніе, совершенное въ сердцѣ, такъ же строго, какъ прелюбодѣяніе, иначе совершенное?»

Супруга маршала. Она отвѣтила вамъ: да?

Крюдели. «И если мужчину осуждаютъ», продолжалъ я, «за совершенное въ сердцѣ прелюбодѣяніе, какова же будетъ участь женщины, соблазняющей на это преступленіе всѣхъ людей, приближающихся къ ней»?

Послѣдній вопросъ смутилъ ее.

Супруга маршала. Понимаю: она не особенно тщательно закрывала свою блиставшую красотою шею.

Крюдели. Вѣрно. Она отвѣтила мнѣ, что это обычная вещь,—какъ будто необычная вещь называться христіаниномъ и не быть имъ; что не слѣдуетъ быть посмѣшищемъ, благодаря своему костюму,— какъ будто бы есть какое-нибудь сравненіе между жалкой насмѣшкой людей и вѣчнымъ осужденіемъ ея и ея ближняго; что она полагается на вкусъ своей модистки,—какъ будто она скорѣе готова отказаться отъ своей религіи, чѣмъ смѣнить свою модистку; что это фан-

тазія мужа,—какъ будто мужъ настолько безразсуденъ, что требуетъ отъ жены забыть о приличіяхъ и своихъ обязанностяхъ, а истинная христіанка должна простирать свое повиновеніе сумасбродному мужу до забвенія воли Божьей и угрозъ своего искупителя!

Супруга маршала. Я напередъ знала всѣ эти пустяки; я, можетъ быть, такъ же ссылалась бы на нихъ, какъ ваша сосѣдка; но мы обѣ поступали бы недобросовѣстно. Какое же рѣшеніе приняла она послѣ вашего увѣщанія?

Крюдели. На слѣдующій день послѣ этого разговора (это было въ праздникъ) я поднимался къ себѣ, а моя набожная, прекрасная сосѣдка спускалась изъ своей квартиры, чтобы идти въ церковь.

Супруга маршала. Одѣтая, какъ всегда.

Крюдели. Одѣтая, какъ всегда. Я улыбнулся, она тоже, и мы разошлись, не сказавъ другъ другу ни слова. Вы видите, мадамъ: честная женщина, христіанка, набожная! И послѣ этого примѣра и сотни тысячъ другихъ подобнаго же рода, какое дѣйствительное вліяніе на нравы я могу приписать религіи? Почти никакого, и тѣмъ лучше.

Супруга маршала. Какъ тѣмъ лучше?

Крюдели. Да, мадамъ: если бы двадцати тысячамъ жителей Парижа пришла фантазія строго сообразовать свое поведеніе съ нагорной проповѣдью...

Супруга маршала. Ну, такъ нѣсколько прекрасныхъ шей было бы болѣе закрыто.

Крюдели. И было бы столько сумасшедшихъ, что̀ полиція не знала бы, что̀ съ ними дѣлать, такъ какъ недоставало бы смирительныхъ домовъ. Въ богодухновенныхъ книгахъ есть двѣ морали: одна—

главная и общая всѣмъ націямъ, всѣмъ культамъ, и ей кое-какъ слѣдуютъ; другая—свойственная каждой отдѣльной націи и каждому культу; ей вѣрятъ, ее проповѣдуютъ въ храмахъ, прославляютъ въ частныхъ домахъ, но ей вовсе не слѣдуютъ.

Супруга маршала. Отъ чего же происходитъ такая странность?

Крюдели. Оттого, что невозможно угнетать народъ правилами, подходящими лишь для нѣсколькихъ меланхоликовъ, и скроенными по ихъ характеру. Религіи, какъ и монастырскіе уставы, со временемъ увядаютъ. Это утопія, которая не можетъ устоять противъ постояннаго напора природы, возвращающей насъ подъ сѣнь своихъ законовъ. Сдѣлайте такъ, чтобы благо отдѣльныхъ лицъ было тѣсно связано съ общимъ благомъ; чтобы гражданинъ не могъ повредить обществу, не повредивъ самому себѣ. Обезпечьте за добродѣтелью награду, какъ вы обезпечили злому дѣлу наказаніе; дайте доступъ къ высшимъ постамъ въ государствѣ всѣмъ достойнымъ людямъ, безъ различія религіозныхъ воззрѣній, и къ какимъ бы общественнымъ слоямъ они ни принадлежали, и тогда у васъ останется незначительное меньшинство злыхъ людей, тяготѣющихъ къ пороку по своей испорченной природѣ, которой ничто не можетъ исправить. Мадамъ, искушеніе слишкомъ близко, а мученіе ада слишкомъ далеко; не ждите ничего хорошаго отъ системы странныхъ воззрѣній, которыя можно внушать только дѣтямъ, которыя надеждой на искупленіе подстрекаютъ къ преступленію, которыя посылаютъ провинившагося просить у Бога прощенія за обиду, нанесенную человѣку, и подтачиваютъ строй естественныхъ и мо-

ральныхъ обязанностей, подчиняя его строю химерическихъ обязанностей.

Супруга маршала. Я не понимаю васъ.

Крюдели. Я объяснюсь... но вотъ подъѣзжаетъ, кажется, карета господина маршала; онъ возвращается какъ разъ кстати, чтобы помѣшать мнѣ сказать глупость.

Супруга маршала. Скажите, скажите вашу глупость, я не пойму ее: я привыкла понимать только то, что мнѣ нравится.

Крюдели. (*Подошелъ къ ней и сказалъ ей тихо на ухо:*) Мадамъ, супруга маршала, спросите у викарія вашего прихода, что́ болѣе преступно: осквернить священный сосудъ или запятнать репутацію честной женщины? Онъ содрогнется отъ ужаса при мысли о первомъ преступленіи, онъ подниметъ вопль о святотатствѣ, и гражданскій законъ, который, наказывая сожженіемъ за святотатство, почти не знаетъ клеветы, приведетъ къ полному смѣшенію понятій и совращенію умовъ.

Супрага маршала. Я знала нѣкоторыхъ женщинъ, которыя воздерживаются отъ скоромной пищи по пятницамъ, и которыя... я чуть было не сказала глупости. Продолжайте.

Крюдели. Но, мадамъ, мнѣ абсолютно необходимо поговорить съ господиномъ маршаломъ.

Супруга маршала. Еще минутку, и мы пойдемъ къ нему вмѣстѣ. Я собственно не знаю, что отвѣтить вамъ, но въ то же время ваша рѣчь не убѣдительна для меня.

Крюдели. Я не задаюсь цѣлью убѣждать васъ. Съ религіей дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ бракомъ. Бракъ, приносящій несчастье столь многимъ людямъ,

принесъ вамъ и господину маршалу счастье: вы оба хорошо сдѣлали, что поженились. Религія, которая произвела, производитъ и будетъ производить столько злыхъ людей, сдѣлала изъ васъ лучшую женщину,— вы сдѣлаете хорошо, если сохраните ее. Вамъ пріятно воображать рядомъ съ собой, надъ своей головой великое и могущественное существо, видящее, какъ вы ходите по землѣ, и эта мысль укрѣпляетъ васъ. Продолжайте, мадамъ, пользоваться этимъ святымъ верховнымъ руководителемъ вашихъ мыслей, этимъ блюстителемъ и высокимъ образцомъ вашихъ поступковъ.

Супруга маршала. Вы не заражены, какъ я вижу, маніей прозелитизма.

Крюдели. Нисколько.

Супруга маршала. За это я васъ еще больше уважаю.

Крюдели. Я предоставляю каждому думать посвоему, лишь бы мнѣ позволили думать такъ, какъ я хочу; къ тому же люди, которымъ дано сбросить съ себя предразсудки, почти не нуждаются въ наставленіяхъ.

Супруга маршала. Думаете ли вы, что человѣкъ можетъ избѣгнуть суевѣрій?

Крюдели. Нѣтъ, поскольку онъ останется невѣжественнымъ и трусливымъ.

Супруга маршала. Ну, такъ вмѣсто одного суевѣрія, нашего, появится какое-нибудь другое.

Крюдели. Этого я не думаю.

Супруга маршала. Скажите мнѣ по правдѣ, развѣ вамъ не прискорбно превратиться послѣ смерти въ ничто?

Крюдели. Я предпочелъ бы жить, хотя я не знаю, почему бы дважды не позабавиться надо мною суще-

ству, которое однажды могло сдѣлать меня несчастнымъ безъ всякаго повода.

Супруга маршала. Если, вопреки этому неудобству, надежда на грядущую жизнь кажется вамъ утѣшительной и пріятной, зачѣмъ отнимать ее у насъ?

Крюдели. У меня нѣтъ такой надежды, потому что одного желанія имѣть такую жизнь въ будущемъ недостаточно, чтобы унять мое легкомысліе, но я ни у кого не отнимаю этой надежды. Если возможно повѣрить, что будешь видѣть, хотя у тебя не будетъ глазъ; будешь слышать, не имѣя ушей; будешь мыслить, не не имѣя головы; будешь любить, не имѣя сердца; будешь чувствовать, не имѣя чувствъ, будешь существовать, хотя нигдѣ тебя не будетъ; будешь представлять изъ себя что-то непротяженное,—тогда я согласенъ.

Супруга маршала. Но кто создалъ этотъ міръ?

Крюдели. Объ этомъ я спрашиваю васъ.

Супруга маршала. Богъ.

Крюдели. А что такое Богъ?

Супруга маршала. Духъ.

Крюдели. Если духъ создаетъ матерію, почему бы матеріи не создать духа?

Супруга маршала. А почему бы ей создать его?

Крюдели. Потому что я ежедневно вижу, какъ она дѣлаетъ это. Вѣрите ли вы, что у животныхъ есть душа?

Супруга маршала. Конечно, вѣрю.

Крюдели. А могли бы вы сказать, что дѣлается, напр., съ душой перуанской змѣи въ то время, какъ она сушится, подвѣшенная на каминѣ, и коптится два года подъ рядъ?

Супруга маршала. Пусть, что угодно, дѣлается, какое мнѣ дѣло до этого?

Крюдели. Потому что мадамъ не знаетъ, что сушеная и прокопченая змѣя воскреснетъ и оживетъ.

Супруга маршала. Я нисколько не вѣрю этому.

Крюдели. Однако смышленый человѣкъ Бургэ *) увѣряетъ въ этомъ.

Супруга маршала. Вашъ смышленый человѣкъ лгалъ.

Крюдели. А если онъ говорилъ правду?

Супруга маршала. Я перестала бы вѣрить, что животныя—машины.

Крюдели. А человѣкъ, который тоже животное, немного болѣе совершенное... Но господинъ маршалъ..

Супруга маршала. Еще одинъ и послѣдній вопросъ. Спокойны ли вы съ вашимъ безвѣріемъ?

Крюдели. Какъ нельзя больше.

Супруга маршала. Но если вы ошибаетесь?

Крюдели. Если я ошибаюсь?

Супруга маршала. Если все, что вы считаете ложнымъ, будетъ вѣрно, и вы будете осуждены... Господинъ Крюдели, это ужасная вещь быть осужденнымъ; горѣть цѣлую вѣчность,—это очень долго.

Крюдели. Лафонтенъ думалъ, что мы будемъ тамъ, какъ рыба въ водѣ.

Супруга маршала. Да, да, но вашъ Лафонтенъ сдѣлался очень серьезнымъ въ послѣдній моментъ, и вотъ къ этому моменту я васъ подожду.

Крюдели. Я ни за что не отвѣчаю, когда у меня не будетъ головы; если я кончу одной изъ тѣхъ болѣзней, во время которыхъ у человѣка, впавшаго въ агонію, сохраняется весь его разумъ, то въ моментъ, къ кото-

---

*) Одинъ изъ спутниковъ Ла-Кондамина во время путешествія по Перу, изобрѣтатель геоліометра.

рому вы меня поджидаете, я буду не больше смущенъ, чѣмъ въ моментъ, въ который вы меня видите теперь.

Супруга маршала. Эта неустрашимость смущаетъ меня.

Крюдели. Я нахожу ея больше у умирающаго, вѣрующаго въ строгаго судью, который взвѣшиваетъ все до самыхъ сокровенныхъ нашихъ помысловъ, и на вѣсахъ котораго самый праведный человѣкъ погибъ бы за свое тщеславіе, если бы онъ не трепеталъ отъ мысли предстать предъ судьею слишкомъ легкомысленнымъ; неустрашимость этого умирающаго еще болѣе смутила бы меня, если бы ему представился выборъ: прекратить существованіе послѣ смерти или предстать на судъ, и если бы онъ колебался принять первое рѣшеніе,—развѣ бы только онъ былъ болѣе безразсуднымъ, чѣмъ спутникъ Св. Бруно, или болѣе опьяненъ своимъ заслугами, чѣмъ Бохола.

Супруга маршала. Исторію сотоварища св. Бруно я читала, но я никогда не слыхала о вашемъ Бохола.

Крюдели. Это іезуитъ изъ Пинска, въ Литвѣ; умирая, онъ оставилъ шкатулку съ деньгами и съ запиской, написанной и подписанной его рукой.

Супруга маршала. Что же говорится въ этой запискѣ?

Крюдели. Она составлена такъ: «Я прошу моего дорогого собрата, хранителя этой шкатулки, открыть ее тогда, когда я начну творить чудеса. Хранящіяся въ ней деньги послужатъ на покрытіе расходовъ по церемоніи сопричисленія меня къ лику святыхъ. Въ подтвержденіе моихъ добродѣтелей прилагаю нѣсколько собственноручныхъ замѣтокъ, очень полезныхъ для лицъ, которыя задумаютъ написать мою біографію».

Супруга маршала. Можно умереть отъ смѣха.

Крюдели. Мнѣ, мадамъ, а не вамъ,—вашъ Богъ не любитъ шутокъ.

Супруга маршала. Вы правы.

Крюдели. Мадамъ, нетрудно совершить тяжкій грѣхъ противъ вашего закона.

Супруга маршала. Согласна.

Крюдели. Судъ, который рѣшитъ вашу судьбу, очень строгъ.

Супруга маршала. Правда.

Крюдели. И если вы полагаетесь на приговоръ вашей религіи относительно числа избранныхъ, то оно очень ничтожно.

Супруга маршала. О, я не янсенистка, я вижу медаль только съ утѣшительной стороны: кровь Іисуса Христа покрываетъ въ моихъ глазахъ огромное пространство, и мнѣ казалось бы очень страннымъ, если бы діаволъ, который не посылалъ на смерть своего сына, имѣлъ большій успѣхъ.

Крюдели. Но развѣ вы осуждаете Сократа, Фокіона, Аристида, Катона, Трояна, Марка-Аврелія?

Супруга маршала. Fi donc! только дикари могли бы думать такъ. Св. Павелъ говоритъ, что каждый будетъ судимъ по закону, который онъ зналъ, и св. Павелъ правъ.

Крюдели. А по какому закону будетъ судимъ невѣрующій?

Супруга маршала. Вашъ случай нѣсколько иной. Вы одинъ изъ тѣхъ проклятыхъ жителей библейскихъ городовъ, которые закрыли глаза на просвѣщавшій ихъ свѣтъ и заткнули уши, чтобы не слышать голоса истины.

Крюдели. Мадамъ, они были бы людьми единствен-

ными въ своемъ родѣ, если бы отъ нихъ зависѣло вѣрить или не вѣрить.

Супруга маршала. Если бы они были созданы въ Тирѣ и Сидонѣ, они увидѣли бы чудеса, которыя заставили бы ихъ принести покаяніе.

Крюдели. Это значитъ, что жители Тира и Сидона были умными людьми, а тѣ—глупыми. Но развѣ тотъ, кто создалъ глупцовъ, накажетъ ихъ за то, что они глупы? Я только что разсказалъ одну истинную исторію, у меня является желаніе разсказать вамъ сказку. Одинъ молодой мексиканецъ... Но господинъ маршалъ?

Супруга маршала. Я пошлю узнать, можно ли его видѣть. Ну, такъ что же вашъ молодой мексиканецъ?

Крюдели. Утомленный работой, онъ бродилъ однажды по берегу моря. Онъ увидѣлъ доску, которая однимъ концомъ погружалась въ воду, а другимъ упиралась въ берегъ. Онъ сѣлъ на эту доску и, обнимая своимъ взоромъ обширное развернувшееся предъ нимъ пространство, проговорилъ про себя:

«Несомнѣнно, моя бабушка говорила вздоръ, когда разсказывала мнѣ исторію о какихъ-то людяхъ, когда-то высадившихся на этотъ берегъ, и прибывшихъ сюда изъ какой-то страны, лежащей по ту сторону нашихъ морей. Нѣтъ здраваго смысла въ этомъ разсказѣ: развѣ я не вижу, что море граничитъ съ небесами? И могу ли я, наперекоръ моимъ чувствамъ, вѣрить старой баснѣ, которая возникла, не извѣстно когда, которую каждый передѣлываетъ на свой ладъ, и которая не что иное, какъ сплетеніе нелѣпостей, изъ-за которыхъ разсказчики готовы выцарапать другъ другу глаза?»

Въ то время, какъ онъ такимъ образомъ разсуждалъ,

вздымающіяся волны убаюкивали его, и онъ заснулъ. Пока онъ спалъ, вѣтеръ усилился, волны подняли доску, на которой онъ лежалъ, и вотъ нашъ молодой разумникъ поплылъ.

Супруга маршала. Увы, это—изображеніе нашей судьбы: каждый изъ насъ сидитъ на доскѣ; поднимается вѣтеръ, и волны уносятъ насъ.

Крюдели. Когда онъ проснулся, онъ былъ уже далеко отъ материка. Нашъ мексиканецъ очень удивился, очутившись среди открытаго океана, и еще больше удивился, когда, потерявъ изъ виду берегъ, на которомъ онъ только что прогуливался, онъ увидѣлъ, что море со всѣхъ сторонъ сливается съ небесами. Тогда въ немъ зародилось сомнѣніе, не ошибался ли онъ, и не попадетъ ли онъ, если вѣтеръ не затихнетъ, на тотъ берегъ и къ тѣмъ людямъ, о которыхъ такъ часто разсказывала ему бабушка.

Супруга маршала. А вы ни слова не говорите о его испугѣ.

Крюдели. Онъ вовсе не чувствовалъ испуга. Онъ говорилъ про себя:

«Не бѣда, лишь бы удалось только пристать къ берегу. Положимъ, я разсуждалъ, какъ безумецъ, но я былъ искрененъ съ самимъ собою, а это все, что можно требовать отъ меня. Если имѣть умъ—не додобродѣтель, то не имѣть его—не порокъ».

Тѣмъ временемъ вѣтеръ, не переставая, все дулъ, молодой человѣкъ все плылъ на доскѣ, и, наконецъ, вдали показался незнакомый берегъ: мексиканецъ пристаетъ и выходитъ на твердую землю.

Супруга маршала. Мы всѣ когда-нибудь сойдемся тамъ, г. Крюдели.

Крюдели. Я этого желаю: гдѣ бы ни было, мнѣ всегда будетъ лестно быть вамъ пріятнымъ.

Лишь только мексиканецъ сошелъ съ доски и ступилъ на песокъ, онъ увидѣлъ около себя почтеннаго старца. Онъ спросилъ у старца, что это за страна, и съ кѣмъ онъ имѣетъ честь разговаривать.

«Я властитель этой земли», отвѣтилъ ему старецъ.

Молодой человѣкъ тотчасъ же палъ ницъ предъ нимъ, но старецъ сказалъ ему:

«Встаньте. Вы отвергали мое существованіе?»

«Отвергалъ».

«И существованіе моей власти?»

«И существованіе вашей власти».

«Я прощаю вамъ это, потому что я тотъ, кто проникаетъ взоромъ въ глубину сердецъ, и я прочелъ въ глубинѣ вашего сердца, что вы были искренни, но другія ваши мысли и дѣйствія не такъ невинны».

И старецъ, держа его за ухо, напомнилъ ему всѣ заблужденія его жизни и на каждомъ его словѣ мексиканецъ наклонялся, билъ себя въ грудь и просилъ прощенія...

Такъ вотъ, мадамъ, поставьте себя на одинъ моментъ на мѣсто старца, и скажите мнѣ, что бы вы сдѣлали? Взяли ли бы вы этого молодого безумца за волосы и было ли бы вамъ пріятно таскать его такъ по берегу цѣлую вѣчность?

Супруга маршала. По правдѣ сказать, нѣтъ.

Крюдели. Если бы одинъ изъ вашихъ прелестныхъ дѣтей, оставивъ отчій домъ и надѣлавъ уйму глупостей, вернулось бы съ раскаяніемъ обратно...

Супруга маршала. Я побѣжала бы ему навстрѣчу, заключила бы его въ свои объятія и омыла бы его

своими слезами, но г. маршалъ, его отецъ, не такъ отнесся бы къ такому поступку.

Крюдели. Г. маршалъ не тигръ.

Супруга маршала. Далеко до этого.

Крюдели. Немного, можетъ быть, потрепалъ бы, но простилъ бы.

Супруга маршала. Конечно.

Крюдели. Въ особенности, если бы онъ поразмыслилъ, что прежде, чѣмъ произвести на свѣтъ это дитя, онъ зналъ всю его жизнь, и что наказаніе его за ошибки не принесло бы пользы ни ему, ни виновному, ни его братьямъ.

Супруга маршала. Старецъ и г. маршалъ оба одинаково поступили бы.

Крюдели. Не хотите ли вы сказать, что г. маршалъ лучше старца?

Супруга маршала. Боже, сохрани. Я хочу сказать, что если моя справедливость не справедливость г-на маршала, то справедливость г-на маршала могла бы не быть справедливостью старца.

Крюдели. Ахъ, мадамъ, вы не предвидите выводовъ изъ этого отвѣта. Или общее опредѣленіе одинаково относится и къ вамъ, и къ г-ну маршалу, и ко мнѣ, и къ молодому мексиканцу, и къ старцу, или я не знаю, что это такое, и не понимаю, какъ нравиться или не нравиться этому послѣднему.

(*На этихъ словахъ намъ доложили, что г. маршалъ ждетъ насъ. Я подалъ руку супругѣ маршала, а она проговорила*):

— Голова закружится отъ этого, не правда ли?

Крюдели. Почему же, если она въ порядкѣ?

Супруга маршала. Въ концѣ концовъ, проще всего

вести себя такъ, какъ если бы старецъ на самомъ дѣлѣ существовалъ.

Крюдели. Даже когда не вѣришь.

Супруга маршала. А когда вѣришь, не разсчитывать на его доброту.

Крюдели. Если это не очень вѣжливо, то во всякомъ случаѣ очень надежно.

Супруга маршала. Кстати, если бы вамъ пришлось давать судьямъ отчетъ въ вашихъ принципахъ, признали ли бы вы ихъ?

Крюдели. Я сдѣлалъ бы все зависящее отъ меня, чтобы избавить судей отъ необходимости совершить звѣрскую надо мной расправу.

Супруга маршала. Ахъ, трусъ! А въ предсмертный часъ вы согласились бы исполнить церковные обряды?

Крюдели. Не преминулъ бы.

Супруга маршала. Фи, гадкій лицемѣръ!

Продолженіе разговора *).

Собесѣдники: *Леспинасъ, Бордé.*

(Къ двумъ часамъ докторъ вернулся. Д'Аламберъ ушелъ обѣдать къ знакомымъ. И докторъ оказался tête-à-tête съ Леспинасъ. Подали на столъ. До дессерта говорили о совершенно безразличныхъ вещахъ, а когда прислуга удалилась, Леспинасъ сказала доктору).

Леспинасъ. Ну-съ, докторъ, выпейте стаканъ малаги и затѣмъ отвѣтьте мнѣ на вопросъ, который сотни разъ приходитъ мнѣ въ голову, и который я рѣшаюсь задать только вамъ.

Бордé. Малага великолѣпна... А вашъ вопросъ?

Леспинасъ. Что вы думаете о смѣшеніи видовъ?

Бордé. Честное слово, вопросъ тоже недуренъ. Я думаю, что люди придавали большое значеніе акту воспроизведенія рода и они были правы, но я недоволенъ ихъ гражданскими и религіозными законами.

Леспинасъ. Что же вы можете сказать противъ нихъ?

Бордé. ...Что въ нихъ нѣтъ справедливости и цѣли, и созданы они безъ всякаго соображенія съ природой вещей и общественной пользой.

Леспинасъ. Объяснитесь.

Бордé. Къ этому я подхожу... Но подождите (*онъ смотритъ на часы*). Въ моемъ распоряженіи имѣется

---

*) См. примѣчаніе на стр. 285.

еще цѣлый часъ, я быстро объясню вамъ: и часа для насъ будетъ достаточно. Мы—одни, вы умный человѣкъ, и не подумаете, что я пренебрегу моимъ уваженіемъ къ вамъ; какое бы сужденіе вы ни составили о моихъ идеяхъ, надѣюсь, вы не сдѣлаете изъ нихъ вывода противъ честности моихъ нравовъ.

Леспинасъ. Весьма вѣроятно, но ваше начало меня безпокоитъ.

Бордé. Въ такомъ случаѣ измѣнимъ разговоръ.

Леспинасъ. Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте. Одинъ изъ вашихъ друзей, который искалъ мнѣ и моимъ двумъ сестрамъ мужей, предлагалъ младшей сильфа, старшей ангела-благовѣстителя, а мнѣ ученика Діогена: онъ хорошо зналъ всѣхъ троихъ. Однако, докторъ, не слишкомъ откровенно.

Бордé. Само собой разумѣется, поскольку сюжетъ и мое состояніе позволятъ это.

Леспинасъ. Это ничего не будетъ стоить вамъ... Вотъ вашъ кофе, выпейте его.

Борде (выпивъ кофе). Вашъ вопросъ касается физики, морали и поэзіи.

Леспинасъ. Поэзіи!

Бордé. Несомнѣнно. Искусство создавать существа несуществующія по образу существующихъ есть истинная поэзія. На сей разъ позвольте мнѣ, вмѣсто Гиппократа, процитировать Горація. Этотъ поэтъ или стихоплетъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ;

Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

Высшая заслуга заключается въ томъ, чтобы соединить пріятное съ полезнымъ. Совершенство состоитъ въ примиреніи этихъ двухъ крайностей. Въ области эстетеки первое мѣсто должно остаться за пріятнымъ и полезнымъ дѣйствіемъ; полезному мы не

можемъ отказать во второмъ мѣстѣ, а третье останется за пріятнымъ, низшую же ступень мы отведемъ тому, что не приноситъ ни удовольствія, ни пользы.

Леспинасъ. До сего пункта я могу быть вашего мнѣнія, не краснѣя. Куда это заведетъ насъ?

Бордé. Сейчасъ увидите. Можете ли вы, м-ль, сказать мнѣ, какую пользу или удовольствіе приносятъ индивиду или обществу цѣломудріе и строгое воздержаніе?

Леспинасъ. Право, никакой.

Бордé. Слѣдовательно, мы вычеркнемъ ихъ изъ каталога добродѣтелей, несмотря на расточаемую имъ великую похвалу и не взирая на протежирующіе имъ гражданскіе законы, и согласимся, что нѣтъ ничего болѣе наивнаго, болѣе смѣшного, болѣе абсурднаго, болѣе вреднаго, болѣе презрѣннаго, болѣе худшаго, чѣмъ эти два рѣдкія качества: въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ настоящаго зла.

Леспинасъ. Съ этимъ можно согласиться.

Бордé. Будьте осторожны, предупреждаю, скоро вы отступитесь.

Леспинасъ. Мы никогда не отступаемся.

Бордé. А дѣйствія, совершаемыя въ уединеніи?

Леспинасъ. Ну?

Бордé. Ну, они доставляютъ все-таки, по крайней мѣрѣ, удовольствіе индивиду, и нашъ принципъ ложенъ или...

Леспинасъ. Что вы, докторъ!..

Бордé. Да, м-ль, да, потому что они безразличны и не такъ ужъ безплодны. Вызваны ли они потребностью или не вызваны ею, они всегда пріятны. Я хочу, чтобы люди были здоровы, я безусловно хочу этого, понимаете вы? Я порицаю всякое излишество, но

при нашихъ общественныхъ условіяхъ найдутся сотни разумныхъ соображеній за это, не говоря уже о темпераментѣ и гибельныхъ послѣдствіяхъ строгаго воздержанія, въ особенности, для молодыхъ людей: имущественная недостаточность, у молодыхъ людей страхъ жгучаго раскаянія, у женщинъ страхъ безчестія укрощаютъ несчастное гибнущее отъ томленія и тоски существо, бѣдняжку, не знающаго, къ кому обратиться, не рѣшающагося вести себя цинически. Вы помните, какими словами Катонъ напутствовалъ молодого человѣка, переступавшаго порогъ куртизанки: «Смѣлѣе, сынъ мой...» А что сказалъ бы онъ теперь, заставъ его одного на мѣстѣ преступленія? Онъ, можетъ быть, прибавилъ бы: вотъ такъ-то лучше, вмѣсто того, чтобы развращать жену другого или подвергать опасности ея честь и здоровье?.. Что же, я откажусь отъ наслажденій, отъ восхитительнаго и необходимаго для меня момента потому, что обстоятельства лишаютъ меня величайшаго счастья, какое только можно себѣ представить, отъ счастья слиться чувствами и душой въ порывахъ опьяненія съ избранницей моего сердца и воспроизвести себя въ ней и съ ней, потому что я не могу отмѣтить моего дѣйствія печатью полезности? При полнокровіи пускаютъ кровь, и какую роль при этомъ играетъ природа излишней жидкости, ея цвѣтъ и способъ, какимъ избавляются отъ нея? Она одинаково излишня какъ въ одномъ состояніи, такъ и въ другомъ, и если, переполнивъ свои резервуары и разлившись по всей машинѣ, она выходитъ другимъ болѣе длиннымъ, болѣе труднымъ и опаснымъ путемъ —развѣ отъ этого она становится менѣе потерянной? Природа не выноситъ ничего безполезнаго: какимъ же образомъ я окажусь виновнымъ въ содѣйствіи ей, когда она

взываетъ къ моей помощи самыми недвусмысленными симптомами? Не будемъ никогда провоцировать ее, но, когда нужно, подадимъ ей руку помощи; глупо лишать себя удовольствія, отказывая ей въ помощи или бездѣйствуя. Ведите трезвую жизнь, скажутъ мнѣ, изнуряйтесь до потери силъ. Понимаю: я долженъ, по-вашему, лишать себя одного удовольствія, потомъ напрягать свои силы, чтобы отказаться отъ другого. Хорошо придумано!

Леспинасъ. Вотъ проповѣдь не для дѣтей!

Бордé. И не для другихъ людей. Все-таки вы позволите мнѣ одно предположеніе? Предположите, что у васъ есть благоразумная, слишкомъ благоразумная и невинная, слишкомъ невинная дочь, въ возрастѣ, когда пробуждается темпераментъ. Голова у нея затуманивается, природа безсильна помочь ей: вы обращаетесь ко мнѣ. Я сразу замѣчаю, что всѣ, приводящіе васъ въ ужасъ, симптомы проистекаютъ отъ излишка и задержанія сѣменной жидкости. Я заявляю вамъ, что ей грозитъ нимфоманія, которую легко предупредить и отъ которой иногда не возможно бываетъ излѣчить. Я указываю вамъ на средство. Какъ вы поступите?

Леспинасъ. По правдѣ сказать, я думаю... но такихъ случаевъ не бываетъ...

Бордé. Образумьтесь. Такіе случаи не рѣдки; они бывали бы чаще, если бы распущенность нашихъ нравовъ не предупреждала ихъ... Какъ бы тамъ ни было, но разглашать эти принципы значило бы попирать ногами всякія приличія, навлекать на себя самыя гнусныя подозрѣнія и учинить преступленіе противъ общества. Вы задумались.

Леспинасъ. Да, я колебалась спросить васъ: слу-

чалось ли вамъ когда-нибудь дѣлать подобное секретное сообщеніе матерямъ.

Бордё. Конечно.

Леспинасъ. Какое же рѣшеніе принимали онѣ?

Бордё. Прекрасное рѣшеніе, осмысленное, и всѣ безъ исключенія,.. Я не поклонился бы на улицѣ человѣку, заподозрѣнному въ исповѣданіи моей доктрины, для меня достаточно было бы узнать, что онъ покрылъ себя такимъ позоромъ, чтобы я сталъ избѣгать его. Но мы говоримъ здѣсь безъ свидѣтелей и не выводя изъ этого никакихъ правилъ для себя. Я скажу вамъ о своей философіи то, что совершенно голый Діогенъ сказалъ молодому и стыдливому аѳинянину, сопротивленіе котораго онъ хотѣлъ побороть: «Не бойся ничего, сынъ мой,я не такъ золъ, какъ вонъ тотъ».

Леспинасъ. Бьюсь объ закладъ, докторъ, вы, повидимому, приходите...

Борде. Я не буду спорить, вы выиграете. Да, м-ль, это мое убѣжденіе.

Леспинасъ. Какъ, все равно, остаешься въ предѣлахъ своего вида, или выходишь изъ нихъ?

Бордё. Да.

Леспинасъ. Вы ужасны.

Бордё. Не я, а природа или общество. Послушайте, м-ль, я не поддаюсь власти словъ, я объясняюсь тѣмъ болѣе свободно, что я чистъ, и чистота моихъ нравовъ неуязвима ни съ какой стороны. И вотъ я спрашиваю васъ: изъ двухъ актовъ, одинаково направленныхъ къ удовлетворенію похоти и приносящихъ лишь удовольствіе безъ всякой пользы, за какой выскажется здравый смыслъ: за тотъ ли, который доставляетъ наслажденіе только тому лицу, который къ нему прибѣгаетъ, или за другой, въ которомъ насла-

жденіемъ дѣлятся съ другимъ, подобнымъ себѣ существомъ—самцомъ или самкой, ибо ни полъ, ни даже пользованіе поломъ роли здѣсь не играетъ?

Леспинасъ. Эти вопросы слишкомъ тонки для меня.

Бордé. Ахъ, вотъ какъ! Четыре минуты побыли человѣкомъ и вотъ уже снова беретесь за вашъ чепчикъ и юбки, чтобы снова стать женщиной. Въ добрый часъ! Ну, такъ и слѣдуетъ обращаться съ вами, какъ съ женщиной... Кончено... Больше ни слова о мадамъ Дюбарри... Вы видите, все устраивается; думали, что при дворѣ все пойдетъ вверхъ дномъ. Властелинъ поступилъ, какъ благоразумный человѣкъ.—Omne tulit punctum,—онъ оставилъ при себѣ и женщину, которая доставляетъ ему наслажденіе, и министра, который полезенъ ему... Но вы не слушаете меня... Гдѣ вы?

Леспинасъ. Я разбираюсь въ вашихъ этихъ комбинаціяхъ: всѣ онѣ кажутся мнѣ противоестественными.

Бордé. Все сущее не можетъ быть ни противъ природы, ни внѣ ея, не исключая даже ни добровольнаго цѣломудрія, ни добровольнаго воздержанія, которыя были бы самыми важными преступленіями противъ природы, если бы можно было погрѣшить противъ нея, и самыми важными нарушеніями соціальныхъ законовъ той страны, гдѣ дѣйствія взвѣшивались бы на иныхъ вѣсахъ, а не на вѣсахъ фанатизма и предразсудковъ.

Леспинасъ. Я возвращаюсь къ вашимъ пресловутымъ силлогизмамъ; я не вижу здѣсь средины, тутъ нужно или все отрицать, или со всѣмъ соглашаться... Но подождите-ка, докторъ, честнѣе и короче всего перепрыгнуть чрезъ грязь и вернуться къ моему первому вопросу: что вы думаете о смѣшеніи видовъ?

Бордé. Нѣтъ нужды прыгать для этого: мы уже на мѣстѣ. Естественно-научная, или моральная сторона этого вопроса интересуетъ васъ?

Леспинасъ. Естественно-научная, естественно-научная...

Бордé. Тѣмъ лучше. Вопросъ морали былъ на первомъ планѣ и вы разрѣшили его. Слѣд...

Леспинасъ. Согласна... несомнѣнно, это предисловіе, но я хотѣла бы... чтобы вы отдѣлили причину отъ слѣдствія. Оставимъ скверную причину въ сторонѣ.

Бордé. Это значитъ приказывать мнѣ начинать съ конца; но если вы хотите, то я скажу вамъ, что у насъ очень мало произведено *) опытовъ благодаря нашей трусости, нашему отвращенію, нашимъ законамъ и предразсудкамъ; что намъ не извѣстно, какія совокупленія были бы совершенно безплодными; что мы не знаемъ случаевъ, когда полезное сочеталось бы съ пріятнымъ, какіе виды можно было бы создать благодаря послѣдовательнымъ и разнообразнымъ попыткамъ; существуютъ ли въ дѣйствительности фавны или это миѳъ; не умножились ли бы на сотни разнообразныхъ способовъ породы муловъ, и дѣйствительно ли безплодны извѣстныя намъ породы

*) Ressif de la Bretonne утверждаетъ въ «*Философіи г. Никола*», что всевозможные опыты производились въ Потсдамѣ Фридрихомъ II. Вѣроятно, это не такъ; но нынѣ мы вправѣ думать, что подобныя помѣси невозможны, какъ невозможна помѣсь кролика съ курицей, о чемъ говорится ниже, хотя бы тому былъ порукою истинный ученый Реомюръ. Галлеръ говоритъ по этому поводу: «Хотя дружба Реомюра дѣлаетъ мнѣ большую честь, но я никогда не могъ убѣдиться, что, какъ онъ говоритъ, между кроликомъ и курицей бываетъ настоящая связь». «Физіологія».

ихъ. Но вотъ одинъ странный случай, который многіе образованные люди выдадутъ вамъ за истинный, но который не правдоподобенъ: будто бы они видѣли, какъ на птичьемъ дворѣ эрцгерцога одинъ кроликъ—безстыдникъ игралъ роль пѣтуха у двухъ десятковъ куръ—безстыдницъ, которыя будто бы свыклись со своимъ положеніемъ. Они прибавятъ еще, что имъ показывали цыплятъ, покрытыхъ шерстью и происшедшихъ отъ этого животнаго. Подумайте, какъ они смѣшны!

Леспинасъ. А что подразумѣваете вы подъ послѣдовательными попытками?

Борде. Я предполагаю, что распространеніе животнаго царства идетъ постепенно, и ассимиляцію животныхъ нужно подготовлять; поэтому, чтобы имѣть успѣхъ въ такихъ опытахъ, слѣдовало бы начинать издалека и поработать сначала надъ сближеніемъ животныхъ, поставивъ ихъ въ одинаковыя условія существованія.

Леспинасъ. Трудно будетъ довести человѣка до такого состоянія, чтобы онъ началъ щипать траву.

Борде. Но часто не трудно заставить его пить козье молоко, и козу легко заставить питаться хлѣбомъ. Я указалъ на козу по нѣкоторымъ особеннымъ соображеніямъ.

Леспинасъ. По какимъ?

Борде. Вы очень смѣлы! По такимъ... что изъ козъ мы сдѣлали бы сильную, умную, неутомимую и быстроногую породу превосходныхъ слугъ.

Леспинасъ. Очень хорошо, докторъ. Мнѣ даже представляется, что за каретой вашихъ герцогинь торчитъ 5—6 огромныхъ нахальныхъ козлоногихъ, и это забавляетъ меня.

Бордѐ. И мы не унижали бы больше нашихъ братьевъ, поручая имъ функціи, недостойныя ни ихъ, ни насъ.

Леспинасъ. Еще лучше.

Бордѐ. Въ нашихъ колоніяхъ мы не ставили бы больше человѣка въ условія вьючнаго скота.

Леспинасъ. Скорѣе, докторъ, скорѣе садитесь за работу и создавайте намъ козлоногихъ слугъ.

Бордѐ. И вы спокойно позволите это?

Леспинасъ. Но постойте: ваши козлоногіе, можетъ быть, будутъ разнузданными, развратными.

Бордѐ. Не гарантирую, что они будутъ въ высокой степени нравственными

Леспинасъ. У честныхъ женщинъ не будетъ никакой гарантіи безопасности; они будутъ размножаться безъ конца, и со временемъ придется уничтожать ихъ или покоряться имъ. Я этого не хочу, не хочу. Будьте покойны.

Бордѐ. (*Уходя*). А вопросъ о крещеніи ихъ?

Леспинасъ. Вызоветъ хорошую свалку въ Сорбоннѣ.

Бордѐ. Видѣли ли вы въ Королевскомъ саду въ стеклянной клѣткѣ орангъ-утанга, похожаго на... ...одного извѣстнаго отшельника?

Леспинасъ. Видѣла.

Бордѐ. Кардиналъ Полиньякъ однажды сказалъ ему: «Заговори, и я крещу тебя».

Леспинасъ. Итакъ, до свиданія, докторъ, не покидайте насъ навѣки, какъ вы дѣлаете, а подумывайте иногда, что я безумно люблю васъ. О, если бы кто-нибудь зналъ обо всѣхъ ужасахъ, о которыхъ вы разсказывали мнѣ?

Бордѐ. Я увѣренъ, что вы будете молчать.

Леспинасъ. На это не полагайтесь, я и слушаю-

то только для удовольствія потомъ передавать другимъ. Но еще одно слово, и я больше никогда не вернусь къ этому.

Бордé. Что?

Леспинасъ. Откуда берутся такія ужасныя привычки?

Бордé. У молодыхъ людей вездѣ отъ слабости организаціи, у стариковъ отъ развращенности головы, у аѳинянъ отъ очарованія красоты, въ Римѣ отъ недостатка женщинъ, въ Парижѣ отъ страха предъ сифилисомъ. До свиданія, до свиданія!

Замѣченныя опечатки.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стран. 9, въ прим.: въ 1746 г.; г. Бассэ де Розье и т. д.	въ 1746 г. г. Бассэ де Розье и т. д.
» » 20, внизу: général à particulière...	...génèral et particulière...
» » 21, 8 стр. снизу: organises	organisés
» » 71, 12 стр. снизу: Lettrès	Lettres
» » 73, 15 стр. снизу: и ея истолкователя	отъ ея истолкователя
» » 78, 10 стр. сверху: гемогенности	гомогенности
» » 78, 10 стр. снизу: обсолютно	абсолютно
» » 82, 6 стр. » Варьируется	Варьируется ли
» » 85, 2 стр. снизу: опубликовывалъ по по	опубликовываю по
» » 104, 8 стр. сверху: такъ, какъ никто,	такъ, какъ никто;
» » 104, 11 стр. сверху: раздражителенъ	раздражительна
» » 122, 13 стр. снизу: съ яблоками	въ яблокахъ
» » 127, 10 стр. сверху: какую-то	какую-то пьесу
» » 173, 9 стр. снизу: ренегатъ	предатель; и далѣе во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто «ренегатъ», читать «предатель»
» » 177, 12 стр. снизу: Затымъ	Затѣмъ
» » 179, 4 стр. снизу: математикы	математикѣ
» » 179, 3 стр. снизу: не цынятся	не цѣнятся
» » 179, 2 стр. снизу: ныкоторомъ	нѣкоторомъ
» » 181, 2 стр. снизу: лицемыренъ	лицемѣренъ
» » 182, 17 стр. снизу: увертывать	увертываться
» » 198, 8 стр. снизу: точецъ	точетъ
» » 296, 2 стр. сверху: не слѣдуютъ	слѣдуютъ

Изданія М. И. Семенова:

Библіотека Философовъ-Матеріалистовъ.

Вып. I. **Де-Ламетри.** Человѣкъ-машина. перев. съ фр. со вступ. ст. В. Констанса. Ц. 1 р.
» II. **Дени Дидро.** Избран. философ. соч. Ц. 2 р.
» III. **Гольбахъ.** Избран. сочиненія (готов. къ печ.).
» IV. **Гельвецій.** Избран. сочиненія (готов. къ печ.).

Анри Бергсонъ. Собраніе сочиненій.

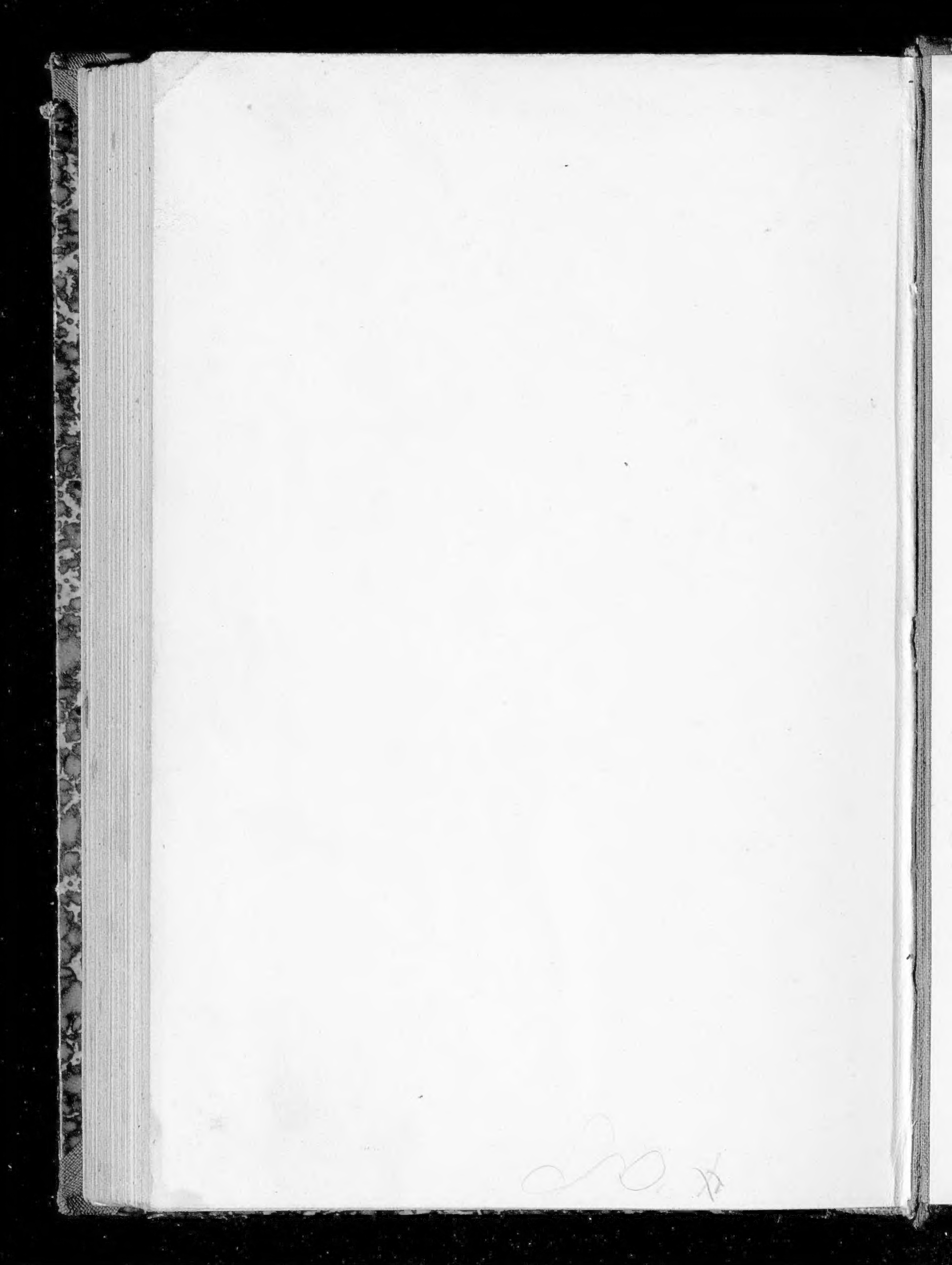
т. I. Творческая Эволюція. Ц. 2 р.
т. II. Опытъ надъ непосредственными данными сознанія, Перев. Бычковскаго. Ц. 1 р. 50 к.
т. III. Матерія и память. Перев. В. Базарова. Ц. 1 р. 50 к.
т. IV. Философскія рѣчи и статьи. Перев. В. Флеровой. Ц. 2 р.
т. V. Готовится къ печати.

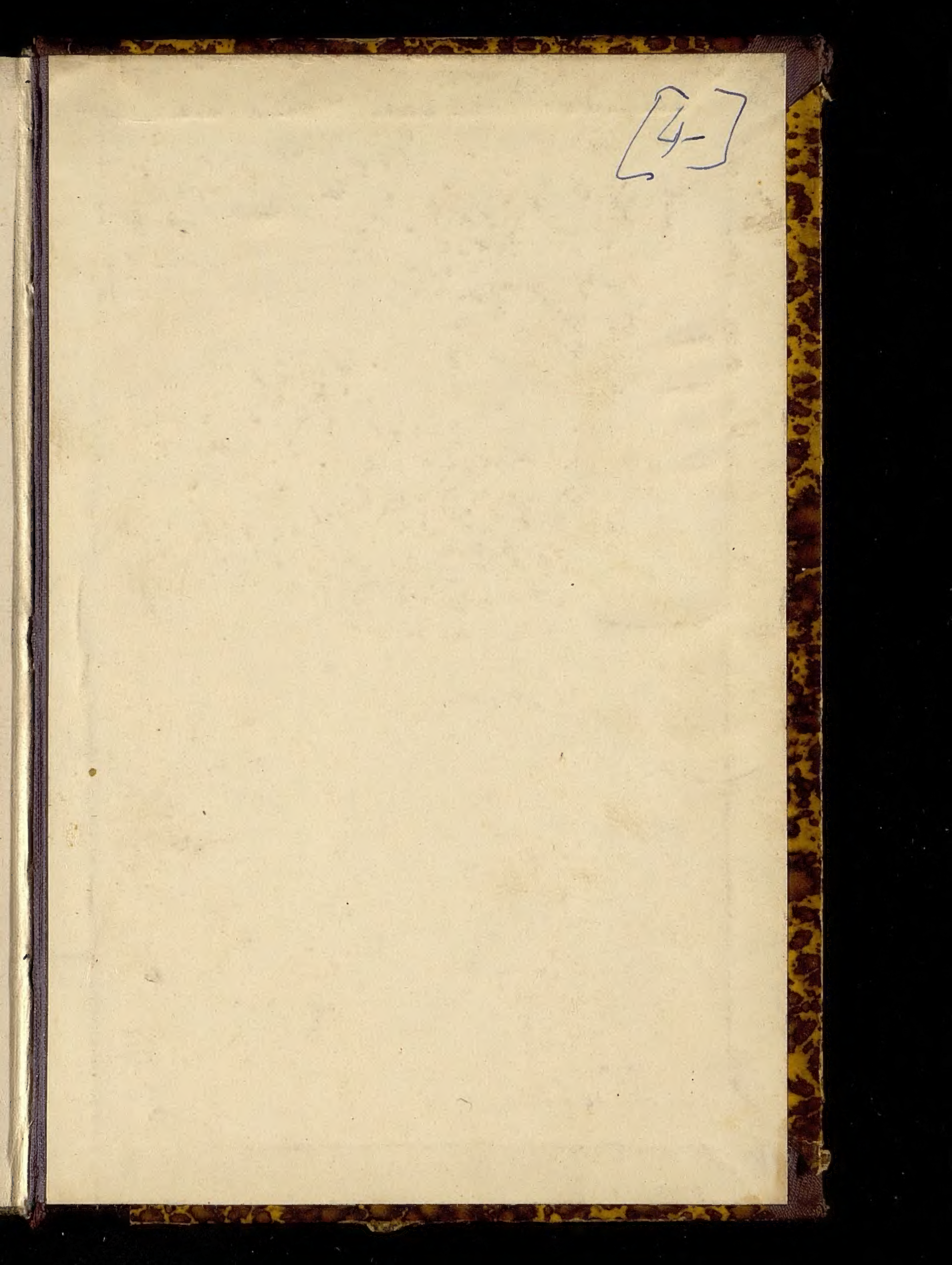
Отдѣльные выпуски сочин. Бергсона:

Воспріятіе измѣнчивости 1913 г. Ц. 50 к.
Психо-физіологическій паралогизмъ. Сновидѣніе. Ц. 50 к.
Воспоминаніе настоящаго. Ц. 50 к.
Смѣхъ. Ц. 75 коп.
Интеллектуальное усиліе. Ц. 50 к.

А. Богдановъ. Философія живого опыта. Ц. 2 р.
А. Богдановъ. Всеобщая организаціонная наука. Ц. 2 р.
А. Коллонтай. По Рабочей Европѣ. Ц. 1 р. 35 к.
Роменъ Роланъ. Жизнь Бетховена. Ц. 1 р.
Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи. — Ц. 3 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[4-]

